

Северо-Запад

ЮОНДИ И ХАРДИМ НОЧИ

Северо-Запад

- [Донован Фрост](#)

- [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Донован Фрост

Храм ночи

(Конан —)

Глава первая

Если бы вдруг Немедийская армия ни с того, ни с сего перешла границу на этом Митрой забытом участке или на заставу обрушилась стая науськаных стигийскими чародеями драконов, то шуму было бы все равно меньше. Лагерь аквилонских пограничников напоминал горящий муравейник. Повсюду слышались истошные крики бестолковых команд, визг сигнальных рожков, лай собак и ржание коней. Меж палатками метались ратники, на ходу стараясь вникнуть в происходящее и вооружиться.

Перед своей палаткой навытяжку стоял командир заставы, толстые щеки его побелели. Сонная одурь, в которой нежился лагерь в течение всей бестревожной службы офицера, вдруг сменилась ледяным вихрем тревоги. И причиной тому был маленький отряд всадников, несколькими мгновениями раньше ворвавшийся в расположение заставы.

Глава прибывших, только что отошел от ошеломленного офицера, высказал ему нечто такое, что заставило служивого трястись, словно пораженного внезапным приступом жестокой лихорадки.

... Несущийся по узкой горной дороге отряд миновал пяток солдат, расположившихся в уютном теньке и азартно стучавших игральными костями по порожнему пивному бочонку. Старший дозора поначалу безразлично помахал всадникам рукой и вдруг разинул рот, разглядев золоченых львов на запыленных попонах.

Миновав столь же беспрепятственно и остальные посты на дороге, кавалькада ворвалась в сонный лагерь через распахнутые деревянные ворота. Раздавая удары плетьями направо и налево, всадники достигли командирской палатки, а мчавшийся впереди всех на могучем черном жеребце рыцарь в латах безо всяких украшений и гербов резко осадил коня, спрыгнул на землю и шагнул внутрь. Он был так высок, что плюмаж его шлема колыхнул шелковый полог.

Сбежавшиеся ратники разглядывали статных лошадей, богатую сбрую и роскошное оружие сопровождающих знатного тарантийского вельможи, прибывшего с таким шумом, пока один из них не разглядел герба на роскошном кафтане молодого пажа, который соскочил с седла мгновением позже вельможи и взял под уздцы его боевого коня.

— Король... — сперва неуверенно проговорил ратник, растерянно шлепая себя по бедру, где должен был висеть клинок, затем, нахлобучивая на голову шлем, закричал увереннее:

— Король Аквилонии!

Вокруг него латники начали падать на колени, и лишь совсем немногие, оказавшиеся при оружии, замерли, отдавая воинский салют то ли юному пажу, то ли угрюмым запыленным королевским телохранителям, то ли колышущимся стенам палатки. Тревожный гул голосов смолк, слышны были лишь звон уздечек и фырканье разгоряченных долгой скачкой коней.

Полог откинулся, и командир заставы вылетел из палатки с такой скоростью, будто ему дали пинка. Следом, сдерживая рыдания, выбежала красная как рак девица в простом деревенском платье, и прошмыгнула меж замершими, словно истуканы, мужчинами. Потом вышел король. Шлем свой, как и плащ, он оставил в шатре, и теперь длинные, со многими седыми прядями черные волосы спутанной гривой падали на могучие плечи.

Владыка Аквилонии сейчас так напоминал разъяренного льва, что окружающие невольно попятились. И королевский рык его оказался поистине звериным

— Убирайся из лагеря, пока я тебя не пристукнул! — С этими словами Конан обвел горящими глазами строй недвижных фигур, плонул в пыль и исчез в палатке.

Телохранители спешились, стали неторопливо прохаживаться, разминая затекшие в бешеной скачке ноги, а из-под полога долетел еще один свирепый рык:

— Отправляйся на дорогу и лично выдери плетью старших в дозорах. Всему отряду — построение! Десятника ко мне.

Командир заставы, бледный и растерянный, все стоял, пляясь на свой шатер, а вокруг уже забегали, засуетились, раздались слова отрывистых команд.

Король меж тем недобрый взглядом обшаривал палатку, и ноздри на его грубом,ластном лице раздувались от гнева. Центральный столб палатки был изукрашен какими-то кусками ткани, на вбитом бронзовом крюке, в виде уставленного вверх птичьего когтя, висел длинный кавалерийский меч. Конан шагнул к столбу и, протянув руку, сорвал с крюка перевязь. Тонкий, в потускневших медных бляшках ремешок лопнул, вычурные ножны король презрительно отшвырнул на утоптанный пол. Киммериец, привычно держа в могучих руках меч, разглядывал клинок, когда в помещение неслышно прошмыгнул паж, поднял с пола брошенные королевские плащ и шлем и, отряхнув, стал прилаживать их на крюк.

— Что скажешь, мальчик? — спросил король, протягивая меч, держа его двумя пальцами за острие.

Кто-нибудь другой вряд бы удержал так запросто грозное оружие прославленных аквилонских рыцарей, но в лапе Конана он казался детской игрушкой, и уж совсем был не похож на тот чудовищный клинок, что висел на бедре киммерийца в потертых ножнах.

— Когда-то это было хорошим оружием, мой король, — сказал паж, взяв меч двумя руками и поднеся к глазам. — Я вижу: он был в жарком деле, и, выправляя зазубрины, его сточили едва ли не на палец в ширину. А потом...

Юноша полой кафана попытался стереть подозрительный рыжий налет:

— А потом — он немало провисел вот на том когте, и правильный камень касался его очень и очень давно.

— Да, уж, — пробурчал король, разом потеряв всякий интерес к словам пажа и обращаясь только к себе. — И весь этот сброд когда-то был неплохим отрядом, но всякий клинок без дела ржавеет, а если меч забываетточило, он становится дрянной железкой...

Киммериец тяжело вздохнул и сел на грубый деревянный стул, подперев голову кулаком. Те, кто знал этого необузданного вояку и искателя приключений в пору его молодости, были бы потрясены, услышав этот вздох: равно как и всю длинную тираду.

Дикий варвар, наемник, разбойник, пират и победоносный король — все эти роли остались в прошлом, наполнив рокотом славы весь хайборийский мир. Теперь это был не тот Конан, одно упоминание имени которого заставляло бледнеть и трепетать всех, некогда многочисленных врагов киммерийца. Время взяло свое — на жалобно скрипнувший стул уселся человек, чья жизнь шла к закату. Лицо его, задубелое, иссеченное шрамами, обветренное и загорелое под солнцем всех морей и гор мира покрывала сеть морщин. В глазах временами исчезал столь знакомый окружающим ледяной блеск, уступая место сонной поволоке, а левая щека иногда слегка дергалась. С некоторых пор Конан завел привычку носить на левой руке плотную кожаную перчатку вроде тех, что прикрывали руки королевских сокольничих. Поначалу придворные недоумевали — ведь варвар так и не пристрастился ко многим цивилизованным развлечениям, в частности к соколиной охоте, отдавая предпочтение дедовской рогатине или доброму луку, но со временем привыкли и

перестали обращать внимание на причуды киммерийца.

И только самые близкие к Конану люди — оруженосцы, два-три пажа и немногие оставшиеся в живых друзья и соратники знали, что от усталости или волнения пальцы на левой руке короля начинают мелко дрожать. Даже в старости Конан остался верен себе — он не потерпел бы, чтобы кто-то заметил в нем признаки слабости или телесной немощи. Старые раны, на которые в пору безумной молодости варвар не обращал внимания, теперь начинали тяготить стареющего гиганта. Но слабело лишь тело, неистовый дух киммерийца оставался прежним, и даже не боящийся ничего на свете, сын его — Конн не смел двинуть мускулом на лице, глядя, как отец прячет искалеченную ванирской палицей руку под плащом — без сомнения Конан пристукнул бы любого, рискнувшего открыто ухмыльнуться при виде его наивных уловок.

А с того времени, как ушла на Серые Равнины королева Аквилонии — Зенобия, некогда признанная первой красавицей хайборийского мира, все чаще долгие тягостные размышления киммерийца стали прелюдией для внезапных вспышек ярости или, напротив, — длинных периодов черной хандры, со временем становившихся все продолжительнее и беспросветнее. В Тарантии знали, что могут значить подобные вздохи, и страшились их, словно предгрозовых молний. Вот и теперь паж поспешил выскочить из палатки, провожаемый новым вздохом, вырвавшимся из все еще могучей груди великана.

Перед входом переминался с ноги на ногу десятник. Пожалуй, если бы этому молодому вояке предстояло войти в логово жуткого тролля-людоеда из местных горских легенд, он шагнул бы смелее, чем сейчас.

Лев Аквилонии одряхлел, но все еще оставался самым грозным владыкой на просторах Хайбории. Легенды о его подвигах слышали в детстве даже те, кто теперь стал седым ветераном, и те, кто только сменил деревянный меч на первый боевой, — и это заставляло трепетать сердца служивых в маленьком пограничном гарнизоне на окраине его огромной империи.

Десятник с немой мольбой посмотрел на нагло ухмыляющегося пажа, перевел взгляд на неподвижных телохранителей государя, еще раз оглядел замершие шеренги выстроенных по тревоге латников и сделал шаг. Потом шагнул еще и еще. Очнувшись внутри палатки, офицер с ужасом почувствовал, что грудь его распирает, словно кожу на пиктском барабане, внутри что-то глухо и чересчур громко бухает, а горло вот-вот разорвет.

Громадная темная фигура на стуле вздрогнула и слегка шевельнулась, раздался оглушительный храп, и тогда до перепуганного десятника дошло, что от волнения он так стиснул зубы, что просто не может дышать, и с облегчением выдохнул воздух.

Спящий король глухо заворчал, словно и впрямь был троллем-людоедом, умывшим целую деревню и прикорнувшим над грудой дымящихся костей. Офицер замер, не зная, что делать. Сзади неслышно появился паж, осторожными шагами направился к королю и накрыл плащом. Тут офицер стал свидетелем жутковатой сцены — не успел плащ, мягко шурша, опуститься на согбенные плечи дремлющего старика, как рука Конана стремительно рванулась, оплела запястье пажа и с хрустом вывернула его. С еле слышным стоном юноша упал на одно колено, даже не помышляя о том, чтобы вырваться, — киммерийская лапа держала его, словно капкан. А король, видимо, еще не проснулся окончательно. Но вот глаз его из-под опущенного века резанул по комнате, остановился на бледном от боли лице пажа и потух — капкан разжался. Раздалось еле различимое бурчание:

— А, это ты... пшел вон, щенок, не то велю в масле сварить...

Юноша поднялся, разминая пострадавшую руку, аккуратно поправил на плечах господина плащ и направился к выходу. Для него, видимо, все происшедшее было делом привычным. По дороге слуга короля поманил офицера пальцем, указал рукой на валяющийся на полу ржавый меч, глазами — на вновь начавшего хрестить Конана и вывел офицера из палатки. Ткнув пальцем в сторону строя ратников, меланхолично промолвил:

— Еще у кого такое увидит... — и, безнадежно махнув рукой, направился расседливать черного скакуна грозного аквилюнского владыки.

Десятник сдавленно прохрипел команду, и строй рассыпался. Удалившись от командирской палатки на безопасное расстояние, воины судорожно драили клинки, потуже натягивали луки, лихорадочно носились в поисках нового древка для копья, взамен треснувшего, ладили разболтившиеся кольца кольчуг. Несчастный десятник, благодаря, едва ли не во весь голос, Митру, пославшего ему отсрочку, лично выпроводил из лагеря всех маркитанток и девиц известной профессии. Затем отправил команду в ближайший лес за хворостом, ибо запас для сигнальных костров, понятное дело, давно растащили для обогрева нерадивые часовые. Под конец, едва не сбившись с ног, он, удостоверившись, что коронованная особа все еще изволит почивать, помчался проверять все посты и дозоры вблизи лагеря. Наорав на дозорных, поотбирал у них кости и баклаги.

В секрете, притаившемся в укромной каменной норе, прямо над еле заметной тропинкой, что вела в немедийские земли, он застал коменданта заставы. Тучный капитан был занят тем, что частил почем зря двух помрачневших арбалетчиков, привычно делающих вид, что несут они службу, не жалея живота своего, и с сожалением разглядывал измочаленный кнутик с витой серебряной рукояткой (состояние кнутика говорило о том, что распоряжение Конана насчет старших в дозорах капитан выполнил старательно, может даже с излишним рвением). Толстяк при этом, не переставая, потирал поясницу, равно как и место пониже ее.

— Как вы, мой господин? — спросил десятник, дыша, словно загнанный олень.

— Тебя когда-нибудь пинал в задницу горный тролль? — зло спросил капитан.

— Понятно, — сказал офицер. — Вы не появляйтесь пока, если что — я пришлю оруженосца.

— А как он?

— Спит.

— Как так спит? — ошарашено спросил капитан и попытался сесть на камень. Но тут же вскочил, а небеса получили еще одну порцию богохульных солдатских слов, и — Митра свидетель — не последних в этот суэтный день.

— А так: объявил построение и — в лежку. Хвала светлым богам — я успел все подготовить к смотру. Все, бегу, бегу.

И устремился назад. На обратном пути десятник все пытался уяснить: зачем это главе сильнейшей из хайборийских держав сломя голову мчаться в Митрой забытый гарнизон? Тут и наместника-то провинции видали лишь разок, пару десятилетий назад, во время большого конфликта с Немедией, да и то — мельком.

«Неужели из-за паршивых разбойников с Совиной Горы?» — с ужасом промелькнуло в его голове. Вот и дождались. А я говорил капитану: еще по весне надо было всех их выкурить из каменных нор, и шкуры — на барабан. Дождались! Сам король пожаловал».

Год назад, когда мор взял в округе едва ли не всю скотину у здешних крестьян, наместник решил вдруг повысить налог на соль. Выбрал он для этого совершенно

неподходящее время. Поселяне развесили его посланцев на знаменитых местных дубах, взялись за косы и вилы... и это им весьма понравилось. Нашелся толковый вожак — некто Хват, по слухам — бывший наемник, немало повидавший на своем веку. Он быстро объяснил повстанцам, что со своих соседей многое не возьмешь, замок наместника штурмовать — руки коротки, монастыри Митры обирать — значит, гореть после смерти живыми факелами до конца времен, а с аквилонской армией задираться совсем уж неумно. И тогда повадились разбойные люди совершать набеги на немедийскую территорию — благо в двух переходах средь диких скал петлял тракт, по которому так и сновали богатые караваны. Нанеся удар, Хват уводил свою шайку на самый край аквилонской земли, к глухому уроцищу у Совиной Горы.

Пытались его оттуда выкурить — так разбойники, благо были все местные, рассыпались по горам и переждали недолгую активность армии, после чего отрыли запрятанное золото, серебро и оружие и вернулись к прерванным занятиям. Наместник был рад, что удалое воинство не чинило разорений в его землях, и относился к присутствию на какой-то Совиной Горе какого-то Хвата со спокойствием, присущим ревностному почитателю благих богов. Немедийцы как-то сунулись вслед за разбойниками через перевалы, однако были перехвачены тогда еще не очень толстым капитаном и после короткой рукопашной и долгой арбалетной перестрелки ушли назад. Командира немедийской пограничной заставы не больше аквилонцев волновал хитрый и неуловимый разбойный атаман.

«Пусть себе иноземные купцы на охрану раскошеляются. Или нам платят за сопровождение до ближайшего города», — дружно решили служивые по ту и по эту сторону границы.

Все эти перипетии пограничной жизни мелькали в голове загнанного и взмыленного десятника, когда он вернулся к командирскому шатру. Следившие за суетой королевские телохранители, не таясь, веселились, рассевшись поудобнее на небрежно брошенных на землю роскошных седлах и попивали вино из услужливо поднесенного бочонка. Попивали, веселились и ругали местную кислятину, вспоминая сказочные виноградники Пуантена.

На беглый взгляд — гарнизон был готов к смотру. А молодой офицер, наконец-то присев, все придумывал доводы, что могут оправдать нерадивость пограничного воинства, один убедительнее другого. В конце концов, десятник и сам себя убедил в том, что он и его капитан, не имея реальной помощи от наместника, с пятью десятками латников никак не смогли бы выбить из непроходимого уроцища и диких скал полторы сотни отпетых разбойников, которые к тому же все были из здешних диких мест, в отличие от основной части аквилонцев — уроженцев центральных провинций.

«Мы их атакуем, а они отступают на немедийскую территорию», — несколько раз повторил офицер.

Успокоившись, на сей счет, он придиричivo оглядел свой меч, а найдя его состояние пристойным, принял сосредоточенно вытирать запыленные сапоги пучком травы. На самом деле появление короля Аквилонии было и связано, и не связано с разбойным логовом на Совиной Горе.

Конана гнала из дворцовых стен хандра, черная меланхолия, охватившая душу владыки сильнейшей хайборийской державы едва ли не на следующий день после смерти Зенобии.

Конан плакать не умел. Он сидел на краю холодной ступени, ведущей в роскошный мавзолей, места последнего успокоения королевы, единственной женщины, которую он по-настоящему любил, и молчал. Горе его было настолько полно, настолько пронзительно и

безнадежно, что его оставили в покое. Вначале удалились придворные, у которых гудели ноги от нескончаемых бдений у гробницы. Затем ушел, испугавшись звенящей тишины, Конн, который в тот день стал старше едва ли не на десяток лун. Наступило утро, и, глухо стуча сапогами по узорным мраморным плитам, удалилась стража, унося бесполезные факелы. Лишь молчаливые телохранители-северяне, словно тени суровых северных богов, продолжали нести бессменную стражу, завернувшись в плащи и склонив головы в рогатых нордхеймских шлемах. Да у ног Конана затих любимиц Зенобии — громадный большеухий волкодав, лая которого никто никогда не слышал, но взгляд желтых глаз этого пса мог остановить самого киммерийца на пороге дверей в покой королевы. И еще у отдаленной витой колонны сидел на свернутом плаще верный Троцеро.

Прошел день, и из груди неподвижно застывшего короля вырвался тяжкий вздох. Волкодав едва различимо вильнул хвостом, качнулись силуэты телохранителей, да встрепенулся Троцеро. После невнятного ворчания Конан вздохнул вновь и стукнул кулаком по каменной ступени. Пес больше не шелохнулся. Он не покинул хозяйку и на Серых Равнинах.

Тогда Троцеро, тяжело переставляя старческие, скрюченные подагрой ноги, подошел к Конану и положил руку на его плечо.

— Когда-нибудь это должно было произойти, мой король, — сказал великий полководец скрипучим, слабым голосом, в котором трудно было уловить трубные раскаты повелительного баса, что ревел в самой гуще десятков сражений, через которые под его началом шла от победы к победе аквилонская армия.

Конан ничего не ответил, лишь поднял глаза и не видяшим взором обвел все вокруг. А Троцеро неожиданно мягким движением отпрыгнул назад и выхватил шпагу. Телохранители двинулись, было, но Конан вяло махнул рукой, и они замерли, словно живые куклы в лаборатории чернокнижника-некроманта. Троцеро отдал в сторону зияющего проема мавзолея салют, затем переломил шпагу о колено и повернулся к своему королю спиной. Конан безразлично следил, как он уходит, — плечи графа ссутулились, пустые ножны волочились сзади, гремя медным оголовьем о камни.

Когда Троцеро с помощью королевских оруженосцев садился на нынешнего своего скакуна — смиренную лошадку невзрачной, но послушной и понятливой аргосской породы, к нему подошел Конн.

— И величайший полководец вот так покинет свою армию, своего короля и свою страну? — спросил он мягко, но челюсти, судорожно сжатые после сказанной фразы, придали чертам юноши поразительное сходство с отцом, когда на Конана накатывала его пресловутая «киммерийская твердолобость», как называла это выражение, появлявшееся иногда на лице мужа, Зенобия.

— Я слишком стар для тех перемен, что ждут королевство, — ответил граф и тронул поводья.

Конн шагнул вперед и попытался взять коня под уздцы и сказать что-то гневное, но расслышав следующие слова старца, сказанные сквозь еле приоткрытые губы, пропустил его:

— Сегодня мы потеряли не только королеву...

Отстегнутые пустые ножны упали на землю, под ноги Конна, и Троцеро поехал прямо сквозь толпу придворных, словно не видя их. Пестрая стая раздалась в стороны с возмущенными возгласами, а Конн все стоял, зачарованно глядя на перевязь.

Старик ехал по площади перед дворцом, где, отдавая последнюю дань супруге короля,

замерли сверкающие стальные шеренги гвардии. Молодой ее командир, выходец из Британии, находился рядом со своим кумиром — Конном, а все старшие офицеры — среди придворных, перешептывающихся на аллее, ведущей к мавзолею.

Когда ссугутившийся в седле Троцеро поравнялся с первой шеренгой Черных Драконов, стоявший с краю воин, седой ветеран, рванул из ножен меч и хриплым каркающим голосом отдал команду. Вначале крик подхватила лишь старая гвардия, затем, разобравшись, кому отдаются почести, заревела вся площадь.

«Слава! Слава! Слава! Митра Непобежденный! Слава!» — клич, облетевший бесчисленные поля сражений окреп и гремел теперь, словно трубы в Последней Битве Мира.

Троцеро даже не повернул голову. Аккуратно перебирая копытами, сминая лошадка, едва сдерживаясь, чтобы не шарахнуться ото всех сторон протягиваемых мечей и копий, донесла полководца до арки, и он пропал из виду своего воинства. Граф неспешно доехал до городских ворот, а затем мелкой рысью направил лошадь на юг, в Пуантен, вон из столицы.

Конн ринулся по аллее, расталкивая придворных, помог отцу подняться со ступеней и повел его прочь от скорбного места.

С того самого дня и началась черная меланхолия. Ничего не могло рассеять тоску короля: ни роскошные травли зверей в охотничих парках в окрестностях столицы, ни рыцарские турниры. По велению государя разогнали всю свиту фрейлин Зенобии, служившую некогда истинным украшением Тарантии и утехой гвардейцев. Услышав в дворцовых коридорах веселый смех или даже шорох бальных платьев, Конан на миг ожидал, но затем лицо его застыпало в маске такой жажды убийства, что Конн счел за благо удалить ветреных красоток подальше от стремительно дичающего старика.

Потом наступила очередь пиров и застолий, в которых еще недавно киммериец бывал главным заводилой и поражал окружающих умением выпить, не пьянея, кувшин-другой вина. Теперь же он угрюмо цедил весь вечер стаканчик слабенькой немедийской кислятины, кривясь при взрывах хохота, которым дюжие гвардейцы, хлебнув лишку, встречали выходки придворных шутов и записных тарантийских острословов. Просидев трапезу в гробовом молчании, король тяжко вздохнул, поднимался, сметая на пол нетронутые блюда с некогда любимыми грубыми яствами, и удалялся в свои покой.

От Военных Советов Конну пришлось отца мягко отстранить, благо киммериец и не сопротивлялся. Это пришлось сделать после того, как король, откровенно дремавший при обсуждении дел в краю боссонцев, вдруг встрепенулся и отдал командирам столичных полков несколько энергичных и бессмысленных приказов, даже не взглянув в сторону озадаченно перешептывающихся полководцев.

Конн в это время отсутствовал во дворце, стараясь вызволить из добровольного заточения Троцеро, а въезжая в столицу, заметил подозрительную тишину в казармах Черных Драконов. На его вопросы придворные лишь разводили руками и указывали на Конана, неподвижно сидевшего перед камином в Зале Советов. Закончилась королевская затея большими жертвами — кавалерийские полки ускоренным маршем выдвинулись в Боссонские Топи и, не имея общего командования, углубились в коварные Пиктские Пустоши. Посланные Конном сотники собрали все отряды следопытов и лучников пограничных наместников, но только на вторую седмицу, после изматывающих боев с вечно ускользающим противником, смогли вырвать из пасти лесных демонов сильно потрепанные, поредевшие полки латников.

На упреки сына Конан лишь зевнул и велел выгнать из Совета слабоумных ублюдков, «не

обеспечивших прикрытие легкими войсками бронированного клина».

— Впрочем, я не очень помню, в чем был замысел... — проговорил король, зябко кутаясь в меховую мантию. — Наверное, надо было выйти к морю... Да, великое западное море... Простор, воля, кровавые схватки, жаркое солнце...

Голова киммерийца склонилась на грудь, и он захрапел, оставив Конна в полной растерянности и с нехорошими подозрениями в душе. Военные Советы с тех пор проводились без короля.

Хандра была долгой, затем она сменилась неожиданным буйством.

Как-то раз паж в сопровождении телохранителей и оруженосцев вошел поздним утром в опочивальню короля. Это само по себе могло изрядно удивить былых соратников Конана — некогда верный своим варварским привычкам, киммериец и после кровавой битвы, и после утомительного марша или изнурительной попойки вскакивал с первыми лучами солнца. Затем, непременно самолично облачившись, будил задремавших караульных и слуг пинками и зуботычинами. С некоторых пор порядки в покоях государя сильно переменились.

На крики пажа примчалась половина дворцовой стражи, немедленно послали за наследником. Полный самых мрачных предчувствий, Конн вбежал в королевскую опочивальню и увидел лишь распахнутое окно. Розовый куст внизу был совершенно смят могучим телом Конана, которое обрушилось в самую его сердцевину со второго этажа. Часовой, прибежавший на шум и попытавшийся поинтересоваться у отряхивающейся от лепестков и комьев земли августейшей особы причиной столь ранней прогулки, получил приказ отправиться в караулку и удавиться. Киммериец прошел на конюшню и, обнаружив, что парочка стражников распивают пиво вместе с помощником конюха в подвалчике, из непонятного озорства захлопнул дубовую дверцу и подпер ее вывороченной из земли мраморной урной, вывел своего коня... а далее следы короля терялись в лабиринте столичных уочек.

Конн задумчиво поглаживал с трудом водруженную на место двумя королевскими телохранителями урну и размышлял, как отразится на последующих событиях то, что отец при, несомненно, начавшемся помутнении рассудка все еще весьма крепок телом.

Дознаватели мастера Хриса, поднятые по тревоге, вместе с дворцовой стражей в течение трех дней разыскивали короля. Но в знакомстве со злачными местами Тарантии с Конаном вряд ли могли потягаться даже лучшие ищеки Железной башни. Они шли по следу, перетряхивая кабаки, воровские притоны и дома терпимости. И потом, Конан оставался все еще легендарным Конаном в глазах столичных жителей, и у него не было шансов долго блуждать по городу, не привлекая внимания никого из своих подданных.

Его опознала торговка зеленью под личиной подвыпившего гвардейца, что затеял на речной пристани драку с тремя жуликоватыми слугами зингарского купца. Изрядно отлупив их, вояка с победным воем перевернул воз с благовониями в мутные воды Хорота.

Торговка, услышав рык киммерийца, тут же признала короля. А до того его заметили в компании подозрительных личностей на ярмарке возле храма Митры Милостивого. Там гигант, прятавший свое лицо под полями шляпы, сделавшей честь любому забулдыге из кордавского кабака, швырнул в опростоволосившегося ярмарочного шута тыквенной бутылью с такой силой, что бедняга свалился с помоста.

Видели его еще в десятке разных мест, совершенно непристойных для августейшей особы, и везде его появление сопровождалось воплями пьяной драки, женским визгом и грохотом перевернутой мебели.

Наконец, Конн отыскал короля на заднем дворе донельзя грязной харчевни, где тот, будучи пьян до полуубморочного состояния, с подбитым глазом, разбитыми кулаками и в немыслимом рванье, сидел, привалясь к поленнице дров, в обнимку с кудлатым бродячим псом, и распевал скабрезную песенку на мешанине из шемского и кофийского наречий. С большим трудом государя удалось препроводить в дворцовые пределы.

После того случая подобные вылазки повторялись еще несколько раз, в одной из них Конана даже пырнули под ребра ножом в какой-то пьяной драке. Приставленная к королю охрана неизменно упускала из виду своего подопечного, причем киммериец проявлял буквально чудеса находчивости и смекалки, заставлявших вспомнить его аренджунское прошлое, бывший вор умело уходил от погони и погружался в самую клоаку столичных окраин.

Конан в пьяном угаре волок во дворец кого попало, и королевские покой наводнили какие-то темные личности. В толпе изысканных поэтов, томных красавиц и знаменитых стратегов сновали новые знакомцы короля, пугая детей из благородных домов физиономиями отпетых висельников, все время, норовя что-нибудь стянуть, или дать кому-нибудь в ухо.

Но, как нельзя более кстати, Аквилония оказалась на грани войны. Вернее, скучающему Конану незначительный набег объединенного воинства, вдруг пришедших к согласию Кофа и Офира, был представлен в качестве войны.

— Кром, это то, что мне надо! — взревел король и со своей новой свитой убыл в войска.

Набег конницы южан, малочисленной и не идущей ни в какое сравнение со стальной кавалерией Аквилонии, вкупе с пестрой ватагой из шемитских наемников, король развернул в целую кампанию. Войска королевства искусно маневрировали, изнуряя себя и противника маршами, обходными маневрами и контрмаршами, устраивали укрепленные лагеря, вытаптывали плодородные поля, пускали на ветер богатейшие деревни, заставляя жителей вместе со скарбом и скотиной уходить в леса, разрушали мосты. Только Тайбор перешли вброд раз пять туда и обратно. И все это при том, что полки Конана численно превосходили войска противника едва ли не в десять раз. Поход изобиловал частыми стычками из-за обозов, арьергардными сшибками и засадами, в которых Конан принимал самое деятельное участие, с каким-то удивительным наслаждением подвергая разграблению вражеские обозы. Оставив войска на попечение Конна и его военных советников, он со своей гвардией и пестрой новоявленной свитой, словно коршун, кружил вокруг сбитой с толку армии противника, ударяя и отскакивая, отступая и преследуя.

Все это продолжалось не одну седмицу и принесло некогда цветущему краю огромный ущерб, пока, наконец, взбешенный необъяснимыми действиями аквилонцев, командующий объединенными войсками противника не вызвал короля на поединок. Примчавшийся, чтобы отговорить отца от гибельного, по его мнению, и сумасбродного шага, Конн обнаружил в королевском шатре толпу оборванцев и пленных офицеров врага, спящих вповалку вокруг невообразимого ложа из досок и бочонков, на котором прикорнул король. На призывы сына киммериец отвечал невнятным мычанием и богатырскими взмахами рук, опрокидывая на собутыльников предметы нехитрого походного обихода.

Наутро Конан велел выстроить войска и помчался вдоль строя, воздев над непокрытой головой свой легендарный меч, и, как встарь, от рева восторженной солдатни глохли уши. Затем по всем правилам, с герольдами и завываньем труб прошел поединок. Рука короля была уже не так верна, как в былые годы. Победа над полководцем южан стоила ему опасной раны — клинок оффирца пробил легкое, и Конана отправили в столицу. А Конн решительным

броском закончил военные действия: под его началом конница сомкнула железные объятия вокруг измученных малочисленных полков противника, прижав остатки войск к реке Красной. Заревели буцины, под ноги горячих коней доблестных аквилонских рыцарей полетели золотисто-зеленые стяги Кофа и алые с золотой короной штандарты офицеров. Забряцали, падая на землю, мечи, и враг сдался на милость победителя.

... Раны киммерийца теперь заживали куда медленнее, и Конан провалялся в постели под неусыпным присмотром лекарей почти две луны. Затем наступил новый период меланхолии. Оставшихся в живых собутыльников короля быстро выдворили из дворца, и пиршественная зала вновь стала полна тишины и уныния. Конн стал подумывать, уж не затеять ли ему войну с кем-нибудь из соседей, когда в столицу вернулся Троцеро. Не говоря никому ни слова, граф пряником отправился в покой Конана. Лекарей, пажей и оруженосцев немедленно выставили, только наследник престола и особо приближенные вельможи присутствовали при разговоре. Доподлинно потомкам стали известны лишь последние слова Троцера, когда король и его советники выходили из покоев.

— ...оставим после себя сильнейшее в мире королевство!

С тех пор Конан занялся созиданием аквилонской мощи. Если ранее он презирал крепостные стены, а все оборонительные сооружения считал вздором, предпочитая иметь в войсках побольше веревочных лестниц и морских крюков, то теперь дворец наводнили приглашенные из военных академий хайборийских держав знатоки оборонного дела.

Шамар, Галпаран и Велитриум, а вместе с ними и более мелкие аквилонские города оделись в каменные брони. Старые, времен первых королей, башни были разобраны, на их месте во все четыре стороны света исподлобья взглянули могучие бастионы. Хитроумная механика управляла сложной системой шлюзов, в мгновение ока затоплявших лабиринты рвов у крепостных стен; подъемные мосты, исчезавшие в зияющих арках под площадками для баллист и катапульт, вызывали восхищение приезжих государей. Казна богатейшей державы, где не так давно грудами лежали завоеванное в бесчисленных войнах золото, серебро и драгоценные каменья со всего света, изрядно оскудела. Но заново вымощенные дороги потянулись от столицы ко всем укрепленным городам. Вдоль них стали заставы с гарнизонами и сменными лошадьми, где над башенками трепетали алые стяги, на которых разевали пасти сотни львиных морд. В Боссонских Топях одно за другим осушались болота и, на страх взирающих из джунглей дикарей, вздымались зубчатые стены укреплений, поднимались над речками подвесные мосты.

Троцеро в Шамаре возвел верфи, и вскоре по Тайбору, на страх Аргосу и Кофу, заскользили галеры нового речного флота королевства. Конан, словно вспомнив свое тщательно скрываемое в хрониках королевства пиратское прошлое, прошел на флагмане до впадения Тайбора в Море Запада и встал на якорь напротив башен Мессантии. Зингарский флот жался в гавани, не решаясь выйти в открытые воды, а Конан с наслаждением ждал, когда же из Кордавы прибудут герольдмейстеры с вестью о начале войны. Однако хитрые зингарские правители поспешили превратить появление кораблей Аквилонии с целой армией на борту в дружеский визит. По заливу заскользили лодки, крытые коврами, полные щебечущих красавиц, придворных щеголей и знатнейших нобилей. Восторженные славословия, богатые дары и немало бочонков отборных терпких вин изрядно поспособствовали вдруг вспыхнувшей дружбе зингарцев и аквилонцев. А Конан, прибыв во дворец мессантийского наместника и мрачно напившись на званом балу, вынужден был повернуть назад несолено хлебавши.

— А какая бы драка вышла! — воскликнул Конан, меряя шагами палубу флагманской галеры, словно тигр в клетке.

— Все к лучшему, мой король, — спокойно отвечал Троцеро. — Договор, что мы везем с собой в столицу, мог стоить королевству немало крови.

— Вот именно, — мрачно сказал Конан и наподдал ногой моток каната. — А может, стоило дойти до Барахских островов и избавить от пиратов южные воды?

Троцеро только хмыкнул и отправился вздремнуть, оставив короля вышагивать по нагретой зингарским солнцем палубе. Когда впередсмотрящий возвестил с верхушки мачты, что флот подходит к гавани Шамара, губы Конана скривились в грустной усмешке.

«Коронованные выродки, с водой вместо крови, — бормотал он, идя навстречу ненавистным придворным, встречающих флагман. — Все короли хайборийского мира — безнадежные трусы. Вскоре Кром глянет на этот мир и нашлет Великую Зиму. Проклятье! Ни одной приличной драки за три года. Где храбрые и предприимчивые наемники, свергающие законных правителей? Где хоть один завалившийся заговорщик? Кром, даже пикты ушли вглубь своих дебрей. Не могу же я воскресить Тот-Амона или напасть на своих соотечественников».

Конн, вместе с Троцеро и слышать не хотели о завоевании Стигии. Хотя Конан раз за разом пытался им доказать, что настоящих черных колдунов и демонов к этим, к радости Нергала, наступившим временам повывели, а хваленой армии стигийцев далеко до аквилонского воинства. Оставались лишь бесконечные смотры да учения. От безнадежности киммериец, некогда один из самых свободолюбивых натур среди наемников Хайбории, стал ревностным поклонником железной дисциплины. Любой полк, каждый гарнизон аквилонской армии был теперь вымуштрован и вышколен, королевство напоминало отлаженный боевой механизм, и это вселяло робость не только в ближайших соседей, уже наученных горьким опытом безнадежных войн с аквилонским владыкой, но и в дальних недругов.

Даже дремлющая за пустынями и горами таинственная Гиркания, казалось, стала кроткой овечкой, направив свои жадные взоры на северные земли Вендии.

— Вендия! Кром! Как же я мог позабыть о прекрасной Вендии, славных Ильбарских горах и очаровательной Жазмине! — в смятении заметался король по пиршественной зале.

Веселье вмиг стихло, лицо Конна вытянулось, а Троцеро, подавившись очередной шуткой, которую он самым любезным тоном нашептывал в розовое ушко хихикающей девице, замолк и схватился за голову. Вмиг глаза киммерийца лихорадочно заблестели. Он машинально опрокинул в себя целый кубок вина, услужливо протянутый оруженосцем, и принялся тереть знаменитую сокольничью рукавицу на левой руке.

— Жазмина!

Конан, правда, с трудом мог вспомнить черты лица Деви, но, Кром, какая разница, как она выглядела!

— Что была за женщина! — вновь воскликнул Конан и обрушился на трон, будто подвыпивший возница на стог сена.

Посеребренные ножки жалобно скрипнули, а скипетр со стуком упал на ступени. Капитан одного из гвардейских полков подхватил его и благоговейно протянул киммерийцу, но государь отмахнулся от символа державной власти, как от назойливого насекомого, и продолжал восторженным голосом:

— Что это была за женщина, хвост Нергала мне в глотку!

— Южанки, если это, конечно, не гирканские скелетины, — само очарование, мой король, — проговорил капитан, продолжая протягивать скипетр.

При этих словах Конан, наконец-то заметив гвардейца, срабастал офицера своими лапищами и обнял, да так, что у того затрещали кости:

— Молодец, капитан! Налейте ему. Выпьем вместе. За южанок!

— За южанок, — провозгласила в одно горло свита, уже привычная к выходкам своего короля.

Конн остался сидеть с каменным лицом, так и не притронувшись к кубку. Троцеро же медленно встал и провозгласил:

— За южанок, даже если они гирканского поганого племени. Я знал когда-то одну танцовщицу из Кутхемеса... или нет, пожалуй, не танцовщицу, и... пожалуй...

Послышились смешки, а Конан, хлопнув себя по коленям, заревел:

— И, пожалуй, не из Кутхемеса... и — не одну, а двух восьмигрудых плясуний из акитского циркового балаганчика, так, что ли, старый греховодник? Тоже мне, митраист досточтимый. А глаза, глаза у этих демониц, поди, зеленые были, с красными пятнышками, как у самого Нергала, а, Троцеро?

И последовали такие подробности, что некоторых чувствительных матрон пришлось едва ли не на руках выводить из пиршественной залы. Бравые вояки-гвардейцы, северяне-телохранители так и грохнули, стуча в восторге кубками о стол. Троцеро продолжал невозмутимо улыбаться, но его недавняя собеседница поспешила отодвинуться от старого графа с таким ужасающим прошлым.

Отхохотавшись, Конан словно прорезвел:

— Господа советники! Конн, сын мой! Я немедленно хочу иметь исчерпывающие сведения о Вендии, о делах на границе с Гирканией и о правительнице Вендии, прекрасной Жазмине. Пирушка откладывается до вечера.

При этих словах все приуныли и стали подниматься из-за столов.

— Отец, зачем тебе известия из далекой и никому не нужной Вендии? — мрачно спросил Конн, понимая, куда дует ветер.

Троцеро же безнадежно тряхнул головой и поволок к выходу, держа за рукав, главного картографа королевства, делая свободной рукой приглашающий знак остальным членам Военного Совета.

— В давние времена, когда я носился по Ильбарским перевалам юным, безмозглым и веселым вождем горцев-афголов, мне повстречалась Деви. Я тогда во главе этих самых настоящих разбойников, нечeta нынешнему трусливому ворью, резал глотки туранцам... нет, гирканцам... или каким-то черным колдунам, помилуй меня Митра, совершенно не помню кому, но точно помню, что глоток перерезал изрядно. Какое было время!

И Конан опрокинул в свою бездонную утробу еще один кубок. Конн буквально побелел, радуясь, что общий шум не доносит слова киммерийца до ушей стайки придворных красавиц, принявшихся прихорашиваться и чистить перышки перед громадным зеркалом в конце залы. Конн не раз умолял отца прекратить в присутствии утонченных столичных дам пересказывать солдатские байки, в особенности жутковатые истории его собственного далекого прошлого. Конан, пожав плечами, легко соглашался. Собственно, он никогда и не кичился своими подвигами — в основном потому, что не считал их таковыми.

Для него это была просто жизнь, путь от колыбели до обители Крома, идущий по мутным волнам бытия с некоторыми приятными проблесками. Сразу же после захвата

Конаном трона, слухи о его необыкновенном прошлом долго будоражили жителей столицы и королевства, но со временем поднадоели и подзабылись. Некоторые деяния варвара уже приписывались древним легендарным рыцарям, чуть ли не божественным воителям — спутникам самого Митры.

Другие перипетии его бурной жизни сделали варвара героем сказок и застольных трактирных баек. К тому же давным-давно ушло в могилу поколение соратников и спутников киммерийца, не понаслышке знавших о его кровавых похождениях. Троцеро никогда ничего и никому не рассказывал о короле — кроме как наследнику престола. А Конн родился во дворце совсем в другое время. И хотя он унаследовал от отца и крутой нрав, и богатырскую силу, но был, конечно, не диким варваром, прорубающим себе мечом и кулаком путь к неизвестной цели сквозь толпы демонов и врагов из крови и плоти, а вполне достойным, по хайборийским меркам, принцем.

— Ладно, ладно! Кром, вот это было время! Сыновья не гордятся деяниями отцов! — воскликнул король, подошел к столу, налил себе еще вина и, повернувшись к кубку, добавил, уже потише, так, что стоявший за плечом Конн еле рассыпал — Впрочем, некоторыми из них я и сам никогда не мог гордиться!

— Так что Деви, отец? — спросил Конн замолчавшего короля.

Тот, мгновенно утратив весь свой пыл и едва не засыпая на ходу, повернулся к сыну, долго-долго на него посмотрел, и тихим будничным голосом сказал:

— Я взял ее в плен, но, спасая своих горцев, попавших в засаду, отпустил, пообещав, что вернусь к ее границе, когда у меня за спиной будет не горстка разбойников, а несколько тысяч закованных в сталь конников. И мы продолжим с ней приятное знакомство.

— Это не та ли таинственная восточная королева, что десять зим назад прислала в столицу богатый караван?.. Верблюды и слоны привнесли немало суматохи в жизнь добродорядочных тарантийцев!

Конан согласно кивнул, но видно было, что мысли его блуждают далеко. А Конн продолжал:

— Помнишь, от трубного рева слона моя лошадь понесла, и я чуть не разбился насмерть прямо на глазах всего двора?

— Да, да... сказочный восток и жаркий юг. Туранские верблюды и кшатрийские боевые слоны, — бормотал Конан.

— Еще они привезли удивительных факиров, которых приняли едва ли не за стигийских некромантов, когда они принялись глотать шпаги и пускать изо рта зеленые струи огня. А танцовщицы, своими прозрачными одеяниями перешеголявшие портовых шлюх, своими движениями — змей, а своими отрешенными лицами — весталок из монастыря почитателей Асury?

— Да, да... я помню, тела восточных красавиц обжигают, словно гремучий огонь, они гибкие, словно бичи погонщиков мулов из Кушана. — Тут Конан словно очнулся от задумчивого оцепенения и хлопнул сына по плечу так, что тот еле устоял на ногах: — Помнится, когда караван расположился во внутреннем дворе дворца, я учил тебя за городом падать с коня так, чтобы не сворачивать шеи и не ломать костей. А твоя мать, прочтя привезенное в бриллиантовой шкатулке послание, появилась перед нами, будто разъяренная валькирия из чертогов Валгаллы, и исхлестала мне всю морду. Кром! Мною же подаренный перстень с алмазом сыграл со мной дурную шутку — я лишился половины мочки правого уха!

— Отец! — умоляюще воскликнул Конн, оглядываясь на придворных, группами разбредшихся по пиршественной зале. — У короля — лицо, а то и лик, но никак не морда.

— Это, смотря у какого короля, — воскликнул развеселившийся киммериец и бодро направился к зеркалу, к ужасу едва спешающего за ним наследника престола.

— Ну, и ты скажешь, что это лик! Ха-ха! Это...

И тут он употребил такое выражение, что придворных красавиц вынесло вихрем из залы.

— А шрамов столько, сколько нет на шкуре с задней части троллей, хотя сидят они на раскаленной лаве, ожидая захода солнца.

Конан еще некоторое время пристально смотрел в зеркало, затем вдруг размахнулся и ударил в него рукавицей. Посыпались осколки.

— Я женюсь на Деви, если она еще жива, и женюсь втайне от гирканских псов. Молчи, Конн, иди, поторопи своих бездельников из академии. Пусть же туранцы, это пустынное Нергалово отродье, попытаются сунуться в мои горы!

Это «мои горы» прозвучало криком:

— Так все мы получим то, что хотим: гирканцы — кучи гиен над их дымящимися костями, я — хорошую драку, а ты — сильное королевство, в столице которого нет старого беспокойного вояки с его грязным языком и непристойными для твоих нежных ушей воспоминаниями!

Конн хотел что-то сказать, но киммериец гневно от него отвернулся, пнул осколки несчастного зеркала и направился к своему трону. Наследник престола горестно вздохнул и пошел поторапливать советников.

На Совете король был таким собранным, каким его не видели уже давно. Он живо интересовался состоянием вооруженных сил Турана и Вендии, удивлял картографов и срочно вызванных из академии знатоков юга своими знаниями основных караванных путей, проходимых перевалов, особенностей климата и подробностью сведений о проживающих в тех краях племенах. Познания Конана оказались более исчерпывающими и точными, чем все то, что вспыхах предоставил Совет. Пораженным вельможам, путешественникам и географам королевства было невдомек, что, когда они еще играли в деревянных лошадок и слушали сказки про драконов, их государь с горсткой соратников проявлял чудеса храбрости в тех краях, став там почти легендарной личностью.

— Кром! — возмущался правитель, тыча пальцем в грудь растерянного тарантийца. — Вашу академию, которая только и может поглощать королевское золото, словно глотка Нергала, основал толковый географ Эйольв, и при нем глава государства и его советники получали исчерпывающие сведения о местах предстоящих боевых действий. Что же мы видим сейчас? Меня кормят байками каких-то полуумных митраистских жрецов и явными домыслами, высосанными из пальца. Где точные карты? — Он указал на пергаментный лист, который удерживали за края Конн и Троцеро. — Да я вижу здесь вранья больше, чем в писулях гадалки на тарантийской ярмарке. Вы даже не знаете, жива ли Деви Жазмина или Вендией правит уже кто-то другой. А вы?

Он повернулся к вельможе, главе аквилонских посольств:

— Я понимаю, что вы не переписываетесь от имени Аквилонии с каким-нибудь Кхитаем или богами забытым Меру, но вы не только не имеете сведений об атамана мунган, афгулов и других славных народов, но даже не знаете — мир сейчас южнее Ильбарских Гор или проклятый Сет и его демоны наслали на тот благословенный край дух мятежей и бунтов.

Некоторое время Конан еще проглядывал письменные доклады, брезгливо кривил губы, водя пальцем по карте, и наконец, закончил Совет:

— Я отправляюсь проверить состояние гарнизонов вдоль немедийской границы... — и жестом заставил замолчать, собирающегося перебить его Конна. — Не по реке Красной — там стоят наши лучшие части. Кроме того, там мне не обойтись без твоей с Троцеро мелочной опеки. Речь идет о тихих горных заставах севернее основного пути в Немедию, где солдаты бьют вшей и таскают за вымя местных коров, не имея даже приличного полевого борделя. Я быстро приведу в чувство заплывшие жиром телеса пограничников, лично выбью из наместников недодаденное казне... — он пробежал глазами свиток, немедленно протянутый ему офицером, — две, нет, Кром, три — чтобы неповадно было, — меры серебра, и буду в столице через две седмицы. Или через три. За это время соберите все необходимые сведения, снеситесь со всеми — всеми! — владыками вокруг Ильбарских Гор, в особенности со всякими атаманами, самозваными пророками и наемниками — от них судьбы империи востока зависели и зависят больше, чем от всех правителей гирканского племени вместе взятых. А главное — узнайте о Деви... жива ли она еще. Я намерен жениться на Жазмине. Посол сегодня же должен отправиться из Тарантии... Молчи, Троцеро, я устал от ваших с Конном слюнявых возражений. К моему возвращению Черные Драконы, полк боссонских лучников и полк гандерландских копейщиков, надлежащим образом вооруженных, а также обозы должны ждать выступления. Объяснить всем, что они уходят со своим королем... навсегда, так будет лучше. Набирать только добровольцев. Если не будет и пяти тысяч — Троцеро, ты знаешь, как это делается, — собери по кабакам наемников, воров, беглых каторжников — кого угодно, лишь бы умели держать меч в руках... Даже если Деви уже мертва или отвергнет мое сватовство, состоится главное — война с гирканцами. Но я буду стоять во главе Вендийской армии, если моя Жазмина жива! — Конан грохнул по столу кулаком. — Или с тремя полками добровольцев я пробуюсь к Ильбарсу и подниму горцев...

— Мой государь, Аквилония не может позволить себе такую войну, в столь отдаленных местах, да еще с могущественными гирканцами... — начал, было, лепетать один из советников, но Конан прервал его грязной руганью и топнул ногой.

— А ваша Аквилония и не будет вести войну. Войну буду вести я. Эй, герольды, если за три седмицы не будут подготовлены все бумажки по поводу моего отречения в пользу Конна, мой отъезд на восток ознаменуется казнью нерадивых слуг. Да, престол и вся эта страна, надоевшая мне как рабу ошейник, остается Конну. Троцеро, друг мой, ты, я думаю, не покинешь его в течение первых лет правления. Хотя, по правде сказать, он уже справляется гораздо лучше меня, чем я в те годы, когда только вступил на престол. Мне же...

Конан посмотрел вокруг, на лица присутствующих, зачем-то даже потрогал занавесь на окне и подкинул в воздух скипетр:

— Мне же останется письменно подтвержденное право прохода к мавзолею, где упокоилась моя дорогая Зенобия, три полка, набранные из добровольцев на аквилонские деньги, да мое оружие, конь и сбруя. Все...

И он, провожаемый изумленными взглядами придворных, своего сына и старейшего сподвижника, направился вон из залы, по дороге хлопнув по плечу стоявшего на часах угрюмого и бесстрастного северянина:

— Я решился. Все, хвала Крому, я решился.

И за королем захлопнулась дверь.

Глава вторая

— Сносно, сносно... — бормотал король, вразвалку бредя вдоль жидкого строя латников.

Воины заметно нервничали, пока тянулось ожидание объявленного смотра, однако к моменту, когда из командирской палатки вывалился заспанный Конан, ратники устали бояться и тупо застыли. Больше других суетился десятник. Он шел вслед за королем, и придиличко осматривал внешний вид подчиненных, вытаскивал из ножен клинки. Меж тем времени у гарнизона, чтобы привести себя и оружие в порядок, оказалось предостаточно, и придириаться к чему-либо было уже поздно. Конан и сам, хлопая по отвислым животам потерявших молодцеватость воинов и ухмыляясь, видя множество проколотых ушей — и при этом ни одной серьги или зингарского кольца, начал уставать от бессмысленности своей затеи. Дойдя до конца шеренги, он резко развернулся на каблуках и поманил пальцем командира заставы, который прятался в толпе телохранителей. Дрожа как осиновый лист, упитанный капитан подошел к своему владыке.

— Бравые вояки, что и говорить, — насмешливо хмыкнув, произнес Конан. — И что это они у тебя гниют по палаткам без дела?

— А... Мы... — невнятно начал бормотать командир, но король уже не слушал его. Он обращался к десятнику.

— Отправьте немедленно оруженосцев по ближайшим деревням — мне нужны подводы, телеги, брички — все что угодно, чтобы перевезти ваше пыльное воинство на расстояние прямой атаки до Совиной Горы. На ваших конях хоть сейчас можно пахать или возить навоз. Но для атаки в галоп, после сколь-нибудь длительного марша, они не годятся.

— Но мой король, не собираетесь ли вы атаковать разбойничье логово только силами гарнизона? — спросил капитан, переводя растерянный взгляд с Конана на своего десятника, который громким голосом уже отдавал распоряжения.

— Именно, именно, мой друг.

Конан прошелся еще раз вдоль строя и остановился напротив дюжего молодца, который, в отличие от остальных, не стоял навытяжку, а принял более вольготную позу и улыбался едва ли не в лицо всесильному владыке. Улыбка его была весьма своеобразной — отсутствие передних зубов и обезображенная нижняя губа придавали его физиономии сходство со стигийскими «масками смерти». Король замер и сощурился, словно пытаясь припомнить что-то весьма важное, не переставая говорить:

— Именно так. Эта свора грабителей настолько привыкла к вашему деликатному с ними обращению, что, мне кажется, вполне можно подобраться к ним поближе и вспугнуть, как куропаток. Что они будут делать, как ты считаешь? — И Конан хлопнул по плечу беззубого.

Тот, словно только того и ждал, оскалился еще больше и произнес низким угробным голосом:

— Драться с солдатами Вашего королевского Величества — это им не глотки жирным купцам резать на большой дороге. Мы пройдем сквозь них, как нож сквозь масло, и выкинем за немедийскую границу, мой король.

Конан покивал головой и произнес тише:

— Главное — это подобраться поближе, и как можно скрытнее. Капитан, есть в вашем отряде опытные следопыты или придется брать местных пастухов?

— Да, Ваше Величество, тот, что стоит перед вами, истоптал вокруг все горы и урошица — он старший обозный, а заодно и главный охотник...

— А местных лучше не брать, они Хвата обожают больше, чем своих костлявых жен, — перебил начальство беззубый, сопровождая свои слова характерным жестом, видимо, вошедшем у него в привычку, — мазанул большим пальцем по переносице от лба до кончика носа, затем палец лихо встопорщил жесткий ежик пышных усов.

Капитан, было, собрался отчитать нахала, столь вольно ведущего беседу с августейшей особой, но тут локоть короля пребольно въехал толстяку в бок, и он услышал радостный вопль Конана:

— Ройл, чтоб собаки выгрызли мне селезенку! Старый беззубый Ройл, чью никчемную жизнь я спас в пиктских джунглях. Да, тогда жизнь была повеселее, а вино — не таким кислым!

С этими словами Конан обнял за плечи старого вояку, а тот едва не прослезился, растроганный. Меж тем король взял капитана за перевязь и леноночко встряхнул, отчего у того голова мотнулась на плечах, как у деревянного болванчика, и проговорил:

— Под твоим началом, капитан, служит великий воин, не будь я король Аквилонии! Помнится, что, пока он был одним из следопытов в гибких Боссонских топях, пиктское зверье и носа не казало по эту сторону от Громовой. И ведь славное было времечко — несколько отрядов вольных боссонских охотников прикрывали хайборийские поселения не хуже, а то и лучше, чем сейчас это делают полтора десятка линейных полков. Дармоеды, граница — что твое решето, а во сколько это обходится казне?

Вопрос этот был обращен в пустоту — офицеры заштатного пограничного гарнизона вряд ли могли дать на него вразумительный отчет. Капитан же, поправив съехавшую перевязь, произнес:

— Мой король прав — это славный воин. Во время заварухи с немедийцами он проявил себя с наилучшей стороны.

— И, без сомнения, свое брюхо ты наел из-за того, что умелый охотник — везде добытчик, будь то гибкий пиктский лес или голые скалы на этой границе.

Король пришел в необычайное душевное волнение, которое всякий раз охватывало его, когда приходилось встречать, правда, все реже и реже, бойцов, служивших под его началом в былых сраженьях. Он приказал латникам, рассыпав строй, ждать подвод для выступления, и увлек беззубого следопыта с собой в палатку.

— Ройл, нет, постой, эй, ты! — Во входном проеме немедленно возник паж. — Тащи вина... Как так — нет вина... Изыми именем короля у этого жирного капитана. Впрочем, нет, они тут пьют ослиную мочу или что еще похуже.

Казалось, Конан был обескуражен не меньше, чем, если бы проиграл решающее сражение под стенами Тарантии. Под его взглядом паж весь как-то съежился и стал едва ли не прозрачным.

— Твоя, правда, мой король, — Ройл уже выуживал из своего походного мешка деревянную баклагу, — честному воину и почитателю светлых богов не пристало пить эту местную дрянь. Вот, одна беда — мал запасец. Но, право, не знаю, пьют ли во дворце столь же восхитительные напитки.

Конан приложился к протянутой фляге, и лицо его посветлело.

— Кром! Наконец-то я понял, почему в последние годы мне вино в глотку не лезет! То есть лезет, конечно, но нет того, понимаешь, ощущения... А ну-ка, Ройл, дай-ка еще... уф.

Все эти кубки, чаши и прочий хлам отшибают у пива, вина и эля самое главное — духовитость. Королям, знаешь ли, почему-то не пристало хлебать, зачерпнув прямо из бочек. Но лишь в добром бочонке из старой душистой доски, да еще в такой вот фляге, или в кожаном бурдюке вино сохраняет настоящий, стойкий аромат.

Ройл уже расположился по-свойски, бросив в угол свое, так и оставшееся при нем со смотром снаряжение, и собирался, хлебнув разочек, приложитьсь еще. Но насторожился и устремил взгляд за откинутый полог.

Конан повернулся: прямо у входа в палатку расположилась охрана короля и, судя по возбужденным голосам и характерному позыванию и бульканью, собираясь приятно провести время до самого выступления.

— Совершенно распустились, — произнес киммериец и направился к выходу. — Хотя даже владыке Аквилонии не под силу навести дисциплину среди десятка асиров, гандерландцев и киммерийцев. Они, как и я в былые годы, только и умеют, что драться, да пьянствовать, а еще подолы задирать. Эй, вы, разготоались, словно стадо хримтурсов. А ну-ка давайте сюда бочонок — поди, из самой столицы с собой тащили. Ха, да я вижу, охрана у Конана-киммерийца ему подстать — у вас и второй имеется. Давай, давай.

И Конан вошел в палатку, неся увесистый бочонок из тех, в каких шемитские купцы привозят на ярмарки Тарантии ароматические масла.

— Если вино пропахло стигийскими травами, я отправлю негодяев чистить конюшни! — С этими словами Конан ударом кулака выбил дно у бочонка и с размаху грохнул его на стол.

Ройл меж тем прикончил свою припасенную на черный день фляжку и уселся поближе.

Через некоторое время, когда паж, надо отметить, уже с трудом державшийся на ногах, заглянул внутрь, то увидел, что оба собутыльника сидят прямо на полу, положив руки друг другу на плечи, и Ройл буквально кричит в ухо короля:

— Ты тогда еще командовал отрядом наемников, к вам присоединили моих следопытов и еще какой-то сброд, который вербовщики переловили в ближайших деревнях...

— Да, это была настоящая банда. Герцог мне перед битвой так и сказал: «Ты, Конан, знай — у аквилонской короны не так много тюрем, чтобы вместить всю твою шайку, так что я ставлю вас в самом центре и надеюсь, что панцирники стопчут и порубят большую ее часть, ведь после битвы я все равно должен взять вас под стражу за грабежи и насилия в коронных землях». Редкой тонкости государственный ум, надо заметить, был у того герцога. В бою ему оторвало светлую его башку камнем из катапульты...

— Из баллисты, мой король, — солидно возразил Ройл и икнул.

— Кром, какая разница, все равно — оторвало напрочь. А центральный клин этих Нергаловых сынов ударили в нас, как колун в сырое полено, и застрял. Герцог оказался прозорливее многих моих нынешних полководцев — пока в центре мы с панцирниками вспарывали друг другу брюшины, крылья аквилонской конницы начали медленно смыкаться...

Король попытался показать, как именно смыкаться, — словно огромная черная птица, он распростер руки, смахнув при этом со стола плошку. Коптящий фитиль с шипением упал в полупустой бочонок и погрузил палатку во тьму. Однако беседы это не прервало. Ройл невозмутимо хлебнул прямо из бочонка, сплюнув в сторону пеньковую мочалку, и выдохнул:

— Но дело чуть не пошло псу под хвост, когда весь этот сброд дрогнул и побежал.

— Да, улепетывали они, как жирные мускусные крысы от беркута, когда на нас

навалился резерв противника. Как сейчас помню — там были получившие волю каторжане — во-от с такими мордами и вот с такими дубинами, баграми, вилами и Сет еще знает с чем.

— И я тогда выхватил у тебя из рук знамя, и зашвырнул его далеко вглубь их рядов...

— А я, сразу не поняв зачем, прямо из седла дал тебе сапогом по морде...

— И двух зубов как не бывало, прах побери окованные носки тех сапог...

— Знатные были сапоги, я потерял их, когда праздновали победу и какой-то пьяный осел швырнул в мой шатер факел...

— Н-да... Победа висела на волоске, но наш отряд, даром, что наемники без роду и племени, рванулся за своим знаменем так, что прошел по резерву противника и остаткам клина, даже не разобрав толком, что центр врага уже прорван, как гнилая мешковина...

Пока не опустел бочонок, и не были упомянуты все подробности столь давней схватки, что о ней не слышали ни толстый капитан, ни десятник, сидевший прямо у входа в шатер, никто не осмеливался заикнуться о предстоящем походе.

Телохранители приканчивали оставшийся бочонок, а гарнизон, разместившись в полном вооружении вокруг доставленных из окрестных деревень телег, вполголоса поругивал примчавшееся невесть, зачем воинство короля, да и самого правителя. Будет поход на Совиную Гору, или не будет; старый король маётся дурью, а может, ему не с кем пить во дворце, или он действительно так уважает старину Ройла, что для беседы с ним прискакал из самой Тарантии; пойдут ли с ними, если все же выступление состоится, королевские телохранители или, напившись до умопомрачения, будут отлеживаться в тылу, — таковы были темы для обсуждения.

— Не, такие не упадут с одной-то бочки. Только злее будут.

— Ух, рожи такие, что у тех, на Совиной, почище и попристойней будут.

— Да, таким кровь ближнему пущать — видать, одно удовольствие.

— И где их таких набрали. По мне — так их и близко ни к каким дворцам подпускать нельзя. Одно слово — варвары, северяне.

— Точно, старина Ройл, в молодые годы от таких вот Аквилонию спасал.

— Да король, говорят, сам таким был. Варвар с севера, наемник, чуть ли не пират — пока к трону не пробился.

— Поговорите, поговорите еще — аккурат в каменоломни с поля боя и отправитесь.

— А что, про то все ведают. Не верите — Ройл вот выйдет, все и выложит начистоту.

— Как же, выйдет. У них с королем на пару — такая же вот баклажечка.

— Спроси, спроси у Ройла. Он и трезвый-то без врак двух слов не скажет.

— А я вот про короля, не верю. Видал я тех наемников. Вы всю жизнь за юбкой, да за бутылкой. Теперь здесь вот гниете, света белого не видали, а я поколесил, побродил в свое время. Видал тех наемников. Зря вы на охрану эту напраслину возводите. Настоящие наемники — руки грязные, все в перстнях, под ногтями — кровь засохшая. Глаза пустые, сами дерганые, чуть что — сразу за ножи или, там, мечи хватаются. А про корсаров — про тех такое говорят...

— А ты уши развесь — и побольше слушай, ротозей. Мир он повидал. Это от таверны — в кабак, что ли? Говорят тебе — из наемников наш Лев. Но — из приличных...

— Не бывает приличных наемников. Был бы он корсаром или разбойником каким — стал бы о королевстве думать? Вот твои, с немытыми руками и кровью под ногтями, дотянулись до трона — что бы стали делать? Города строить, корабли, академии всякие разводить, а? То-то. Варвар — это да, варвар и есть, но не корсар.

— А по мне — так хоть сам Сет на троне, лишь бы жалованье исправно платил и не трудил чрезмерно.

При этих словах полог откинулся и, держась, друг за дружку, вышли Ройл и Конан. Капитан и его заместитель еле успели вскочить и отступить в сторону, иначе старые вояки неминуемо кувырнулись бы через них.

— Так, выступаем немедленно! — провозгласил Конан, обводя свое воинство покрасневшими глазами. — Авангард поведу сам, вернее, поведет старина Ролл. Где твои охотнички?

Ройл подозывал к себе четверых солдат:

— Значит, эти пятеро, десять моих телохранителей, и все. Остальные сорок ротозеев, кто трезвые, выступите чуть погодя за нами на подводах. Коней оседлать, но вести в поводу. Взберетесь на своих кляч прямо перед атакой. Сигналы — обычные, рожки там, или как вы тут... ага, свистки, так свистки. Мы снимаем часовых, если у них таковые имеются, и подползаем к самому лагерю. Вы разворачиваетесь к Совиному Ручью на нашей стороне и ждете. Морды тряпками обвязжите. Я имею в виду лошадиные морды, и чтоб ни звука. А по свистку — в галоп. Не останавливаться, не грабить, в палатки не лезть — гнать эту сволочь к границе, гнать и рубить...

— Но, мой король, такое уже было: они уйдут в Немедию... — встрял, было, капитан, но Конан грозно надвинулся на него и, вновь взяв за перевязь, энергично потряс:

— А ты можешь завязать морду себе, капитан, — и добавил, обращаясь ко всем и взмахом руки прекращая начавшийся среди охраны гогот: — Гнать будем и в Немедии, ясно. До полного истребления. Все.

Глава третья

— Кром! В пути хмель вылетел, да ума не прибавилось, — ворчал Конан.

Он лежал на сырой земле в небольшом углублении, оставленном корнями вывороченного ветром огромного бука и, извиваясь, старался выползти разом и из своего раззолоченного кафана, и из роскошной кольчуги, ползать в которых по лесу, да еще в его летах, оказалось явно несподручно.

Маленький отряд вихрем промчался по скальным тропам, затем, ведя коней под уздцы, углубился в пользовавшееся дурной славой урочище. Древние, узловатые деревья покрывали пологий склон Совиной Горы. Лес был мокрым после промчавшегося недавно вихря, повсюду валялись поваленные стволы, и вскоре из-за бурелома коней пришлось оставить под присмотром двоих гандерландцев.

После небольшого плутания по рытвинам и оврагам, когда все стали чрезвычайно злыми, мокрыми и исхлестанными ветвями, Ройл скомандовал лечь.

Поминая богов и короля, которому в столь скверную погоду в столь скверном месте пришла в голову затея поиграть в войну, северяне и следопыты повалились прямо в месиво из гниющей листвы и глиноzemса. Ройл пополз вперед и вскоре, перевалившись, словно хорек, через лежащий поперек его пути древесный ствол, покрытый лиловым мхом, исчез из виду.

Конану, наконец, удалось освободиться от своей брони, и он остался в одних брюках и полотняной рубахе, которые тут же пропитались влагой, грязью и зеленью травы, так, что король Аквилонии сам теперь напоминал замшелую корягу. Он пытался разглядеть вокруг хоть что-нибудь, но видел лишь мокрый туман, клубящийся между стволами.

— Словно я по ту сторону Громовой реки, — прошептал киммериец, — а ведь давненько я не лежал в настоящей засаде.

Эта мысль очень ему понравилась. Он поплотнее разметался на своем глинистом ложе, вжимаясь в холодную лужу на дне ямы.

— Кажется, это делалось примерно так...

И король цивилизованнейшей из хайборийских держав с наслаждением растер лицо вначале пучком травы, затем перепачкаными ладонями, зачерпнув со дна бурой жижки. Громоздкий меч он оставил лежать на ворохе снятой одежды, присыпав его для верности листвой, и пополз. Переваливаясь через тот же древесный ствол, что и беззубый следопыт, Конан кряхтел и ругал свои годы, а когда повернулся, то едва не расхохотался — мертвая кора и мох были сорваны с дерева, словно гигантский слизняк прошелся по нему.

Двинувшись вперед, Конан лицом к лицу столкнулся с приготовившимся к бою ежом, вернее — ежихой, за спиной которой угадывалось четыре темных колючих комочека поменьше. Киммериец попытался щелкнуть ее по черному носу, однако местные ежи, видимо, не забыли еще искусство охоты на змей — голова ежихи молниеносно отдернулась, а затем метнулась вперед и цапнула нахального человека за палец.

Подавив крик, киммериец попробовал обойти воинственного зверя, но левая его рука соскочила со скользкой кочки, затем, потеряв опору, заскользил вниз и сам киммериец. Конан, как ни пытался схватиться за ветви кустов и пучки трав, все быстрее и быстрее съезжал куда-то вбок, а потом полетел кубарем в зеленый омут и очутился на дне небольшого оврага. Клочья штанов и рубахи украшали оставленную все тем же неуклюжим слизнем просеку, а где-то под пологом мокрого леса недовольно заголосила и умолкла

сорока.

— Н-да, — сквозь зубы пробормотал Конан, поднимаясь и отряхиваясь. — Морду можно было и не мазать в начале пути. По ту сторону Громовой реки я бы не прожил и нескольких мгновений...

— Это точно, старик! — раздался прямо над ухом молодой, энергичный и совершенно незнакомый голос.

Киммериец обернулся. В трех шагах от него сидел на пеньке причудливо одетый разбойник, держа в руках охотничий самострел, приспособленный для стрельбы арбалетными болтами.

— Ты, впрочем, тоже, молокосос, — раздалось с верхушки обрыва, и что-то тяжелое обрушилось сверху на незадачливого часового, подмяв его под себя.

Мгновенье борьбы, и Ройл уже сидел на разбойнике верхом, а лезвие ножа следопыта холодило парню глотку.

— Старею, — пробурчал Конан, подходя к пленному.

Тот, казалось, не очень-то и испугался, поводя бешеными глазами.

— Цыц ты. — Ройл завозился, устраиваясь на разбойнике поудобнее, и, затыкая тому рот сорванной с головы кожаной шапочкой. — Что с ним делать-то? Резать глотку — и полезли дальше?

— Порасспроси его — есть ли еще сторожа, в лагере ли Хват, а потом двинь посильнее — пусть валяется. Нам его никчемная жизнь не нужна.

Конан отошел в сторонку и пучком травы попытался избавиться от комьев влажной грязи. Не особенно прислушиваясь к хрипловатому, приглушенному туманом голосу разбойника, он повертел в руках трофеинный самострел, затем задрал голову и с наслаждением стал вдыхать тот непередаваемый аромат дикой чащи, от которого в юности у него кружилась голова, заставляя идти на невиданные безумства. Атмосфера лесной войны, сам лес, липкий туман и полный грозящей опасности зеленый полумрак постепенно начали пробуждать в потрепанном жизнью и бездельем теле спящего зверя. Ноздри киммерийца подрагивали и раздувались, словно у породистого жеребца, ни разу, не бывшего под седлом, белки глаз сверкали, а руки, расслабленно свисавшие вдоль тела, приятно зудели в предчувствии скорой драки. Кром свидетель — пара десятков лет сорвалась горой с плеч и растворилась в утробе урочища. Меж тем из-за спины киммерийца раздался тупой удар, приглушенный стон и мягкий звук падения. Неслышной, стелющейся походкой подошел Ройл, потирая краснеющий на глазах кулак, и шепотом проговорил:

— Митра милостивый, ну и головы у здешних жителей, видать, луженые, что твой обозный котел.

— Ну? — задрал подбородок Конан.

— Часовых у этой своры, как и ожидалось, нет.

— Совсем обнаглели. Когда я был помоложе...

— Тише, тише, мой король, — вжал голову в плечи следопыт. — Так вот, этот многоголовый поджидал тут своих сотоварищей-охотников, которые аккурат сейчас должны пройти неподалеку от нас к лагерю.

— Славно, славно. Вот мы охотничков тут и положим в папоротники. И ворвемся прямо в их курятник вместо ожидаемых добытчиков, — оживился Конан.

Ройл недовольно скривился. Он уже понял, что стареющий монарх не собирается утруждать себя размышлениями и расчетами. Ему нужна была хорошая драка после хорошей

попойки.

— Дело в том, что там у них собаки...

— Ну, старый вояка, ты меня испугал! — Киммериец от нетерпения даже притопнул, взметнув на отвороты и без того грязных кавалерийских сапог фонтан из тины и жидкой глины. — У них тут что — натасканные сторожевые из королевских питомников? Или пастушки «акулы пустынь» из гирканских земель? Откуда они тут взялись и кого пасли? Сам не хуже меня знаешь: если таким псинам не дать отару, чтобы ее охранять, и не дать волков, чтобы их рвать, то характер у собак очень быстро испортится, и тогда уж лучше держать у себя на стоянке медведя-шатуна или пару драконов, чем этих тварей. А здесь наверняка обычные остроухие плюгавые гончие. Мы с тобой не олени и не зайцы, а на человека натаскать этих псов сложнее, чем меня обучить тонкостям митраистской теологии.

— Оно, конечно так, мой король... — с сомнением пожевал губами Ройл, однако и паршивая шавка может поднять шум, учуяв засаду...

Но Конан перебил его:

— Это у тебя с похмелья или ты действительно стал трусоват? Где-нибудь в безлюдных горах или девственном лесу собаки, учуя засевшего в чаще человека, начнут брехать и выть, а тут в двух шагах их собственный лагерь, и под каждой сосной по пьяному разбойнику валяется. Веди лучше на тропу и своих зови, а то упустим охотников.

И не собираясь больше спорить, кряхтя и ругаясь, Конан полез по скользкому склону вверх. Ройл вздохнул, снял висевший на шее деревянный свисток, подал условный сигнал, подражая крику некоей болотной птицы, и полез следом.

Не прошло особенно много времени — Конан и следопыт только успели, что привести в относительный порядок измазанную одежду, как дрожащий зеленый полог сгустился, в тумане задвигались еле различимые вначале тени, затем туман расступился, пропуская бесшумно скользящих меж стволов деревьев воинов.

Ройл быстро объяснил им задачу и повел маленький отряд в самую непролазную чащу, руководствуясь одному ему понятными соображениями, почерпнутыми из задушевной беседы с молодым разбойником. Дорогу преградил бурелом, высившийся, будто замок лесного людоеда. Туман оставлял на серебристых стволах полуслгнивших деревьев, наваленных самым причудливым образом, легкий белесый пушок. Тянули узловатые щупальца вывороченные корни вековечных деревьев, обнажая в плоти земли ужасные раны, — на эти ямы, полузатопленные подернутой ряской водицей следопыты косились особенно неприязненно, стараясь обойти их стороной. Кто знает, что за зверь или нечисть может броситься оттуда на осмелившихся нарушить лесной покой людышек?

Проплутав изрядно в этом лабиринте, отряд аквилонцев выбрался на небольшую полянку. Все отряхивались, словно лоси после переправы через ручей, хрюпло и зло переругиваясь, вновь сгибая луки и натягивая тетивы, до того заботливо смотанные и упрятанные в холщовые мешочки — жилы берегли от влаги. Конан, спохватившись, стал шарить по перевязи, и один из телохранителей протянул королю его меч, оставленный в самом начале пути.

— Кром, — сквозь зубы проворчал Конан, нацепляя ножны. — Это уже совсем не годится. Оставил меч гнить в какой-то канаве, словно деревенский увалень, пригнанный главным королевским лесничим на тушение лесных пожаров...

Ройл меж тем озирался, явно ища и не находя некоей метки. Лучники все возились со своим нежным снаряжением, северяне вполголоса частили ненавистные леса, где не на что

сесть, и нет ни капли свежего воздуха, ни луча солнца.

Старый разведчик негромко вскрикнул, указывая на зарубку в коре разветвленного вяза, и уверенно повел отряд за собой — опять в непролазные заросли. Конан повеселел, слушая за спиной каркающие северные ругательства на выразительном ванирском наречии вперемежку с именами хайборийских богов, снабжаемых самыми нелицеприятными эпитетами на его родном киммерийском.

Наконец мучения нордхеймских и киммерийских наемников кончились — Ройл вывел их на поросший колючим кустарником холм, косо обрывавшийся к югу урочища. Искомая тропа проходила по низу разлома, идущего в теле Совиной Горы по самым укромным чащобам, и косогор висел над ней козырьком, будто созданный для засады.

— Это надо совершенно обнаглеть, чтоб не выставить тут охраны, — проворчал Конан, глядываясь в дрожавшую над лесами хмару, в которой где-то с запада улавливался нарастающий птичий гомон.

Вернее, варвар уже смог определить, что к тропе движется большая группа людей.

— Митра свидетель: беспечные добытчики — это как раз то, что нам надо, — проворчал Ройл, распределяя людей вдоль гребня. — Если нас прихватят здесь, то основные силы вряд ли успеют подойти к нам на помощь, хоть я уже и послал за ними. Прижмут вот к обрыву и перебьют, как щенков-несмышеных.

— Да, могут и прихватить, а могут — нет, — с видимым сожалением пробормотал Конан, устраиваясь среди колючих кустов с таким треском, словно кабан-секач на лежку.

— Да будет еще драка, мой король, будет. Не забывай, что их тут тьма. Перебьем — вот охотников, двинемся дальше, и будет нам за каждым кустом арбалетчик, за каждым стволом — мерзавец с ножом в зубах. Главное, — Ройл уже обращался к своим воинам, — чтобы никого не пропустить. Положить всех!

— Да, да, — чуть повысил голос Конан, — а то всполошим лагерь раньше времени, и уйдут они, а всех не переловишь в этих-то дебрях.

— Все равно отступят на немедийскую сторону. Хват уже не раз проделывал этот номер, — тихо пробурчал Ройл.

Он видел в своих нехитрых планах громадную брешь, но не решался перечить неистовому киммерийцу.

«А ну как действительно уйдут за кордон? Мы что же это, полезем к соседям?» — ломал себе голову седой ветеран, и что-то в самой глубине души говорило ему, что цель Конана, прикрытая скороспелым решением идти на разбойников, на самом деле именно такова.

«Неужто ринется наш король добивать их в немедийских землях... Тогда пограничный заслон немедийцев набросится на нас, как мы сами когда-то выкинули их с территории Аквилонии. Может, на это и расчет... Поговаривают, что Конан не прочь устроить заварушку, с кем попало, а немедийцы — неплохой выбор. Ох, уж мне эти стареющие короли да герцоги».

Ройл с обычным для бывалого служаки презрением к вышестоящим сплюнул и вздохнул, начиная понимать, что тихое гарнизонное сидение безвозвратно закончилось.

Меж тем стало слышно, что разбойные люди совсем уже близко. Вот послышался собачий лай, затем короткое ржание, голоса. Они шли, совершенно не скрываясь, будто законные владетели этой дикой земли, весело и беспечно. Уже явственно доносился смех, нестройное пение и даже лихой разбойничий посвист из тех, что тревожат сны толстых

купцов и караванных вожаков. Ройл стиснул зубы и покосился на Конана. Как еще отнесется король к такой наглости на своих землях.

Однако августейшая особа признаков недовольства своими порубежниками выказывать и не собиралась. К удивлению ветерана, лицо киммерийца было совсем не похоже на разъяренный лик властительного вельможи, по цветущему саду которого расхаживают воры. Напротив, лицо короля выражало скорее затаенную грусть и некую светлую печаль.

Ройл, вспоминая байки о прошлом Конана, хмыкнул. Очень уж это было похоже на тоску по ушедшей залихватской юности. Когда лихой посвист раздался во второй раз, Конан вздохнул и шумно заворочался. Ройл ухмыльнулся и, забыв о грустных мыслях, припал к мокрой земле, превращаясь в бездушный призрак войны — комок настороженности: лишь слух да зрение, даже дышать перестал.

Папоротники с западной стороны от разлома вздрогнули, с них посыпался целый каскад капель, и раздвинулись, пропуская лошадиную морду. Это не был, конечно, боевой скакун, так себе лошадка, взятая разбойниками прямо от сохи. К тому же она явно проделала немалый путь, тяжело нагруженная какими-то тюками, — тяжело опадающие черные бока блестели от пота и влаги, пропитавшей окружающий лес насквозь. Меж тюков разместился малый с лопатообразной нечесаной бородой, который все прикладывался и прикладывался к кожаной бутыли. Следом показались остальные. Понурые мокрые всадники тщетно кутались в отяжелевшие плащи, стараясь укрыться от всепроникающей сырости, у некоторых поперек седел виднелись перекинутые тюки. На двух лошадях везли освеженные олени туши. Вокруг охотничих трофеев скакало три или четыре собаки, обнюхивая мох и землю в тех местах, где капала оленя кровь. Лошадям кровавая ноша и шумное лающее сопровождение было явно не по нутру — то и дело они останавливались, но ведущие их под уздцы разбойники добивались покорности, не жалея кнутов, жестоко и быстро.

Наконец на тропу под откосом выехала вся кавалькада. Ройл насчитал два десятка людей.

«Собачки несерьезные, значит — собачки не в счет. Люди... Те, что ведут лошадей и идут пешком, явно местные, деревенские парни. Проводники, охотники, вряд ли они члены шайки, но даже если так — толк от них в схватке малый. А те вот, что на конях, — посерьезнее. И вооружены не кое-как, и под плащами у них, может статься, не одни рубашки. Хотя странно это, в доспехах по лесу с охоты ехать. Или ждут нападения? Кого? Ладно, потом разберем. Сколько их таких? Ага, десяток. Ну, хвала светлым богам — риску никакого».

Седой ветеран для приличия повернулся к Конану, ожидая приказа, но тот, словно ребенок, впервые в жизни побывавший на городской ярмарке и увидевший там заезжих акробатов, разглядывал всадников горящими глазами.

Тогда Ройл слегка откашлялся — внизу замерли и навострили уши собачки, а наверху натянули луки его следопыты, — и уже громко, смачно выругался. Что и послужило сигналом к атаке.

Пропели стрелы. Первый залп собрал обильную жатву, второй был менее удачным. Тем не менее, первые три и задние два седла вмиг опустели, одна из лошадей с громким ржанием рухнула в лужу и билась там, перегораживая проход вперед. Разбойники заголосили, спрыгивая с седел и обнажая клинки. Деревенские попытались порскнуть назад, в чащу, быстро разобрав, откуда бьют лучники, но остальные, матерые, явно подготовились, дорого продать свои жизни.

Конан с ревом вскочил, выволакивая из ножен меч, и заорал — мало не на весь лес:

— Следопыты! Бить стрелами убегающих. С остальными мы сами справимся. Ройл, давай команду гарнизонным тихоходам. Охрана, за мной!

Дальше зазвучали непонятные аквилонцам лязгающие и словно грохочущие броневыми листами слова на одном из северных языков, и король-варвар во главе своего варварского сопровождения обрушился со склона вниз, на тропу. Обрушился буквально — склон был неимоверно крутым, к тому же земля и трава промокли, словно прибрежное дно при морском отливе, так что волна атакующих окунулась в грязь и покатилась прямо на разбойников.

Ни один из ваниров, асиров и киммерийцев не смог удержаться на ногах, но все без исключения остались с оружием в руках. Конан, весь облепленный комьями грязи вскочил на ноги, еле успев перекатиться в сторону от взмаха топора, рванувшегося навстречу катящемуся с горы киммерийцу. Широко расставив ноги на зыбкой почве, Конан косо рубанул мечом не успевшего поднять топор разбойника. Однако в мокрой от грязи ладони варвара рукоять повернулась, и удар клинком пришелся плашмя, но, судя по звуку, сокрушил ребра и отбросил противника с тропы в лужу, где все еще билась раненая лошадь. Тотчас же на месте первого появился новый разбойник, серой тенью метнувшийся к королю, норовя вспороть бок кинжалом.

Однако рывок ретивого лесного сидельца был излишне резок — он поскользнулся, и удар распорол Конану штаны на бедре, обладатель же кинжала буквально налетел на меч, спешившегося на выручку к королю ванира. Конан, которого ванир, заслоняя от следующего разбойника, отшвырнул плечом, оказался в луже и за неимением нового врага точным ударом положил конец мучениям лошади. Неблагодарное животное в последней предсмертной судороге лягнула киммерийца копытом. Среагировать Конан не успел; он только дернулся, перенеся тяжесть тела на другую ногу, и копыто обрушилось в подколенный сгиб. Король рухнул в самую жижу, успев в очередной раз проклясть своего терпеливого к подобным выходкам бога.

Два здоровенных асира, поддерживая за плечи, вытащили своего владыку на сухой пятачок. Схватка, короткая и кровавая, уже кончилась. Сопротивлявшихся разбойников охрана короля порубила на месте, трусливых — положили разведчики Ройла, спокойно, словно на учениях, пускавших стрелу за стрелой в мельтешивших у края леса людей.

— Кром, ты видишь, так бывает всегда! Храбрецов мало — трусов тьма-тьмущая, — пробурчал Конан, освобождаясь от помощи телохранителей и разглядывая дюжину утыканых оперенными древками разбойников поодаль.

Прямо у его ног лежали пятеро порубленных мечами — их руки еще сжимали боевые топоры и кинжалы, а лица носили печать ярости битвы.

— Двенадцать пойдут на корм воронам и волкам. Хотя какой толковый волк не побрезгует этой падалью? Пятеро отправятся в твои, Кром, чертоги... А еще пятеро, — тут Конан помедлил. — Он имел в виду тех, кого выбили из стрел первые, неожиданно ударившие стрелы, — будут тенями блуждать на Серых Равнинах в ожидании, пока не воплотятся здесь, чтобы вновь держать в руках холодную сталь мечей и умереть как воины, или как шакалы...

С возрастом Конан стал несколько сентиментален и все чаще обращался с такими вот патетическими речами к убитым врагам, вызывая немалое удивление и смущение среди просвещенных и весьма циничных хайборийцев. Однако сейчас его окружали не только они.

Один из ваниров, как раз тот, что отшвырнул короля, угрюмо произнес, с сожалением трогая большим пальцем зазубрину на лезвии меча:

— А по мне, так всех их пожрет Хресвельг. Мы их хоронить нипочем не станем, хотя следовало бы. Но нет времени. Так что стенасть им, тенями, в царстве Хель до самого разрушения мира. И трусам, и героям. Что-то не верится мне, что Великий Имир или его валькирии заглянут так далеко на юг из-за пятерки мертвецов.

— А ты, ванир, стало быть, считаешь, что Хресвельг-то уж обязательно сюда доберется, — с ехидцей спросил молодой киммериец.

— Ну, то ж ведь Хресвельг, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал ванир.

Конан откровенно потешался, слушая эти споры своих мрачных и грубых, но в чем-то по-детски наивных и весьма суеверных телохранителей. У себя дома, в безлюдных северных пустошах, все они: и асиры, и киммерийцы, и ваниры были вековечными врагами друг друга. Но те немногие из трех северных народов, кто пришел служить Конану, прослышиав про достойного славы вождя, никогда не поднимали друг на друга оружие, но словесные стычки, подобные этой, вспыхивали едва ли не ежедневно, доставляя королю огромное удовольствие. Дальше слов дело не заходило, а в остальном личная охрана Конана была самой спаянной и грозной дружиной во всем цивилизованном мире.

— Какой такой Хресвельг? — спросил подошедший Ройл. — Всех их, как и нас, когда-нибудь сожрут мыши и вороны, муравьи и черви.

— Это, старина Ройл, пожиратель трупов, дух разоренных могил и непогребенных тел, хозяин всех этих твоих мух, стрекоз и гусениц, из северных легенд, — пояснил Конан.

— На севере нет гусениц и стрекоз, — проворчал Ройл и пошел готовить к выступлению своих следопытов.

— Вот именно! — сказал ему вслед ванир, вогнавший в ножны выщербленный клинок. — Это в этих забытых Имиром землях Безымянная Смерть имеет облик червей и навозных мух — по героям и посмертие. У нас, на севере, — Хресвельг Черепогрыз ростом до небес, когти его разрывают ледяные панцири гор, а дыхание...

— Я всегда подозревал, что ваниры молятся червякам и кузнецам, — вступил в перепалку асир, который не успел развернуться во всю мощь в скоротечной схватке и спешил наверстать упущенное в схватке словесной... — Раз Инейский Великан Имир и его валькирии сюда не доберутся, остается только Хресвельг Черепогрыз, что доковыляет в эти влажные, как свежее лошадиное дерьмо, леса, дабы увлечь достопочтенного Браги...

Конан увидел, что «достопочтенный Браги» начал задумчиво вытаскивать только что спрятанный клинок из ножен, а взгляд рыжего ванира стал совершенно спокойным и даже отстраненным, подобное холодное спокойствие было слишком хорошо знакомо Конану по себе самому. Он шагнул вперед и положил руки на навершие меча, не давая Браги высвободить, готовую вступиться за честь ванирских Ледяных Гигантов сталь.

— Достопочтенный Хольгер, видимо, забыл, что рыжебородые не молятся никому, а лишь находятся в особой милости у Имира — отца всего живого. Я его называю Кромом, жители Аквилонии, Немедии и их соседи — Митрой, а достопочтенному Иллиаху, будь он неладен, — Конан погрозил кулаком молодому киммерийцу, который уже и сам был не рад тому, что одной фразой задел вспыльчивого ванира, — я напомню, что в ледяные чертоги доблести попадают лишь храбрейшие, а не болтливейшие.

— Вот именно, сожри его Гарм, — пробурчал Браги, оставив бесполезные попытки высвободить меч, и подправивший вместо этого усы, — этого Иллиаха.

— Я извиняюсь перед королем и вами, достойнейшие, — с притворным смирением пробормотал Иллиах, но лукавый блеск глаз выдавал его с головой, — за столь дерзко оброненное сомнение. Истинно — всех этих несчастных пожрет Пес Гарм, любимое животное хозяйки смерти Хель, а далее их души направятся в те чертоги Ледяного Замка, куда их направит неясный нам Рок...

И чуть потише пробормотал:

— Тот Гарм здесь окажется явно раньше, чем ваш Имир, тупоголовые нордхеймские тролли...

Однако ни Браги, ни Хольгер его уже не рассыпали, а Конан громко заорал, требуя от Ройла пристрелить мельтешащих вокруг своих хозяев собак, и оскорбительные для Ледяного Гиганта слова безропотно поглотила влажная угроба урочища у Совиной Горы.

Ничуть не меняясь в лице, Ройл отдал своим следопытам приказ, свистнули стрелы, и несчастные собаки замерли рядом со своими хозяевами. Над головами лучников раздался условный птичий посвист — к месту их удачной засады вышел основной отряд пограничников, ведомый толстым капитаном.

— Так, сорвите с этого гармового корма тряпье, и переоденьте два десятка своих! — крикнул Конан во всю мощь своих легких, а Ройл вновь инстинктивно втянул голову в плечи — хоть туман, кое-где еще вившийся меж стволами деревьев и поглощал звуки, но в лесу, в опасной близости от логова разбойников, орать все же не следовало.

— Остальных поведешь ты, капитан, — охватите лагерь слева. Я и Ройл пойдем справа, вот только у ручья грязь немного смоем. Ройл, пойди, объясни, как идти.

Пока старый ветеран объяснял капитану, взобравшись по скользкому оползню, путь к логову шайки, Конан оглядел суровым взором своих телохранителей, намереваясь самым жестоким образом пресечь любые споры на религиозные темы. Это была единственная слабина в его железной гвардии — в остальном сам Великий Охотник не пожалел бы иметь в День Последней Битвы лучшей свиты. Однако, поглядев друг на друга волками, асиры, ваниры и киммерийцы очень быстро забыли о перепалке и вместе двинулись к ручью, имея вид не суровых северных воинов, а болотных орчей. Посмеиваясь, король направился за ними вслед.

«Сущие дети, — размышлял он, приводя в порядок одежду, — нет более стойких и беспощадных бойцов. Несравненные боссонские лучники теряются в бескрайних степях, где нет укрытия, воды и зелени. Стойкие гандерландские копейщики, опора аквилонской пехоты, пригодны и для горной войны, где не обязателен сомкнутый строй и несокрушимость рядов, однако стоит им попасть в джунгли или на борт корабля — подобны стаду баранов. Пуантенские рыцари, немедийские латники и гирканские конники совершенно беспомощны в лесной чаще и бесполезны на крепостных стенах. Хороши и в седле, и в строю, и в засаде горцы Ильбарских Гор иnomады с зуагирами с юга моря Вилайет, из них могут выйти и прекрасные мореходы — но это до того тупоголовая публика, что, Кром свидетель, в былые годы мне хотелось поотрывать головы одну за другой и сложить из них горы, когда они пускали на костры сложнейшие осадные машины или растаскивали обозы, а уж дисциплина... только дети севера, если удастся убедить их служить не клану, а государству, да должным образом обучить, могут стать совершенными воинами».

В былые времена Тот-Амон и его клика попытались создать в Стигии войска, пригодные для регулярных сражений и в пешем, и конном строю, для партизанской войны, осад и морских баталий. Стигийцам удалось вымуштровать несколько легионов из черных людей

крайнего юга и отдельных племен шемитов, но понадобилось слишком много некромантии и всякого рода колдовских штучек. Своих демонических командиров бойцы боялись больше, чем противника, а это уже путь к поражению. Кроме того, магические иерархи черных орденов и муштра напрочь отбили всяческую способность мыслить у отдельных бойцов. А кто, как не Конан, знал, что может сделать умелый одиничка-герой. Всех этих недостатков ваниры, асиры и киммерийцы не имели. Каждый был хорош и сам по себе, и в отряде.

Одно время Конан носился с идеей создания ударных частей Аквилонской армии из своих соплеменников и жителей Нордхейма — под Тарантией был развернут огромный лагерь, но гигантские средства ушли, словно в песок. Король натолкнулся на сильнейшее сопротивление. Верный Троцеро, даже он, не говоря о целой клике родовитых puatenцев и иных аристократов, традиционно презиравших, и одновременно боявшихся северных варваров, встали на дыбы.

Честь аквилонского рыцарства была задета, и это едва не привело к отдельным восстаниям и даже попыткам обособления некоторых баронских земель от Аквилонской Короны, каковое отложение не преминула радостно поддержать немедийская сторона.

Боссонские и Гандерландские земли — верная опора короля против родовой аристократии — просто бурлили: хайборийские жители гор и лесов, извечные враги северян, впервые приняли сторону нобилей и жителей центральных провинций. Когда общее недовольство разделил и Конн, король отступил.

Кроме того, на пути нововведений встали и клановые препоны — ни клятвенное обещание Конана навсегда отвадить хайборийцев от посягательств на вольные северные земли, ни щедрые дары старейшинам и главам разрозненных кланов не дали желаемого.

Юные воины Севера не спешили мощным потоком влиться в сверкающие ряды армии Золотого Льва Аквилонии. Приходили, прослышиав о личной отваге Конана, но приходили поодиночке, втайне от своих вождей из ледяных пустошей, фьордов и северных гор. Наконец, сыграло свою роль и вечное неприятие друг друга нордхеймцами и киммерийцами: сражаться на далеком юге за славного вождя — это еще куда ни шло, и пусть на стяге над головой реет какой-то там Золотой Лев, выше него есть Вечное Небо и Ледяные Чертоги с их Хозяином, но сражаться бок о бок с коварными соседями, почитающими злых демонов, созданных на погибель всему и вся? Нет.

Так что грандиозная затея провалилась, оставив после себя медленно порастающий травой лагерь, территорию которого потихоньку распахивали мирные поселяне, да личная охрана Конана — несколько десятков отчаянных головорезов, готовых пойти за своим легендарным королем хоть в пасть к Хресвельгу, Гарму, самой Хели или всему сонмищу чудищ северных сказаний.

Череда покушений на августейшую особу с созданием личной охраны прервалась: ни стигийские чернокнижники, ни немедийские шпионы не смогли найти общего языка с хмурыми детьми Крома и Имира. Золото, власть, магия — все эти слова были не то, что безразличны — просто неприемлемы для грубых, бесхитростных «эйнхериев». Кстати, когда Конан узнал, как себя называет его охрана, он поневоле призадумался.

И Нордхейм, и Киммерия, в остальном малосхожие, были объединены неким общим состоянием в восприятии бытия, недоступным просвещенным землям хайборийского мира, вольным и беззаботным степям гирканцев и погрязшей в магии Стигии. Север не жил, переходя от одного события к другому, подобно цивилизованным странам, не дремал в одури, подобно Вендии и загадочному Кхитаю. Север ждал. Он ждал Последней Битвы — дня, когда

в пределы окружающей стылой действительности ворвется сам Хозяин Ледяных Чертогов. И хоть сказания о Кроме и Имире отличались друг от друга, но сходились в одном — высшее существо в День Последней Битвы именоваться будет Великим Охотником, Диким Охотником. Он пронесется по небу, топча хримтурсов и троллей, огненных змеев и прочую погань, веками несущую людям плач и горе. И мир будет разрушен, чтобы быть созданым заново. Что там и как там будет дальше, дети Севера знали — древние киммерийцы за давностью лет уже забыли эту часть священного предания, юные нордхеймцы — еще не придумали. Да и неважно это было, ибо все герои и воины, погибшие в бесчисленных войнах и сражениях нынешней и прошлых эпох, выйдут из Ледяных Чертогов, сядут на восьминогих крылатых коней и в свите Дикого Охотника пронесутся по гибнущему миру, чтобы погибнуть вместе с ним. Никто не сомневался, что большинство героев Нордхейма и Киммерии будут в этой свите, а имя им будет в День Последней Битвы — «эйнхерии». У каждого на седле — валькирия, на челе — ледяная корона, в руке — меч из холодного пламени.

Сам Конан покинул родной очаг, разоренный наемниками, в том возрасте, когда еще не задумываются над судьбами мира, так что он не успел пропитаться этим духом великого северного ожидания и сопричастности к перипетиям мироздания. Посему относился к мифам своей родины с почтением, но без трепета, слегка даже снисходительно. На своем веку он повидал стольких просвещенных служителей различных богов, властолюбивых жрецов, диких шаманов кровавых культов, воинствующих фанатиков неведомых религий и смиренных отшельников, живущих в мире и со всеми окружающими, и сами с собой, что здоровый цинизм стал его основной верой. И он почти не вспоминал оставшиеся где-то в холодном мареве детства сказания о грядущем разрушении мира. Хотя сам образ Дикого Охотника занимал его воображение какое-то время. Он даже велел оружейникам украсить изображениями Последней Битвы свои черные доспехи, а любимый некогда охотничий домик, место отдохновения Зенобии и Конна от дворцовой суеты, — тот весь был увенчен изнутри gobelenами с «эйнхериями», валькириями и побивающимися демонами. Но — не более того.

Конан спокойно относился к тому, что уже пару-тройку десятилетий стал почти что живой легендой. Правда, в собственном королевстве подобное отношение к владыке быстро сошло на нет, но среди кочевников степей, среди диких горских племен, на палубах пиратских кораблей и в непролазных джунглях, куда и носа не казали хайборийские путешественники, гремело, не умолкая, имя Амры, Конана-киммерийца. Равно как на Севере обитаемых земель имя Конана-варвара. И вот в день, когда был создан отряд личной охраны короля из украшенных шрамами варваров в рогатых шлемах, один вид которых внушил столице трепет, они назвали себя — «эйнхерии».

Конн, волей судеб выросший в Тарантии и воспитанный, как утонченный и просвещенный рыцарь, головорезов отца сторонился, набрав свою личную гвардию из блистательных Черных Драконов — отпрysков мелкопоместного, но славного аквилонского дворянства. Не раз и не два он просил отца, чтобы во время официальных церемоний и пышных празднеств в дверях тронной залы не маячили мрачные рогатые фигуры, пропахшие конским и человеческим потом, запахами кожи и минерального масла.

Конан, ворча, подобно старикам из тарантийских таверен, коротавшим вечера за бутылкой и сетованиями об упадке нравов молодежи, телохранителей своих в пиршественные залы старался не вводить. Однако не мог отказать себе в удовольствии и подшучивал над охраной сына с присущим одному ему диковатым мрачным юмором — то

он, как будто, принимал разодетых в пух и прах, по немедийской моде, часовых за вешалки, и вешал на них плащ, то, «случайно» оступившись, заезжал плечом в облаченные черные камзолы спины, после чего бравый гвардец, кувырнувшись в воздухе, приземлялся аккурат посреди уставленного тортами и фруктами стола, то пришибал телохранителя принца створкой тяжеленной дверью. Словом, повода для выяснений отношений с отприском оказывалось предостаточно. Но, как водится, нелады среди хозяев заставляют перелаиваться и псов: по всем столичным кабакам вспыхивали ссоры между телохранителями первых особ, редко кончавшиеся смертоубийством — но уж без порубанной мебели,битых кувшинов и подвернувшихся под горячую руку завсегдатаев не обходилось, ни одного праздника. В кулачных потасовках — «мужицких играх», по мнению родовитых Драконов, — перевес неизменно оказывался на стороне диких северян. В споре клинков явного преимущества у той или другой стороны не наблюдалось. Конан, закатывавший разудальные пиры по поводу мелких своих побед и впадавший в мрачное оцепенение после поражений в уличных сварах, был наслышан, что немалое число дворцовой челяди, от пажей до седых мажордомов, сколотили целое состояние, делая ставки и подбивая охранников на непотребства.

— Это ничем не хуже петушиных боев, сын мой неразумный Конн! — кричал король, отметая очередные обвинения сына в разжигании пустой розни, — или скачек. Кроме того, боец, — если он не на войне, будет шляться по кабакам и расшибать себе кулаки. Если он, конечно, истинный боец.

— Но отец, есть же приличия... при немедийском дворе...

— При немедийском дворе в недавнем прошлом проводили позорные гладиаторские бои, заставляя рабов и пленников, кромсать друг друга мечами, на потеху жирным стариканам и вислогрудым матронам!

— Но какой пример подают наши гвардейцы другим военным, из линейных полков и баронских дружин?

— Отличный пример! Обрати внимание — стоит произойти очередной маленькой сшибке в подворотне — и все фехтовальные залы просто забиты твоими и моими орлами! Если нет вокруг волков, сторожевые псы обрастают жиром, обзаводятся блохами и пролежнями!

Такова частенько была тема вечерних бесед отца и сына. Если Черные Драконы славились далеко за пределами Тарантии, как завзятые песнопевцы, утонченные рифмоплеты и ловеласы, то «эйнхерии» закрепили за собой славу дикарей и суеверов.

Казармы телохранителей-северян действительно сильно смахивали на капище. Раздражая столичные вкусы, словно клочок варварских земель, бельмом на глазу Тарантии зияли вросшие в землю срубы из бревен в полтора обхвата, крытые дерном, шатры, расписанные оскаленными мордами, меж которых, злобно посверкивая глазами, блуждали знаменитые псы Ванахейма, более похожие на демонические порождения северных выног, чем на собак. Лая их никто никогда не слышал, но выставлять часовых вокруг жилища «эйнхериев» не было никакой необходимости. Любой стороннего, очутившегося среди шатров и приземистых, словно набычившихся, домин, тут же брали в живое кольцо полтора десятка огромных, снежно-белых чудовищ, которые, грозно урча, неотступно следовали за человеком в охраняемых пределах. Наглядевшись в бездонные красные глазищи псов Ванахейма, где плясали все ледяные гиганты вкупе с иной нечистью, тарантийцы не желали продолжать или возобновлять знакомства, хотя слухи, блуждавшие по тавернам и присутственным местам о десятках растерзанных бродяг и немедийских лазутчиков, были

плодом фантазии горожан. Совсем немногим аквилонцам доводилось оказаться, пройдя сквозь строй псов, в казармах «эйнхериев».

Кроме Троцero и Конна, там не было никого, пришедшего по своей воле. На плenников, заподозренных в попытках нанести вред Аквилонской Короне или самому Золотому Льву, с небольшого холма рыжей глины взирали врытые в землю тотемы с резными физиономиями Ледяных Гигантов, валькирий и иных порождений пустошей к северу от Гандерланда.

По ночам в пустых деревянных глазницах загорались светильни, снаряженные зельем, состав которого хранился едва ли не надежнее, чем карта подземелий королевского дворца, ведущих к сокровищнице. А иноземец, приехавший в поисках тарантийских, неофициальных новостей, побродив немало по притонам вблизи речного порта, мог наткнуться на одноногого нищего по кличке Крюк, который за пару кружек чего-нибудь покрепче пива, мог рассказать историю о том, как за ним в лунную ночь гнался выкопавшийся из рыжего холма истукан, швыряя из глазниц уголья, а из черной пасти изрыгая, храни нас Митра, различные непотребства. Еще пара кружек — и поддерживаемый под локоть пьянчужка мог довести всех любопытствующих по брускатке Медной Улицы до двух подозрительных углублений в гранитной плите у памятника основателю Тарантии, действительно напоминавших следы здоровенных когтистых лап. И совсем уже узкий круг лицезрел центрального идола на холме «эйнхериев». Гранитный вздыбленный конь нес в небеса Дикого Охотника, в каменных чертах которого без особого труда можно было узнать лицо Конана. Зодчий, чья грубая работа стала центральной святыней горстки северных кондотьеров, остался для потомков безымянным. Под гранитными копытами, попиравшими нечто, отдаленно напоминавшее изображение стигийского Мирового Змея, горел, не давая ни струйки дыма и поражая взгляд зелеными языками, костер, вокруг которого, раскачиваясь, словно кобры, восседали три до невозможности изможденные старухи, с которых неумолимое время стерло все следы родного племени. Именовались жутковатые старухи ни много ни мало Хозяйками Судеб и равно почитались и киммерийскими, и ванирскими, и асирскими членами дружины «эйнхериев».

Что за таинства творились в капище, аквилонцы могли лишь гадать, понижая голос при одном упоминании о нем. А Конан и Конн не раз успели поссориться по поводу оного святилища. Сын просвещенного века хайборийской эры, потерявший всякую связь со своими дикарскими корнями, Конн требовал убрать из столицы столь яркий образчик варварских тайнств. Но Конан, привыкший к своей волчьей стае, понимал, что вслед за изгнанными идолами отправится и его верная дружина. Прислушаться киммериец мог разве только к словам Зенобии, но королева ко времени насыпания кургана уже пировала где-то в одном из сверкающих покоев Ледяных Чертогов, посему Конан остался непреклонен. Старухи появились на капище в день, когда, разъяренный очередной «склокой из-за десятка тесаных колунов», король в сердцах написал завещание, в которое дрожащая белая рука аквилонского писца внесла требование сжечь бренные останки Золотого Льва, когда его призовет Кром, аккурат на вершине рыжего кургана. Писец, бывший, без всякого сомнения, верным митраистом, на следующий же день после скрепления данной грамоты королевской печатью, удалился в недавно покинутую пещеру отшельника где-то в Кезанкийских горах, ища совершенства в посте, молитве и молчании.

Отшумели первые мрачные щутки и таинственные истории, связанные с жилищем «эйнхериев», когда религиозные настроения в просвещенной столице резко изменились.

Идя в пику своим соперникам, Черные Драконы принялись усердно посещать в

свободное от службы и стычек время храмы Митры Непобежденного и Митры Милостивого, а каждый второй выигрыш в кости, к ужасу ортодоксов, отправлялся в казну служителей Пресветлого.

Вслед за этим столицу взбудоражил исход почитателей Асуры — некогда влиятельнейшей конфессии, по числу последователей своих, идущей вслед славящими Митру. Десятилетие назад, в год Дракона, именно жрецы Асуры поддержали пошатнувшийся престол Аквилонии, а теперь покинули Тарантию. Конан, поставленный перед выбором — капище «эйнхериев» или храмы Асуры, выбрал первых. Вернее, будучи совершенно необремененным религиозными пристрастиями, предложил всем верующим «в любую чепуху, кроме Сета и Нергала» жить в мире. Однако дух нетерпимости взял свое. И по улицам столицы десять дней шли процесии одетых в ослепительно белые и багряные одежды почитателей Асуры. Повозки, которые влекли впряженные добровольцы из городских низов, заботами о которых прославились лечебницы уходящих, увозили впервые за века извлеченные из укромных часовен и подземелий реликвии.

Не желая выслушивать сетования советников, Конан удалился на это время из дворца. Он носился на своем бешеном коне в окружении телохранителей по полям и угодьям в ужасе попрятавшихся жителей столичных предместий, рубя учебным деревянным мечом чучела и глиняные горшки, надетые на колышки заборов, оглашая притихшие окрестности кровожадными корсарскими песнями и заунывными напевами туранских караванщиков. В те дни их действие действительно походило на Дикую Охоту, начавшуюся до срока и непосредственно после жуткой пьянки.

Больше в Капище Конан старался не приходить, дабы «не раздражатьшибко просвещенных столичных умников», довольствуясь лишь слухами да скучными рассказами самих «эйнхериев», из каковых он знал, что за последнее время, и в особенности после ухода почитателей Асуры, в круг костра пытались ступить не только несколько десятков экзальтированных тарантийских матрон, пара сотен отставных ратников линейных полков, но и дюжина весьма именитых и уважаемых в столице и по всему королевству герцогов и нобилей. Культ ожидания неминуемого конца обитаемого мира и Последней Битвы пустил прочные корни в самом сердце хайборийской державы. Благо киммерийцы и нордхеймцы не принимали в свои ряды никого, кроме северян. Однако достаточно было на определенном этапе развития событий получить молчаливое согласие короля, и в Аквилонии появилась бы новая церковь, почитающая в качестве основной культовой фигуры Конана-разрушителя, коему суждено было, мирно упокоившись на вершине рыжего холма, восстать во плоти в дни всеобщего разрушения и во главе Последней Дружины Героев, и в окружении бесплотных ледяных духов обрушить на континент финальную разрушительную войну. Но, благодаря стойкому презрению Конана ко всякому вероискательству, королевского согласия так и не последовало. Однако таинственный холм «эйнхериев» с вечным зеленым огнем, идолами и стаей псов Ванахайма остались, со временем перестав притягивать пресыщенный столичный интерес обывателей, политиков и людей, одержимых мистицизмом.

Глава четвертая

Атака на разбойничий лагерь шла в лучших традициях налетов времен его славного прошлого, когда Конан был вожаком зуагиров и номадов. Конечно, курганных лошаденок пограничной заставы, выбившихся из сил после первого же натиска, трудно было сравнить с изящными тонконогими скакунами несравненных степных кочевников. Да и горсть воинов, и невеликое число врагов не делали чести знаменитейшему из полководцев Хайборийской Эры. Однако Конан с юности усвоил, что величайшие подвиги одиночного боя, сабельной рубки и мастерства стрелков свершаются отнюдь не на поле гигантских сражений, где все решают подготовка, мастерство маневра и натиск несокрушимых рядов вымуштрованного рыцарства и панцирной фаланги. Личный героизм и смекалка, равно как и другие воинские достоинства, как-то — мужество, доблесть и отвага — видны именно в арьергардных стычках, засадах и сшибках, в которых принимают участие не полки и легионы, а горстки сильных и славных. Величайшее фехтовальное мастерство, неистовую джигитовку и чудеса рукопашного боя Конан видел не раз, именно во время таких схваток.

«Да, славное было времечко, — вспоминал Конан, рубя направо и налево, недовольно отпихивая Браги и Хольгера, норовивших прикрывать своего хозяина и кумира от свистящей вокруг стали. — Безымянные герои, неизвестные войны, благородные красавицы и несусветные коварные мерзавцы. Один Сет знает, куда они все делись? Видно, Иллиах, прах его побери, прав насчет Гарма — пес Хозяйки Смерти, на мое горе, прибрал в зловонную утробу всех достойных коптить небо, оставив одну размазню, тупых служак и скучающих идиотов».

Меж тем схватка определенно шла к концу. Разбойники, застигнутые врасплох посреди своего бивака и атакованные с трех сторон, не сумели оказать достойного сопротивления и хоть как-то использовать свое численное превосходство. Кавалькада лже-охотников достигла самого центра лихого стойбища, где стояли два десятка покосившихся шалашей и валялись груды какого-то тряпья, когда чешущие с самым умным видом блохи собаки подняли лай. Но было куда как поздно поднимать тревогу — по шалашам и развалившимся вокруг трех костров оборванцам, увешанным золоченым дорогим оружием, хлестнули стрелы. Лес наполнился звуком охотничьих рогов — приказ к атаке лучников Боссонских Топей, сыгранный со всем прилежанием по приказу Ройла.

А «эйнхерии», скидывая трофеиное тряпье и на ходу нахлобучивая свои громадные рогатые шлемы, первыми бросились на растерявшихся разбойников.

Панику и общий разброд увеличила приближающаяся дробная конская поступь — крестьянские лошадки, на которых мчалось невеликое воинство толстого капитана, подняли такой хруст и ржание, что создали у атакованных впечатление полновесного натиска кавалерийского полка.

Большинство караванных грабителей тут же бросились наутек, норовя пробиться между редкой цепочкой воинов Ройла и северянами. Но у шалашей, где из-за наваленных тут и там бочек, безосных повозок и распотрошенных тюков увязла кавалерийская атака, схватка разгорелась не на шутку. Нашлось несколько отчаянных сорвиголов, которые в общей кутерьме сумели сбить вокруг себя самых отчаянных и выстояли первый натиск. Тут Конан заметил среди противников высокого мужчину, с головы до ног, словно облитого чешуйчатой гирканской броней, которая нимало не стесняла его движений.

Он порывисто перемещался по лагерю, и каждый неуловимый взмах его рук, в которых сияли короткие кривые сабельки — Конан некогда видел подобные у стражей ворот Султанапура, — был точен: он убивал или ранил аквилонцев, вышибал оружие или отводил в сторону вражескую сталь в волоске от собственной непокрытой головы, которая вот-вот должна была, казалось, слететь с плеч.

Видимо, это и был знаменитый Хват — его неожиданно высокий, почти женский голос покрыл поле боя. Слов команды киммериец не разобрал, однако увидел, какое действие она возымела: группа лихих потрошителей купцов раздалась, пропуская вперед сверкающего змеиной чешуей атамана. Хват безошибочно определил командиров нападающих, и через два-три изящных пряжка его гибкая фигура уже мелькнула возле капитана. Толстяка заставила спешиться разбойничья рогатина, и он вел бой рядом со следопытами, отложившими луки и взявшимися за мечи.

Миг — и памятный Конану меч встретился с изящными восточными клинками. Атаману разношерстного воинства хватило для неоспоримой победы нескольких точных и еле заметных движений. Небрежно, даже слегка лениво он немного присел и сопроводил по дуге над собой тяжелый аквилонский клинок, в то время как его собственная вторая сабля метнулась вперед-вбок, неуловимым для глаза стегающим движением запястья. Меч капитана еще взрезал сырой лесной воздух, мягко сопровождаемый сабелькой, а левый бок его камзола уже набухал алым. Аквилонец, выпустив бесполезный тяжелый клинок, который воткнулся в землю, осел, стараясь зажать края раны и еще явно не успев почувствовать боли. А Хват уже танцующей походкой поплыл навстречу новому врагу, в одном движении отведя удар ванирского «эйнхерия», жахнул, не глядя, второй рукой назад. Точный, хотя и несильный удар отточенного по туранскому обычью, «в верблюжий волос», сабельного клинка отсек капитансскую голову.

На миг замершая схватка возобновилась, и Конан потерял из виду атамана. Когда же король разделся со своими тремя противниками не без помощи выскочившего из гущи боя Иллиаха и поиском глазами сверкание чешуи, то взревел от ярости.

Ободренные примером своего вожака, разбойники воспряли и принялись оттеснять немногочисленных врагов. Бандитов и без того было по два на каждого аквилонца, а тут еще из леса в спины пограничников и северян полетели болты самострелов — беглецы, не узрев, вопреки голосу собственной трусости, полный лес королевской конницы, вернулись и тоже вступили в бой. Все следопыты полегли под рогатинами и топорами разбойников, сам Ройл, дважды неопасно раненный, был встrevожен не на шутку — порубежники собрались вокруг него, как бандиты вокруг своего атамана несколькими мгновениями ранее, и теперь плотным клином прорубались назад.

Молчаливые «эйнхерии», также понесшие потери, сомкнули ряды вокруг своего короля и, похоже, готовились отправиться в глотку Хресвельга. На губах Браги Конан разглядел пену, глаза рыжебородого метали молнии, а меч со свистом мелькал над головой ванира — от объятого священным безумием берсеркера попятались и враги, и его товарищи, словно от самого Ледяного Гиганта.

Один Конан был доволен и весел, несмотря на хриплое дыхание и явную одышку. Возраст оставил свои следы на его теле, но дух остался таким же непреклонным, как и встарь. Одежда в нескольких местах была в крови, меч, отведавший любимой алои влаги, стиснутый каменной ладонью, так и плясал в руках, губы раздвигала хищная усмешка.

«Неужели, Кром, ты даешь мне высшее благо — погибнуть под хладной сталью в

славном бою, а не доживать свой век гниющим, выжившим из ума старикашкой, в насмешку над предками?»

Тут и там за спинами напирающих врагов мелькал орлиный профиль Хвата, но виртуозного порхания голубоватых восточных клинов больше не было видно — атаман командовал. И король отдал ему должное — командовал он толково. Пытавшихся выйти в тыл «эйнхериям» и взять их в волчье кольцо, Хват отогнал едва ли не пинками.

Северяне двинулись к опушке, когда из леса в них ударили целый залп арбалетных болтов. Потом еще один. И только когда пятеро оставшихся в живых детей Севера и Конан достигли спасительных кустов и папоротников, мешающих прицельной стрельбе, разбойники окружили их.

— Молодец, бандитская рожа! — едва ли не с восторгом прокричал Конан, перерубая древко направленной в Хольгера рогатины.

Вынырнувший откуда-то сбоку Иллиах принял на шлем удар топора, грозивший перерубить Конана пополам. Шлем слетел с головы молодого киммерийца, он покачнулся, и Конан поддержал своего телохранителя.

— А ну, посторонись, рыжебородые! — раздался боевой клич последнего в отряде ванира.

Последнего, ибо Браги уже принадлежал стае «неистовых Детей Грому»: выкаченные красные глаза, брызжащая из оскаленного рта, нет — пасти, пена, грузные, на первый взгляд неуклюжие, немилосердно топчушие землю косолапые шаги…

Конан отпрыгнул от своего бывшего охранника, словно на него едва не наступил сам Кром, попятались и остальные «эйнхерии», и берсеркер обрушился на разбойников.

Это было похоже на бойню. Конан один раз видел, как росомаха, раненная сторожем, перемахнула через забор загона в каком-то гандерландском селении и опустилась на свои кривые лапы прямо среди овечек. И прошла сквозь целую отару, рвя и терзая, разрывая и топча, до изменившегося в лице сторожа.

В короткой ее шее торчали уже три стрелы, однако лишь копье молодого киммерийца спасло тогда гандера от неминуемой страшной смерти. Нечто подобное он наблюдал и теперь. Браги шел сквозь шайку разбойников один — приближаясь к вооруженному «сыну грому» без риска попасть под его неприцельные удары нечеловеческой силы вообще невозможно.

Да и не нужно — какой глубины бы ни был строй врагов и из кого бы он ни состоял, берсеркер все равно пройдет насквозь, оставив за собой красную просеку с валяющимися по краям изуродованными телами. Вот только выжить у него нет никакой возможности. Правда, его жертв это не спасает никоим образом. Тело Браги уже было пробито двумя копьями едва не навылет (попасть в «Сына Грому» легче легкого — они не уклоняются от ударов и вообще не защищаются), левая кисть болталась на каких-то красных лоскутьях, перерубленная топором, а по груди шли алые росчерки мечей, обнажившие белые ребра в красных потоках — однако, пока продолжалась медвежья неторопливая походка, рубил и меч берсеркера, и эти удары не в силах был отразить ни один мужчина в целом свете. Оставалось только уворачиваться и сторониться, ожидая, когда из многочисленных смертельных ран вытечет вся кровь и неистовый дух ледяных гигантов покинет израненное тело. Потеряв за несколько мгновений семь или восемь бойцов, разбойники так и поступили. Их свора раздалась, как стая гончих пред натиском матерого кабана.

Браги, сделав еще несколько мелких шагов, будто медведь в балагане, спешащий за

угощением, нелепо махнул окровавленным мечом и упал на колени. За его спиной неслышно скользнула сверкающая чешуя змея — Хват поднял сабли, замерев на миг. Замерли и все остальные при виде одного из самых величественных зрелищ со дня сотворения мира — Браги задрал кверху оскаленное лицо и взвыл, долго и протяжно.

Конан почувствовал, как на лице его выступает холодный пот, а меч в руке дрожит, как лист в осеннем лесу. Холодный, бездушный, нечеловеческий вопль прокатился вокруг и растаял где-то над болотами на немедийской стороне, дух ванира Браги влился в легион «Детей Грома» у престола Ледяных Гигантов, и восточная сабля хлестким движением отделила мертвую голову от мертвого тела. Рыжая борода еще не коснулась окровавленного мха, как Хват метнулся вперед, и Конан увидел блеск голубоватой туранской стали возле своего лица.

Вновь зазвенели клинки и послышались дикие крики. Схватка переместилась дальше вглубь леса, а обезглавленное тело стоящего на коленях «эйнхерия» осталось у опушки.

Собрав все свое некогда грозное умение, Конан отбил стремительную, словно бросок кобры, атаку разбойника и, улучив мгновение, прислушался. Или ему показалось, или сквозь лязг сражения он различил звуки боевого рога и топот копыт?

Вновь голубоватым огнем сверкнули сабельные лезвия, хлестко рассекая воздух в волоске от горла киммерийца, и Конан прыгнул вперед, рубя крест-накрест перед собой. Этот двойной удар — самый, пожалуй, распространенный в бешеной сабельной рубке к востоку от моря Вилайет, однако нанести его громадным аквилонским клинком кроме Конана могли очень и очень немногие. Хват, без сомнения понимавший толк в сабельной рубке, мгновенно и инстинктивно перекрестил пространство перед собой таким же движением, только быстрее и легче — защита «крылья махаона». Так назвал ее салтанапурский поэт и воин Розиль Великолепный, учивший юного киммерийца благородному искусству игры клинков в те времена, когда чешуйчатый атаман еще ходил под себя и мучил кошек. Легкие изогнутые сабли легко отвели два удара тяжелого меча, не стараясь с риском сломаться встать на пути сверкающей стали, а сопровождая их, с «чувством залипания», как учил Розиль. Но третий удар киммерийца — плашмя по лбу, с короткого расстояния, с которого невозможно нанести толковый рубящий, достал-таки Хвата. Голова его дернулась и откинулась назад, увлекая все тело... и упавшего главаря разбойники закрыли своими телами.

Конан перебросил меч из онемевшей от усталости правой руки в левую и приготовился к броску, собираясь прорваться к атаману и добить, когда прямо перед ним вдруг пронесся всадник, на скаку подняв на пику одного из разбойников. Умелым движением всадник перекинул бездыханный труп через ближайшие кусты, высвобождая древко, пока конь его плясал, крутясь, перед Конаном и «эйнхериями», заслоняя короля от врагов. Опомнившиеся разбойники кинулись врассыпную, вслед за ними пошли, выскачивая из чащи, Черные Драконы. Конан отбросил меч в сторону и сел прямо на окровавленную землю. Тело было словно налито расплавленным свинцом, руки онемели, казалось, что открылись все шрамы от бесчисленных ран прошлого, такая боль пронзила тело некогда неутомимого бойца.

«Кром, еще пара взмахов, и меч сам бы вылетел из рук. Давненько я так не рубился, разрази меня гром».

С глаз медленно сходила кровавая пелена, начали дрожать руки — верный признак того, что навалившаяся вмиг усталость скоро склынет, оставив ломоту в костях и желание пить и пить, лежа головой в водоеме, словно стигийский аллигатор.

— Эй, кто-нибудь может двигаться, нордхеймцы? — крикнул король, не поворачиваясь.

— Из всех рыжебородых тут один Эгиль, да и у того ухо топором снесли, жалко не оба.

А Хольгер развесил сопли по соснам, — мгновенно вырос рядом Иллиах.

Его великолепная черная грива, восхищающая столичных дам, облепила изуверскую, неестественно белую от природы физиономию, отпугивающую их же.

— На кого ты похож, киммериец, — сквозь зубы проговорил Конан, начиная подниматься, кривясь от боли во всем теле.

Иллиах ладонью убрал гриву, и король увидел, что левый глаз «эйнхерия» перечеркивает алая полоса. Из-за обилия крови, заливающей всю личину, трудно было разглядеть, прошел ли рубец прямо по глазу, или удар был поверхностный.

— А что там с Хольгером? — ворчливо осведомился король, обозревая место сечи.

— Уж если такой сопляк, как Иллиах, остался на ногах, то уж я как-нибудь сумею служить и далее моему повелителю, пусть даже и без зубов, — послышался явственно шамкающий бас ветерана-асира.

Эфес атамановой сабли действительно вышиб у него пригоршню зубов, и рот пытавшегося улыбаться Хольгера брызгал кровью так, что Конану пришлось посторониться.

— Кром, вот цена этой победы — гора мертвцев, один «Сын Грому» где-то в небесах, десяток зубов, выбитый глаз, и, насколько я понимаю, ухо?

— Э, нет, мой король, — пробурчал угрюмый побратим ставшего берсеркером рыжебородого, старательно прилаживая полуоторванное левое ухо на его законное место. — Эта рвань дерется, словно стая шлюх из портового борделя в Кордаве, где бравые аргосские корсары провели седмицу, заплатив оплеухами, — мне все пуговицы с кафана пооборвали, и вот... — Он скривился, перематывая голову тряпицей, извлеченной из недр необъятного кафана, который Эгиль как раз перед выездом из Тарантии выиграл у Иллиаха в кости.

На кафтане и впрямь не хватало верхних жемчужных пуговиц. Иллиах так и прыснул в кулак.

— Да, не впрок тебе выигрыши идут, асир ты одноухий, — прошамкал Хольгер, предусмотрительно отвернувшись от короля и сплевывая кровь на переломанный папоротник.

— Все, кончай болтовню, «эйнхерии», так вас... — Конан поднял свой оброненный меч. — Дуйте втроем, разузнайте, жив ли там Ройл, и каких таких спасителей вместо Хресвельга сюда принесло.

Пока Конан с наслаждением прислушивался к незабываемому зуду в избитом теле, с каким возвращались силы, тройка покалеченных телохранителей привела ветерана боссонской границы. Ройл был весь перепачкан кровью и слегка хромал.

— Я цел, мой король. Остальных, правда, положили, в основном стрелами. Это не моя кровь. Только нога вот... попал сапогом в кроличью нору, а топор одного из этих сынов погибели аккурат над макушкой прошел, — отрапортовал ветеран, с нескрываемым неудовольствием посматривая на появившихся невесть откуда гвардейцев. Те спокойно и как-то буднично расхаживали по полю боя, добивая раненых разбойников.

— Хвала Крому, Ройл, — буркнул Конан. — Если окажешься в Вендии, можешь принести по случаю жертву прародителю всех кроликов. Эй, вы там, чернокафтаные! Где ваш командир, живо его ко мне!

Королевский приказ отправились выполнять, однако было видно, что с некоторой ленцой. «Эйнхерии» с Ройлом отошли в сторонку, туда, где гвардейцы поставили своих

коней, и занялись своими ранами. Конан же остался стоять, гневно раздувая ноздри и стараясь испепелить взглядом нерасторопных служивых. Некогда от этого взгляда аквилонские ратники бледнели и начинали трястись, моля Митру и всех светлых заступников рода человеческого, чтобы грозный киммериец решил отвести душу на ком-нибудь другом. Однако и времена те канули в вечность, да и гвардейский полк давно был любимой вотчиной Конна. Будь здесь аквилонский принц, давно бы уже весь лес наполнился бегающими и спешащими выполнить повеление воинами. Сам Золотой Лев добился лишь того, что один из Драконов с видимым сожалением оставил ворочающегося в луже крови разбойника и ускакал за своим командиром, а остальные, сбившись в плотную кучку, отошли подальше. Только стайка пажей в мышиных камзолах с гербами своих хозяев бродили по опушке, словно стая гиен, потроша убитых и подбирая достойное внимания оружие.

Наконец раздался стук копыт, и к Конану подлетел храпящий тонконогий жеребец, покрытый роскошной попоной, черной с парой серебряных василисков, выполненных, впрочем, довольно неряшливо. В простом, видавшем виды седле, на бритунский манер брошенном на попону и прихваченном парой шелковых шнурков, восседал их спаситель. Взгляд Конана вначале остановился на оружии, которое, без сомнения, совсем недавно было в деле, — пучок травы, которым был вытерт торопливо палащ, не смог полностью очистить голубоватую сталь от рыжины, кроме того, имелась и пара свежих зазубрин.

«Хорошая работа, даже не определить сразу, в какой части света ковали, вот только на гарде лишнего понакручено, да и ножны — словно павлиний хвост», — подумал король, после чего уделил внимание и хозяину палаша.

Киммериец сразу же узнал одного из любимчиков принца по имени Армледер. Некогда он был телохранителем самого Конана, еще до создания северной дружины, однако после какой-то истории, подробности которой киммериец запамятовал, аквилонцу пришлось отправляться из столицы в некий медвежий угол, где тлела долгая и кровавая война.

Только годы спустя молодого вояжу отметил Конн и приблизил к себе. Молодой капитан, замерший в воинском приветствии, выглядел весьма браво. Во взоре не было подобострастия, чого Конан просто терпеть не мог, но не было и дерзости. Лицо казалось совершенно отрешенным, взгляд устремлен куда-то сквозь короля, но выражение у него было как у породистой боевой псины, ждущей команды без восторженного виляния хвостом, а степенно, подобравшись в тугой комок.

Доспехи, по обычаю своего полка запрятанные под черный с серебром камзол, весь в разрезах, дабы не стеснять движения, Конан разглядеть не мог, кроме лишь легких наручей безо всяких чеканок и насечек.

Левую руку, прижатую сейчас по уставной форме к бедру, покрывала толстая кожаная перчатка, раструб которой наползал на предплечье, скрывая левый наруч едва ли не наполовину. К грубой коже были вкривь и вкось пришиты медные чешуйки, явно содранные с чьего-то панциря.

«Сам, наверное, сделал, — с некоторым одобрением подумал Конан, пошевелив пальцами той своей руки, которая так же была затянута в перчатку, — в пасть льву ее, конечно, не сунешь и палаш, пожалуй, не отобьешь, однако легкие шпаги да сабли вполне можно отводить. Знатный, наверное, рубака, если сам себе амуницию правит. Да и будь по-другому, вряд ли Конн держал бы его при себе».

— Благодарю за своевременную помощь, капитан, хоть она и пришла весьма неожиданно. Что вас привело в эти гибкие чащобы? Вы, верно, выполняете распоряжения

принца?

— О да, мой король. Сам принц Конн, а вместе с ним военные советники вашего величества в настоящее время находятся в лагере пограничников... чьи бренные останки я отдаю немедленный приказ предать земле, с вашего позволения.

— Ах, вот как! — Конан взъерошил свою гриву, размышил и недовольно кривя губы. — Что же их сюда принесло? Впрочем, вы и не знаете наверняка... Вольно, вольно, простите уж старика, забыл я на некоторое время об этикете.

Ничуть не изменившись в лице, Армледер принял более непринужденную позу, отдал знаком приказ своим гвардейцам. Те тут же кинулись складывать в одно место погибших порубежников, а сам выудил из кармана промасленную тряпичку и стал сосредоточенно водить по клинку. Конан же, покачиваясь с каблуков на носки, думал о своем. Наконец тягостное молчание прервал король, спросив:

— Вас, капитан, принц послал найти меня и привести в ставку Конна... Кром, я никак не ожидал, что у этих голодранцев окажется так много людей, умеющих держать в руках оружие, да еще этот их змееподобный атаман...

— Осмелюсь доложить, мой король, весьма примечательная личность.

Армледер с сожалением ощупал зазубрины и, отправив палаш в ножны, продолжил:

— Я с моими Драконами гнал их некоторое время, пока деревья не стали помехой для конной погони. Многих порубили и покололи, остальные, видно, уже на немедийской стороне, благодарят Митру за спасение.

— Ну, Митра им там не поможет, — решительно сказал Конан, топнув ногой, а Ройл, подошедший сзади, и услышавший последние слова, уверился в своих подозрениях. — Так что там с этим сетовым отродьем в кольчуге?

— Там, в восточной части урочища, есть такой ручеек с весьма скользкими и крутыми бережками, к которым мы, было, прижали главаря банды и с ним еще троих.

— Неужели вы его? — с явной тревогой вскричал Конан.

Армледер и Ройл вопросительно подняли брови — столько было неподдельного сожаления в этом возгласе.

— Увы, нам это не удалось, мой король, — с некоторой задержкой проговорил капитан.

— Хвала Крому! — вскричал киммериец.

— Тем не менее, — с металлом в голосе произнес Армледер, придавая лицу то самое отстраненное выражение, — моя честь офицера Аквилонской Короны задета, и я без сомнения сведу с ним счеты в ближайшее время!

— Ха, а ты мне нравишься! — Конан вновь ожил, будто и не было жаркой схватки и пары-тройки лишних десятков лет за плечами. — Только вряд ли это тебе по силам. Есть у меня подозрение, что учил его один восточный мечник, которому вся ваша, да и моя, гвардия, что кабану стая комаров. Ну, да ничего, к мастерству надо еще прибавить и опыт, и силу. Итак, что там у тебя произошло у ручья?

Лицо капитана Черных Драконов оставалось столь же бесстрастным, однако слова короля задели его за живое — на скулах простили красноватые пятна, грозя залить краской всю физиономию. Тем не менее, телохранитель принца сухо ответил:

— Когда он понял, что его настигают, то развернулся и крикнул своим, чтобы отступали. Потом он бросился на нас. Один. Место было топкое, да и кони успели разогнаться, так что в ближнем бою он сразу получил преимущество. Подсек ноги одной лошади, другой, загородился трупами... Словом, я потерял троих убитыми, да несколько коней он покалечил,

словно мясник...

— Что ж вы его пиками вашими оттуда не выковыряли? — спросил Ройл.

Гвардеец не удостоил его и взглядом.

— Этот змей перерубал древки, словно метлы городских мусорщиков, даже мою пику, а у меня-то древко было окованым. И все это легкими сабельками. Пришлось спешиться и брать его в кольцо.

— Молодец! — воскликнул Конан, и ни у кого не было сомнений, к кому относилась данная похвала.

— Наконец я до него добрался, и мы скрестили клинки. Мне даже удалось его ранить...

— Куда? — быстро спросил король.

— В левую кисть, но, кажется, вскользь, он даже не уронил оружия, только старался парировать другой рукой, и все. И тут из чащи налетели его дружки. Полезли с разных сторон, словно овцы на убой. Мы покрошили пятерых или чуть больше, но меня уже оттеснили от вожака, и он растаял в чаще. Следом юркнули и оставшиеся в живых. Я не рискнул спешивать и отправлять в непролазный лес бойцов.

— А зря, — перебил его Ройл с досадой, но Конан зыркнул на него, и ветеран унялся. — Мои кавалеристы больше приучены вести бой в седле, кроме того, они без сомнения ломились в сторону немедийской границы, словно раненые лоси.

— Капитан, сколько у вас здесь людей? — спросил король, судя по всему, весьма довольный допросом.

— Со мной прибыл полувильд при заводных конях. Убитыми и ранеными десять человек ровно. — При словечке из лексикона выпускников Бельверусской военной академии Ройл скривился и сплюнул:

— Половина вильда — это сотня, не так ли, мой любитель немедийских выкрутасов? Минус десяток убитыми и ранеными, минус еще десяток, чтобы сопроводить пленных, минус еще десяток, чтобы перерыть лагерь, тут должна быть часть добычи этих псов. Итого — остается семьдесят рыл, мой король.

Армледер стал совершенно пунцовым. Рука его потянулась, было, к палашу, но затем собралась в кулак и устремилась в челюсть следопыта. Ройл еле успел отшатнуться. Вывихнутая нога подвернулась, и ветеран полетел в грязь, оглашая лес отборнейшими богохульствами. Однако гвардеец уже пришел в себя и обратился к киммерийцу, весьма снисходительно созерцающему все произшедшее:

— Мой король, я готов понести любое наказание. Оскорбление офицерского звания низшим чином не оправдание для самоуправства в присутствии августейшей особы.

Конан скорчил такую гримасу, словно у него неожиданно заболело три или четыре зуба.

— Капитан, ты приобретешь славу полного болвана в глазах своего короля и вон тех рогатых «нижних чинов», если будешь еще нести такую чушь. Прибереги все это для дворцовых стен и ушей своего принца, а тут, в лесу, скоро птицы начнут дохнуть на лету от твоих великосветских манер. И ты, Ройл, не сверли капитана красным глазом — тебе что, ни разу в рыло не давали?

— Да он и не попал, — весело произнес Иллиах, помогая подняться следопыту. — Одно слово, чернокафтанник.

— Стоп, стоп, а ну-ка прекратить, — гаркнул Конан, уголком глаза уловив, что Армледер воинственно шагнул к «эйнхерию». — Тут вам не тарантайская мостовая, и не кабак. Хотите подраться? Будет вам драка. Капитан! Отрядите десяток из вашего, Кром,

полувильда, хоронить павших и сжигать падаль, еще десяток — для сопровождения раненых и быстрого обыска лагеря. Пусть потом направляются в расположение пограничной заставы. Остальные семьдесят рыл — к немедленному построению.

— Мой король, на немедийской стороне сильный гарнизон, — умоляюще произнес Ройл, которому уже помогли подняться.

— А тебя, старая пограничная крыса, никто в поход и не берет. Ковыляй с бравыми гвардейцами к моему сынку, сообщи ему, что я прихватил его Драконов и охочусь на кабанов, или... цапель. Перчаточки-то соколиные у нас с капитаном есть... — хохотнул киммериец.

— Вот и вся благодарность за десятилетия службы, — пробурчал Ройл. — Если там не будет меня, то ты, Конан, чего доброго, еще кинешься наступать на Бельверус, даже толком не обсохнув от купания в той луже у оврага.

— Не ворчи, а лучше докладывай, сколько там немедийцев, за перевалом. — Конан повелительным жестом пресек попытки вмешаться удивленного гвардейского капитана.

— Полсотни конных пикинеров, столько же арбалетчиков, десятка три следопытов из местных, два десятка тяжелой пехоты — морд, значит, не меньше ста. Ну, баллисты там, самострелы на стенах, рогатки вокруг лагеря — вот капитан лучше меня разбирается, как они свои укрепленные лагеря оборудуют. Я-то его только издалека видел. Многовато, а?

— Ну, все они из лагеря нам навстречу не пойдут, — рассудительно вмешался ванир.

— Точно, — задорно проговорил Иллиах, косясь одним глазом на Армледера, которого всего передернуло при виде того, как телохранители и простой ратник разговаривают с Золотым Львом. — Тяжелозадная пехота останется за стенами, половина арбалетчиков, наверное, тоже. Это уже минус четыре десятка...

— Рыл, — продолжил Ройл, поневоле включаясь в оживленное обсуждение вторжения.

Наконец, в беседу включился и застывший, как статуя, гвардеец, смекнувший, что речь идет именно о вторжении на территорию сопредельного государства, причем державы не из самых слабых.

— Мой король, как же это...

— А вот так, мой капитан. Но ничего, не бойся. — Конан хлопнул совершенно опешившего гвардейца по плечу так, что загудела надетая под камзол кираса. — Может, они еще и не станут путаться под ногами, не посмеют мешать мне, ловить врагов Аквилонской Короны.

— Но принц Конн... — Армледер уже говорил не так уверенно и Конан ухмыльнулся, глядя, как рука гвардейца в кожаной перчатке потянулась к голове, будто капитан вознамерился почесать в затылке, не снимая шлема.

— Может, наорет на тебя, а может, и нет. Всю кашу-то заварил как-никак сам король. Да и не он, а этот Хват, змеиное отродье. Ты еще не забыл его, а? Другого случая может не представиться. Он сейчас чистит перышки на немедийской стороне, хохоча над растяпами-гвардейцами.

«Эйнхерии» откровенно скалились, глядя, как столичный щеголь борется с долгом и понятным для каждого воина желанием влезть в настоящую драку.

— Но если немедийский гарнизон вмешается, охраняя свой рубеж... Это же война?! — безнадежно сказал Армледер.

— Может быть и война. На то вас, расфуфыренных павлинов, и кормит казна, чтоб воевали. Или ты с тех пор, как учился в ихней академии, решил никогда не скрещивать клинков с немедийцами? Присягу-то ты давал Золотому Льву Аквилонии. — Конан уже

видел, что победил, а Ройл стоял с совершенно скорбным лицом, по опыту зная, что легче отобрать у тигра козленка, чем остановить рвущегося в бой киммерийца.

— Мой король, Черные Драконы остаются верными присяге, в каких бы академиях они ни учились! — слегка оскорблено произнес Армледер, откланялся и принял зычно отдавать команды своим воинам, дисциплинированно стоявшим поодаль.

— Ну, может, разбойников еще и не нагоним, а немедийцы, упившись молодого вина, проспят наше появление, — сказал асир ваниру.

Тот, словно его оторвали от вдумчивых размышлений, встрепенулся, рассеянно взглянул на говорившего, и махнул рукой — дескать, наше дело мечом махать, и ушел править зазубренный клинок.

— Кром, очень бы не хотелось, — пробормотал Конан и погрузился в созерцание подготовки к огненному погребению павших.

Меж тем невдалеке раздался возглас Армледера:

— Поторопитесь, зубы повыбиваю! Уйдут разбойники — всех десятников отправлю гнить в Боссонские топи!

— Ишь, отправит. Эк, напугал, — проворчал полуодобрительно Ройл, скорчившись на мокрой траве и рассматривая поврежденную ногу, — попробовал бы кого из боссонских лучников заманить в свою псарню. Там и ругательства-то нет страшнее, чем гвардеец.

Конан же в предвкушении возможной схватки — пока Иллиах правил его меч, — добыл у гвардейцев бутыль вина и, прихлебывая, ворчал что-то о форме и дисциплине. Принявший эти слова всерьез, бывший хозяин бутыли, пронесенной сквозь все проверки снаряжения, что устраивались в гвардии даже на марше, изменился в лице и растворился в толпе сослуживцев.

Король, впрочем, про него уже и забыл, с интересом наблюдая, как по очищенному от мертвых полю идет Армледер. Капитан целеустремленно двигался к сидевшему на земле Ройлу, а не с докладом к Конану.

— Кром, если они провозятся с построением еще немного, я расформирую весь полк! — По давней привычке киммериец говорил сам с собой и своим богом вслух.

Меж тем гвардейский капитан решительно подошел к следопыту и наклонился над ним, что-то, втолковывая. Конан видел, что вначале ветеран раздраженно мотнул головой, но затем всплеснул руками в хорошо знакомом киммерийцу жесте отчаянья и покорности судьбе и вытянул на траве поврежденную ногу. Король заинтересованно привстал со своего пенька. «Эйнхерии», кроме занятого делом Иллиаха, тоже подтянулись поближе.

Капитан взял в одну руку пятку грязного, в глиняных комьях, сапога Ройла, в другую — носок, присел и с вывертом дернул, словно стараясь открутить ногу следопыта. Ветеран пограничья огласил окрестности серией великолепных воплей, перешедших вскоре в выражения, более приставшие выпившим маркитанткам и трезвым, не по настроению, погонщикам мулов. Молодежь из гвардейцев, уже выстроившаяся подле своих коней, восхищенно заокала языками.

— Учитесь, павлины, у старого вояки, — бросил Конан и направился в сторону ругающегося последними словами Ройла.

Обступившие его северяне неторопливо обсуждали, хотел ли таким способом чернокафтанник выдрать ногу или только причинить боль обидчику, не скованному гвардейской дисциплиной. К определенному выводу они не пришли, но согласились, что за такое резать ремни из кожи на спине — мало. Конан успел вовремя, чтобы предотвратить

драку. Капитан стоял рядом с корчившимся на земле разведчиком и ухом не вел в ответ на угрозы северян, вытирая перепачканные руки о свой роскошный камзол.

— Значит, в немедийской академии учат еще и грамотно пытать, — заметил Конан.

— И этому тоже, мой король. Однако сейчас я лишь помог уважаемому Ройлу вновь встать в строй перед походом за перевал.

— Убереги меня Митра от ругани! Помог! — закричал сорванным голосом следопыт, стараясь подняться. — Если нога у меня отсохнет, ты будешь платить отступные добруму десятку шлюх в трактирах Тарантии и вокруг нее.

— Наступи на ногу, — ледяным тоном приказал капитан.

— Ты еще издеваешься, ювелирная лавка?

— Наступи, чурбан ты неотесанный, — все так же спокойно проговорил невозмутимый гвардеец, садясь на kortочки подле своей взбешенной жертвы.

Ройл сплюнул. Митра Милостивый не уберег его, и с очередной тирадой он топнул ногой.

— Ну? — спустя несколько мгновений спросил Армледер, кривя губы в ухмылке. — Воздух-то выпусти, задохнешься.

Растерянный Ройл ощупал ногу, не веря своим ощущениям, сорвал сапог и ощупал снова. Конан и «эйнхерии», равно как и тихо подошедший сзади Иллиах, молчали. Капитан же неуловимым жестом достал откуда-то из складок камзола маленький, но чрезвычайно острый кинжал, без всякого перекрестья, и одним точным ударом распорол штанину Ройла от колена до лодыжки. Чем вызвал новый поток ругани и богохульств. Не обращая на это внимания, гвардеец грубо схватил коричневыми от грязи пальцами мышцу и сжал. Тут Ройл просто взвыл и задергался, как червяк на крючке. Сильные пальцы меж тем мяли и растирали его икру, словно пытаясь то раздавить мышцу о кость, то, наоборот, оторвать от нее.

— Тебе бы не Драконами командовать, а в кожемяки идти, — пробурчал Эгиль.

Нога следопыта, вначале мертвенно-бледная, приобрела красноватый оттенок. Наконец Армледер, удовлетворенно хмыкнув, оставил ветерана в покое и поднялся.

— Ему бы поспать немного или вина глотнуть. Но ничего, в седло взберется, куда надо доедет, а там, как пойдет сеча, кровь сама побежит. К вечеру будет нога, как новая. А то, думаю, без лекаря усохла бы.

— А, по-моему, просто вывих был, — неуверенно сказал Ройл и шагнул без посторонней помощи, слегка покачнувшись, недоверчиво косясь на гвардейца.

Армледер равнодушно пожал плечами и тут же, выхватив палаш и встав во фронт, браво отрапортовал:

— Мой король! Погребальные костры для павших и падали готовы. Десяток отправлен сопровождать шестерых раненых и трех пленных. Второй десяток занят обыском в лагере, при нем находятся сменные лошади моего... моей сотни на случай быстрого отступления. Семь десятков Черных Драконов готовы к походу через перевал.

Конан враз потерял всяческий интерес к Ройлу и пошел к замершей шеренге гвардейцев.

— Стратег ты, капитан, одно слово — стратег. Лошади сменные — это хорошо. Но еще лучше их взять с собой. На случай «быстрого наступления». Ладно, не вздрагивай, словно ужаленный, щучу. Оставляй в лагере, может, придется что-то вывозить отсюда.

Он остановился напротив строя, посмотрел на трепещущие копейные флаги с изображениями черных драконов, гулко стукнул в прикрытую латами грудь ближайшего

воина и удовлетворенно крякнул.

— Все в броне? Отлично, мало ли — а вдруг не выродились еще лихие пограничные капитаны на немедийской стороне. Местность знаешь?

— Да, мой король. Я из здешних мест.

— Постой-ка, Кром! Я вспомнил — не Эйольва-Валана ты отпрыск?

— Сын. Здесь неподалеку наш замок, там мой брат. Если Ваше Величество соизволит...

— Ага, соизволит... если поймаем этого чешуйчатого гада — Хвата и если не затеем небольшую заварушку с Немедией... Что ж, отдых в замке пеллийских владык и моего былого оруженосца, к тому же основателя Тарантийской картографической академии, будет весьма кстати перед долгой дорогой к Ильбарским Горам. Выступаем!

Глава пятая

Торкиль Пеллийский, Великий Мастер рыцарского ордена Блистательных, имел вид весьма и весьма удрученный. Он торопливо шел, почти бежал по нижним ярусам донжона своего замка. Тускло чадили факелы, вставленные в бронзовые кольца под самыми каменными сводами. Часовые в полном вооружении спешили укрыться в темных нишах каменных стен, когда призрачная фигура Мастера проносилась мимо них, оставляя за собой еле различимый звон тончайших колец кольчуги, по беспокойному времени поддетой под камзол, и шорох белоснежного плаща. Вышитые на нем алые геральдические звери служили напоминанием нетвердым в вере о присутствии меж небом и землей грозных посланцев Митры, стражей всех пяти стихий и всех пяти сторон света (согласно орденским преданиям).

Краем одежд Мастер сметал пыль с гранитных ступеней винтовой лестницы, уводящей Торкиля в недра родового гнезда. Изящная и хрупкая, разумеется, только с виду, дверь была снабжена, кроме призванного внушать трепет отступникам и злодеям знака Алого Быка, еще и массивными запорами. Глухо стукнувшая створка отгородила наследника небогатого, но славного пеллийского герцогства от досужих взглядов. Сюда, в подземелья замка, входили очень и очень немногие, а выходило — и того меньше.

Некогда, еще не помышлявшего о создании тайного ордена, Торкиля мальчишеское любопытство подвигло на первое исследование каменных мешков у самых корней замка, уходящих в основание горы — издревле господствующей над прискорбно небольшими угодьями пеллийских владетелей. Гулкое эхо, тьма, которую не разгонял, а словно даже сгущал неуместный здесь свет свечи, тревожный шорох кожистых крыльев под невидимым, но давящим сверху гранитным потолком — все это вкупе с невообразимым привкусом чего-то потаенного, сакрального, укрытого провидением от луны и солнца навеки запало в душу молодого дворянина, по хилости здоровья отлученного от забав старших братьев: охоты на красного зверя, турниров и пирушек. Шепоток теней, монотонный звук капель невесть откуда низвергающейся воды, холодок, идущий от скользких и прочных, как затвердевшее вдруг время, стен скрашивали постылый досуг подростка и невеселые думы младшего отпрыска благородного рода.

По уже упомянутой телесной слабости Торкиль не мог, конечно, сопровождать своего отца, знаменитейшего в хайборийском мире первопроходца Эйольва-Валлана в его скитаниях по экзотическим странам, чудесным, как сны. Однако Торкиль стал заправским книгочеем, буквально поселившись в отцовской библиотеке. Оба старших брата, Армледер и Орм, не разделяя пристрастий отца, не ушли от соблазнов полного насилия и фальшивого блеска двора аквилонского короля. Едва достигнув зрелости, они поочередно ринулись в столицу завоевывать себе мечом и кулаком место подле Рубинового Трона.

Конан, памятуя о заслугах отца, знакомого киммерийцу еще по юношеским похождениям, определил обоих в полк Черных Драконов. Время то было чрезвычайно беспокойное — королевство лихорадило от войн, вторжений и, главное, мятежей и заговоров. Ни соседи, совершенно не заинтересованные в усилении при новом владыке военной мощи Аквилонии, ни родовитые нобили, видевшие в Конане не более чем удачливого дикаря-наемника, волею рока и темных богов вознесенного на вершину славы и власти, не собирались покорно идти под его руку. В такой обстановке, как водится, личная преданность подданного и его умение владеть клинком заменяли королю многомудрые

наставления маститых советников и уверенья в вечной преданности могущественных союзников, готовых ударить в спину, продолжая медоточивую улыбчивую речь. Так что Орм и Армледер, идя от схватки к схватке, держа стремя обожаемого короля в знаменитых сражениях, мужали и росли в званиях. Во время очередной заварухи, когда в спину Конана из-за портъеры пиршественной залы вылетела белоперая стрела, Орм завершил истинную для телохранителя короля карьеру — прикрыл того своим телом. Младший отпрыск великого первопроходца Армледера в том дворцовом происшествии выглядел куда как более бледно — в завязавшейся рукопашной, когда на короля кинулись из всех углов залы переодетые убийцы, пеллец от неловкого выпада выронил клинок, затем получил сильный удар по затылку и пролежал всю схватку под ногами дерущихся.

Как обычно, вышедший сухим из воды Конан, озиная полный изуродованных, окровавленных тел зал и лениво журя задержавшуюся с вмешательством дворцовую стражу, увидел, что один из павших шевелится.

— А, так ты жив? — безразлично уронил Конан, собираясь уходить. — Брат твой, недотепа, больше тебя, был достоин славной участи сына Валлана. А из тебя не вышел ни ученый, ни умелый воин.

Этих слов расторопному командиру Черных Драконов было достаточно, чтобы удалить Армледера как можно дальше от королевских очей. Счастье еще, что юноша остался в столице и в своем избранном полку. Однако в караул во дворце его не назначали ни при каких обстоятельствах. Потребовалось десять лет беспрочной службы, отличий в нескольких больших и малых сражениях, прежде чем он получил первое офицерское звание.

Уже изрядно сдавший к тому времени король подписал указ, словно и не вспомнив, что речь идет о его бывшем телохранителе и сыне основателя академии.

Позади был страшный для королевства Год Дракона, год вторжения Немедийской армии в союзе с черным колдовством, восставшего из пепла, древнего Ахерона. Года, начавшегося с ужасающей битвы на пограничной реке. Насланный колдуном Звездный Демон лишил короля возможности выехать на поле и достойно руководить аквилонским воинством. Тогда по совету полководцев Конан отдал свои черные доспехи командиру пеллийских копейщиков Эйольву. Ненавидевший насилие во всех его проявлениях и равнодушный к зову медных труб, кличу герольдов и лязгу битвы, но верный долгу Эйольв-Валлан повел конную лавину аквилонцев навстречу неприятелю. То был черный день, первый в череде горьких поражений королевства — побежденные некромантией отряды Аквилонии гибли под обломками рушащихся скал и копытами немедийской конницы. Одним из первых пал и давний соратник Конана.

Миновал Год Дракона, возродившееся буквально из руин Аквилонское королевство вышвырнуло за свои границы захватчиков и в преисподнюю — их темных союзников.

Золотой Лев вновь нежился на Рубиновом Троне. Армледер, отлично проявивший себя в битвах той войны, стал капитаном Черных Драконов.

Правда, годы службы в Западной Марке не принесли ему ни великой славы, ни особенных падений — война с пиктами в топях и джунглях была хоть и изнурительной, но бедной знаменательными событиями, могущими дать тот или иной толчок карьере.

Истинный взлет Армледера начался со времени вхождения во власть сына короля. Конн, большой поклонник всего «истинно цивилизованного», отправил три десятка офицеров среднего звена в знаменитую военную академию в Бельверусе. Попавший в их число пеллийский дворянин блестяще прошел выучку немедийской школы «истинной стратегии».

Король, правда, и без того крепко подзабывший своего неудачливого охранника, совершенно перестал обращать внимание на полк «черных камзолов», обзаведясь собственной дикой гвардией. Так для Армледера, выбившегося вскоре в первые ряды среди фаворитов молодого принца, началась совершенно новая жизнь, полная столкновений с северянами, дворцовых интриг и прочих событий при дворе сильнейшего королевства Хайбории.

Обо всем этом Торкиль знал лишь понаслышке. Едва не всю свою бедную событиями жизнь он провел в запущенном родовом гнезде, изучая пыльные манускрипты, проводя ночи напролет за дневниками своего отца и помаленьку отстраивая заново замок пеллийских герцогов. Череда войн и заговоров, весь этот кровавый водоворот, в который погрузило державу воцарение киммерийца, не затронул пеллийские земли. Ни для казны, ни для соседей эти земли не представляли никакого интереса — довольно бедная, изрезанная оврагами, горами и непролазными чащобами пограничная земля, некогда прельстившая первых пеллийских владык своей укромностью и отдаленностью. Что и говорить, в окрест не было, не только митраистских храмов, украшающих любое мало-мальски значительное баронство, но даже отшельники, ищащие уединения и покоя, словно по молчаливому сговору избегали этих порубежных земель. Объявился, правда, один старик, неясного вероисповедания, но, как водится, в ру比ще, струпьях и вshaх. Он-то и украшал одно время бедную местную ярмарку своими плясками и завываниями, отвечая на вопросы о своей персоне туманными притчами, за которыми следовал неминуемый жест руками и без перехода — требование трех серебряных монет «на угодные светлым богам дела». Однако на поверку он оказался немедийским шпионом, который, отчаявшись разведать торные для тяжелой кавалерии тропы через дикие местные горы, слегка тронутся рассудком, одичал и свел дружбу с разбойными шайками, промышлявшими на тракте с немедийской стороны хребта. После поимки пограничной стражей онного отшельника со столь разнообразными талантами и препровождения его в далекую столицу религиозная жизнь земли пеллийской замерла окончательно.

По крайней мере, так думали удрученные ежедневными заботами крестьяне, скоробогатые купцы да спивающиеся ратники пограничной стражи. Однако десятка три посвященных по ту и по эту сторону дикого кряжа могли порассказать иное. Например, что в тот год, когда почитатели Асуры столь поспешно и прилюдно покинули «оскверненную» Тарантию, направив свои караваны в Пуантен, от общего потока возмущенных варварским капищем жрецов и прихожан, отделились десять крытых повозок и полтора десятка конной храмовой стражи. Сии беглецы, преимущественно пользуясь окольными тропами и безлунными ночами, медленно удалялись от центральных провинций, останавливаясь в чистом поле или лесах, явно избегая случайного интереса обывателей, а еще пуще — людей, пекущихся о благе Короны.

Дождливым осенним вечером повозки и устало ссутулившиеся в седлах всадники въезжали в гостеприимно распахнутые ворота родового гнезда забытых Митрой и королем пеллийских владык.

Свидетелями этого события стали двое приказчиков зажиточного землевладельца, которые по причине понятной тяги к противоположному полу подзадержались на ярмарке после того, как сторговали два воза овощей, и вынуждены были возвращаться по кишащим разбойниками лесам под крыльышком воинов замка, приобретавших там же попоны и прочую конскую упряжь. Собирающихся наутро тронуться в путь к родной деревеньке торговцев нашли в замковом рву, куда те упали ночью, по всей видимости, от невоздержанности по

части пития прикупленного на той же ярмарке винца.

Хозяин двоих незадачливых приказчиков явился с домочадцами для вывоза тел, однако принял задавать стражникам герцогского гнезда разного рода тревожные и беспокойные вопросы, предварительно подпоив тех тем самым вином. Вино то, кстати, по мнению всех проезжавших когда-либо по пеллийским землям путешественников — совершеннейшая кислятина, было не иначе как состряпано подручными Сета. Ибо стражники, хватанув его немалое количество, затеяли с землевладельцем и его челядью скору, вылившуюся в изрядную поножовщину и один труп. Тело, живот которого был мастерски распорот снизу до самого горла, принадлежало оному землевладельцу. Так что пришлось бить челяди после продолжительной беседы при закрытых дверях с сенешалем герцога отправиться восвояси, увозя на понурых лошадках три печально свисавших с седел зашитых дерюжных мешка. Младший отпрыск Эйольва Пеллийского Торкиль, слывший в народе неопасным грамотеем-сумасшедшим, оплатил семьям покойных неожиданно щедрую виру, закрепив за собой кроме упомянутого мнения еще и ореол заступника крестьян.

Заинтересовавшиеся странным маршрутом части почитателей древнего божества, воины, находившегося рядом конного разъезда, отправили донесение о сем маневре своему балли, а тот — одному из столичных легистов, что скромно ведал «делами дорожных пошлин», и проявлявшему живейший интерес ко всем немитраистским конфессиям. Разъезд в составе стареющего десятника и четырех жиреющих ратников, доложившись, поехал по тележным следам до ближайшей корчмы, расположенной возле полуразрушенной мельницы прямо на перекрестке проселочных дорог. Таковое соседство корчмы не насторожило потерявших веру в дедовские приметы бравых вояк. Они расположились за деревянными столами в обнимку с парой бочонков скверного пива и загадочным образом заснули так крепко, что не проснулись даже тогда, когда все заведение вместе со зловещей мельницей сгорело от случайной искры.

Прошедший через день дождичек смыл всяческие следы тележных колес за три для конного пути вокруг, так что прибывший из столицы отряд лучников в сопровождении невзрачных на вид чиновников по дорожным пошлинам, потоптившись по влажному пепелищу, отправился восвояси. Сами же почитатели Асуры, добравшиеся в цветущие Пуантенские земли, не присыпали в адрес Королевского совета никаких требований, прошений и грамот, будто и не заметили исчезновения десятка своих повозок и сопровождающих их людей, так что живой интерес столичного легиста к данному малозначительному случаю быстро угас.

Торкиль Пеллийский, правда, мог до сих пор подробно, в мерах серебра, вспомнить, во сколько ему обошлось молчание упомянутых невзрачных чиновников. Но по сравнению с богатством всей храмовой сокровищницы почитателей Асуры, которая сверкающими грудами лежала в подземельях его замка, это была ничтожная сумма, не стоило о ней и вспоминать Великому Мастеру.

Орден Блистательных насчитывал в своих рядах несколько десятков носителей славных имен, что могли заставить грамотного человека вспомнить о многих и многих великих деяниях, истинных и выдуманных, запечатленных в серебре и золоте на гербах немедийских и аквилонских аристократов, был образован не далее как пять лет назад. Разумеется, на средства, самую малость облегчившие храмовую казну.

Для орденских рыцарей не существовало ни владыки тарантийского, ни бельверусского. Равно Блистательные были равнодушны и к делам, и к молитвам почитателей Митры. Зато

варваров, всех и всяческих, не исключая пиктов, гирканцев и народов юго-запада континента, живущих под тенью стигийского Змея, они ненавидели горячо и пламенно. Но ненавидели не только эту часть человечества, а и тех жутких демонов и ложных богов, что, согласно принятым догмам служителей Асур, и предопределяли существование варварских богомерзких племен.

Особое место в представлениях Блистательных занимал Конан, вернее, тот вид державы, какой киммериец придал Аквилонии и на который равнялись Немедия, Офир и Аргос вместе с Бритунией, хотя правящие там короли провозглашали другую политику. Конану, как считали Великий Мастер, его учитель и последователи, вскоре надлежало перестать поганить своими стопами сей цветущий мир и отойти в бездну, откуда по недосмотру благих существ выудили варвара зловредные чудища. Но держава его благодаря произошедшим переменам и без него оставалась сильнейшим из государств хайборийского мира, и самое ее существование возмущало Небеса, давая демонам мрака неоспоримые преимущества в борьбе за души людские.

Если бы мутные воды пограничной реки не вымыли давно частички праха Валлана из черного панциря не вышедшего в давний бой короля и не унесли их многие годы назад в западное море, то чародей, из тех, кто не скитался более по видимому миру, смог бы из праха воссоздать живого Эйольва, и просвещенный сын просвещенного века пролил бы некоторый свет на грани этих представлений.

Эйольв, пожалуй, сослался бы на не познанный хайборийцами пласт знаний, что таили в себе смуглые аскеты-отшельники Вендии или укрытые в непролазных болотах и лиановых чащах святилища предшествующей Кхитаю цивилизации совершенно нечеловеческой природы. Эта грань темной мистики, будучи в хайборийскую эру занесенной из прошедших эпох, еще сохранялась на папирусах в самых сокровенных святилищах Сета на юге Стигии.

Однако, являясь, по сути, чисто умозрительной, не пригодной для прямой черной магии, была даже для лысых южных поклонников Мирового Змея чем-то излишне сложным, почти фантастическим. И не удивительно — потаенные знания и многовековые скрытые эзотерические взгляды нелюдей вряд ли могли пригодиться даже самым извращенным почитателям Тьмы и ее хозяина — Сета. Все же они оставались людьми, что бы о них ни говорили и до каких пределов отторжения человеческой в себе сути некоторые из них ни доходили, пройдя через ряд жутких ритуалов. В древней Лемурии, которая на заре самого человеческого рода враждовала с носителями, отличного от людского, разума, знали, как опасны тонкие яды тайных знаний. Однако эпоха Атлантиды, Лемурии и Валузии были уже не то что сказкой, а дымкой над темной водой, и Блистательные, погружаясь в пучину притягательных исследований и леденящих душу открытых, свято верили, что имеют дело с вполне современными хайборийскими толкованиями древних мистических учений последователей Асур.

Скажи, вызванный из Серых равнин призрак Эйольва, Торкилю о чем-нибудь подобном, и Великий Мастер только бы рассмеялся. Пожали бы плечами и сами посвященные жрецы Асур, бодро осваивавшие любезно предоставленные вольнодумным баронством пунтенские земли. Они знали, что до поры, до времени, пока дикарское капище не сравняют с землей после смерти Конана, и Асур не вернется со славой в Тарантию, храмовой казне нелишне побывать, в затерянном в глухи, замке начитанного Торкиля Пеллийского, вылеченного стараниями храмового лекаря, который молился Асуре в конце каждой водной процедуры и взывал к нему же при составлении чудодейственных лекарств.

Правда, ответственные пред настоятелями за сношения с греховным миром братья несколько встревожили его известием о многих странных смертях, сопровождавших перемещение груженых телег, к каковым при внимательном рассмотрении оказались причастны весьма умелые и ловкие слуги Торкиля.

Однако, опережая реакцию настоятеля и посвященных жрецов, в новые Пуантенские поселения полетели гонцы из замка. Посланники пеллийского владыки бегло ознакомили богомольцев с деяниями некоторых излишне любопытных приверженцев Золотого Льва, от взгляда которых смиренный слуга Асуры Торкиль и укрыл до времени покинувшие свои храмы сокровища. В Пуантене попереживали, повздыхали, но, оплакав безвинно погибших, решили, что деловая хватка Торкиля хоть неожиданна, но уместна.

Погружение в изучение различных книг по истории и географии обитаемого мира и окружающего бесформенного хаоса привело Торкиля к идеи создания самостоятельного государства, куда не было бы хода различным варварам с их животными страстями и фальшивыми идолами. Торкиль видел на месте «нечистых» земель Немедии и Аквилонии новое королевство, населенное лишь хайборийцами. Он прилежно изучал методы, с помощью которых в Кхитае вывели табуны неподражаемых боевых коней, влекущих в бой, гремящие броней и сверкающие изогнутыми хищно косами, колесницы, — кхитайцы скрещивали гирканских тонконогих скакунов с невзрачными, но удивительно сильными и покладистыми конями тундровых безымянных кочевников. Помня заветы ученого отца, сказавшего как-то, что «не так важно, на что нацелила человеческая воля труд, и не так важно, что получилось, ибо для просвещенного человека интересна сама закономерность, влияющая на природу вещей».

Торкиль намеревался добиться чистоты в замутненной смешениями крови хайборийских народов, насаждая в новой стране идею обязательных браков с гандерланцами, сохранившими наибольшую схожесть с предками расы, завоевавшей Ахерон.

Так как куль Митры, по мнению Блистательных, стал по своей простоте и незамысловатости доступенискажениям со стороны «диких сообществ», его отбросили. Мастер принял так кстати подвернувшееся учение об Асуре, не вдаваясь в детали, по причине того, что оно тоже имело старейшее хождение среди хайборийцев, хотя и не всеми приемлемое. К тому же рано или поздно могла возникнуть проблема с возвратом храмовой казны ее законным владельцам, а он планировал к тому времени переместить пуантенские поселения на территории, подконтрольные ордену. По замыслу Торкиля, почитатели Асуры должны были признать, что стать государственной религией в чистокровном хайборийском государстве, пусть и под ненавязчивым руководством Ордена, — дело, за которое стоит раскошелиться.

Таковы были незамысловатые идеи и дела, приведшие вылеченного почитателями древнего божества отпрыска пеллийских графов к созданию тайной организации аквилонско-немедийского дворянства, которая готовила для начала небольшое восстание в мирных землях пограничья двух величайших королевств континента.

Подземелья, где играл некогда бледный и тощий ребенок Эйольва-Первопроходца, вызывавший своими красными глазами, слезящимися от факельного дыма и привычного полумрака, вздохи удивления у славившегося несокрушимым здоровьем отца, стали местом сбора заговорщиков.

Сама обстановка — груды золотых и серебряных монет, россыпи драгоценных камней, изящной утвари, полузастипаные в изящных украшениях статуи мифологических существ

вкупе с дрожащим светом факелов и масляных светильников, давящие каменные своды, эхо, звуки капель, бьющихся об сокровища, — создавали некий мистический ореол, который и способствовал возникновению в среде заговорщиков различных обрядов, способных ужаснуть любого, не связанного ни с какими религиозными таинствами дворянина Немедии или Аквилонии.

А служитель Митры, оглядев пещеру, наверняка бы решил, что его похитили почитатели Сета или Нергала, и ввергли в жуткое узилище, где сейчас расступятся стены, и отовсюду начнут появляться во плоти все егоочные кошмары вкупе с ожившими демонами со страниц святых книг, призванных вселить трепет в нерадиво верующего.

В последующие годы в подземелье стали происходить довольно странные и пугающие события, что могли смутить здравый рассудок любого случайного свидетеля. Однако человеку в здравом уме нечего было делать в этом замке, а в голове Торкиля, замутненной чтением рукописей, привезенных отцом из Вендии и Кхитая, его не было ни капли.

Итак, Мастер Ордена Блистательных, замкнув за собой дверь сокровищницы, оказался у самых корней горы, на которой исстари высился замок его предков.

Торкиль поспешил сорвал с себя плащ, изукрашенный спутниками Митры. Орденские рыцари считали, что часть «небесного воинства Асуры» была признана вырождающимися аквилонцами спутниками мелкого и второстепенного божка Митры, посему «стражи всех пяти стихий и всех пяти сторон света» почитались наравне с Иными, Теми, Внешними.

Данные эпитеты относились к центральным фигурам орденского пантеона, покровителям Блистательных. А посему хоть и истинным, но второстепенным существам не место среди Тех, кто проник Извне и витает в святом месте, именовавшемся Гротом Заклинаний.

Посреди Грота, прямо в тусклом мерцающих грудах монет с полуустертыми ликами былых земных владык, высился стол, а рядом с ним — ряд сидений, явно напоминающих троны аквилонского и немедийского владыки в миниатюре. Таковым способом Блистательные, как бы попирали права неправедных владык нечистых стран. Грот Заклинаний освещало странное густое сияние, льющееся отовсюду, и одновременно ниоткуда.

Воздух, явственно пахнувший свежестью, колкий и холодный, как морозным утром в поле, словно светился сам по себе и колыхался, собираясь в некие сгустки, меж которыми двигались едва различимые для глаз потоки и водовороты, перемещавшиеся безо всякой логики и порядка.

За столом, на маленьких тронах, сидело трое младших Блистательных, которые при виде своего Мастера вскочили и отдали ему некое подобие немедийского воинского приветствия обнаженными клинками.

— Слава Им, кто Вовне, Вокруг и Внутри Нас! — прозвучало странное приветствие.
Сверкающий воздух взвихрился, тени шелохнулись.

Глава шестая

— А все же, рыжая борода, мне кажется, что костоправ должен быть не такой, — проговорил Хольгер, наклонившись к пегой лошади, на которой трусил его собеседник, Эгиль.

Ванир, которому, видно, этот спор давным-давно надоел, сплюнул через плотно сжатые губы:

— Ну, конечно, костоправ должен быть старикашкой, замшелым, как валун с местных гор, и с филином на плече. А из беззубой пасти вонь, как из гармовой глотки.

— Не обязательно он должен быть колдуном, но все же...

— Верно про вас, асиров, говорят: дикари — вы и есть дикари. Если кто умеет нашептать, чтоб синяк прошел, или там — рану зашить, так сразу же его подозревают, чуть ли не в родстве с обитателями Трольхейма. Киммерийцы и то больше вас соображают. Возьми вот Иллиаха нашего — он тоже может врачевать, когда нешибко пьян. Помнишь тот пиктский дротик, что прилетел через реку и приземлился аккурат мне меж лопаток.

— Ну, помню, даром, что на излете, и то — дырка была отменная. Да еще Браги сгоряча обломил тоненькое древко, что твою тростинку, а каменный наконечник так и остался.

— Так вот, Иллиах-то мне его вырезал ножом, а когда спину разнесло, как у того горбuna из таверны, помнишь? Так он мне каких-то корешков наварил, с грязью намешал и приделал к дыре. Вот тебе и лекарь, и совсем даже не колдун.

— Ага, — развеселился Хольгер, — ты седмицу выл и вино хлестал. Вино тебя на ноги и поставило, а не сено с грязью. Иллиах всего толкового и сделал, что стрелу вырезал, да и то размахнулся, словно жука из полена выковыривал — в дыру лошадиная голова бы пролезла. Как ты тогда не помер, ума не приложу. Только помню, что от того лечения разило от тебя, как от козла! А когда ты, всё вино в лагере дохлебав, отправился в «Расщепленный Пень» и полез там к Дарге, она тебе всю рожу ногтями исполосовала — раны получились посерезнее, чем пиктские, — тут уже без настоящего лекаря не обошлось.

— Да... — мечтательно протянул Эгиль. — Серьезная была баба. Жаль, отправилась крысиным ядом.

— Во-во. А лекаришка тот, помнишь, чем кончил? — все гнул свое Хольгер.

— Да ну тебя, темень асирская. Не нравится тебе чернокафтанник — пойди, да проломи ему башку кулаком, — ты только на такие дела и горазд, а меня оставь в покое, — отмахнулся Эгиль.

— Лекаришка попался на том, что ночью пробирался к кладбищу и потрошил убитых. То сердце вырезал, то печенку, то, говорят — когда повозка маркитанток сгорела, — пальчики женские стал собирать, на том его и поймали. Говорят, целое ведро было у него в шатре, этих женских пальчиков, а уж запах-то...

— Уймись ты, воротит уже от твоих рассказней. Помню я: он еще к королю жаловался бегал, когда вырвался от пуантенцев. Все кричал, что для нас, для дураков, знания набирает. Только король у нас ученый — как зашел в шатер, да увидел, что он с мертвой бабой всю осаду спал на одной попоне, а баба та померла, аккурат, когда мы только крепость окружили, — почитай, целая луна прошла, — она уж и смердеть перестала, так и повелел его отдать тем пуантенцам. Они его и удавили.

— Говорят, там был тот копейщик, что очень даже часто ходил к сгоревшим

маркитанткам — так он особо зверствовал. Сказывают...

— Да заткнитесь вы, оба! — взревел, не выдержав, Конан, который ехал поодаль, но все слышал. — А услышу, будет кто с капитаном задираться до приезда в столицу, — вывихну каждому по руке и велю Армледеру вправить, да не с первого раза.

Обиженные «эйнхерии» притихли. Полсотни гвардейцев и без того молчали, двигаясь идеальной походной колонной, вымуштрованные Конном и Армледером на совесть и на зависть остальным столичным полкам. Два десятка Драконов вместе с капитаном, Иллиахом и Ройлом, как только отряд выехал из урочища у Совиной Горы, ушли веером вперед, чтобы попытаться перехватить, не доходя до перевала, уходящих безлощадными разбойников.

Конан ехал, кусал губы и молил Крома, чтобы Хват и его оставшиеся дружки успели перебежать границу. Несколько десятков испуганных и измученных боем разбойников — не сила против черного «полувильда» тяжелой аквилонской конницы. Конан это понимал. Он надеялся, что окажется в немедийском лагере молодой горячий барон, из той же бельверусской академии, который захочет отличиться и прогнать захватчиков.

Это гарантировало отличную драку с весьма туманным результатом, а дальше, глядишь — и серьезная война не за горами. Надежда была слабая, но все же была.

— До Ильбарских Гор далеко, жива Деви Жазмина или нет — не ясно, да и вырваться из-под опеки Конна и Троцero не так-то просто. Кром, я был бы рад смерти с мечом в руке на этом самом перевале, в хорошей пограничной стычке, — бормотал престарелый владыка Аквилонии.

— Мой король! — воскликнул один из гвардейских десятников, ехавший впереди колонны, указывая рукой вперед.

— Сам вижу, — пробурчал Конан.

Он проскакал вдоль остановившегося строя, слева и справа него возвышались, не отставая, северяне с обнаженными клинками в руках, настороженно зыркая из-под шлемов в сторону близко подступившего к тропе густого кустарника, откуда могла вылететь стрела. Когда из-за поворота показался несущийся во весь опор всадник, Хольгер выехал вперед и поставил коня поперек тропы, Эгиль еще ближе придинулся к королю, привычно не обращая внимания на его грозное ворчание. Всадник резко осадил коня, и великолепный скакун заржал, заплясав на задних ногах. Асир взгляделся в лицо гонца и отъехал к кустам, пряча меч, тот же привстал на стременах и со свистом рассек клинком воздух замысловатой фигурой приветствия.

— Ты мошек-то не разгоняй, хватит махать. — Голос короля по мере продвижения по немедийской земле становился все более и более раздраженным. — Что там такое у Армледера?

— Мой король, — голос у гонца был чистый и звонкий, — два десятка Черных Драконов под командованием капитана Армледера настигли отступающего противника...

— Докладывай короче, мы не в Тарантии и не на плацу. Сколько их было, где главарь, что там немедийцы?

— Там было с полсотни всякого сброда. Они разбили лагерь прямо у дороги, перекусывали и раненых перевязывали. Никаких часовых... Мы отрезали им отход, ударили полумесяцем, взяли на пики и прижали к оврагу...

— Далеко отсюда? — переспросил Конан.

— Во-он за тем лесистым холмом вторая дорожная петля — и овраг.

— Всех покололи?

— Нет, восемь пленных... А вожака среди них не было. Сейчас их допрашивает этот... разведчик, Ройл.

— Отлично. — Конан действительно был рад, что загадочный Хват ускользнул от гвардейцев.

В змееподобном атамане чувствовалось что-то такое, забытое, из тех времен, когда под крепкими ногами киммерийца раскачивалась просмоленная, пропитанная кровью и морем палуба черной галеры, а крики чаек и раненых переплетались с воем ветра, свистом стрел и звоном оружия.

— А что немедийцы? — вновь спросил киммериец.

— На холме мы разглядели троих лучников, вначале приняв за разбойничий дозор. Капитан велел отогнать их от дороги и дальше не преследовать. Однако, когда мы разделались с этим сбродом на вершине того вот раздвоенного дуба, показались было яркие огни. Укрепленный лагерь пограничной стражи Немедии вон в том направлении, он слегка к югу от второй дорожной петли. С его башен стали подавать сигналы дымом.

— Ну, вы-то чернокафтанники, но Ройл, он же ветеран, и капитан ваш вроде как учений. Это были сигнальные зеркала — дозор оповестил гарнизон, а из укрепления уже попросили помощи. Мы же в трех днях пути от их столицы, а все центральные провинции наводнены немедийскими войсками. Кром! Гарнизон явно решил не возиться с нами. Численность отряда им уже известна — отсидятся за стенами, тем временем подтянется пара-тройка полков, и начнут гонять нас, как зайцев! — Конан повернулся к неподвижной колонне и крикнул:

— Галопом вперед! — и, уже обращаясь к гонцу — А ты — лети к капитану, пусть пошлет к воротам укрепления полдесятка Драконов, и... пожалуй — гербовый флагок Армледера.

Не подав виду, что изумлен, гвардеец развернулся и погнал своего коня так быстро, будто за ним гнались огненные псы Нергала.

Рыцарство Аквилонии, Немедии и отчасти Бритунии имело свой этикет ведения войн — один благородный дворянин с дружиной, желая выяснить отношения с другим достойным дворянином, подъезжал под стены замка и вгонял в ворота копье с гербовым флагжком. Если вызов принимался, противники сходились на заранее выбранном ристалищном поле неподалеку от твердыни. Знатные рыцари бились друг с другом, равные по численности дружины так же разбивались на пары, согласно иерархии и знатности. Такие сражения-турниры остались со времен баронской вольницы прошлого века, ныне приструненной королями, однако еще сохранившей традиции. Турниры эти были весьма долгими — но редко кровопролитными. Пажи имели право уносить с ристалищного поля раненых, пеший мог сражаться только с пешим, конный — с конным. Метательное оружие воспрещалось, калечить и убивать слуг, коней и раненых считалось величайшим преступлением и покрывало нарушившего турнирный этикет несмыываемым позором.

Конан презирал все эти, как он выражался, «петушиные бои», считая их помпезным балаганом для ряженых глупцов.

Однако с традицией бороться почти невозможно, к тому же в свое время Троцеро быстро разъяснил «молодому монарху», что во время баронских ссор в дальних от Тарантии провинциях гораздо спокойнее, если происходит один-два вызова «на гербовое копье», заканчивающееся парой-тройкой убитых, несколькими десятками раненых, помятыми родовыми доспехами и взаимным выкупанием пленных, чем когда враждующие аристократы

мечутся с дружинами по землям друг друга, сжигая деревни, вырезая скот, вытаптывая поля и штурмуя каменные стены древних замков, с которых потоками льется расплавленный свинец, кипящее масло и летят ливни стрел.

Теперь же, чуя, что хорошей драки не получится, Конан хотел вынудить пограничный гарнизон и его командира, связанного «вызовом на копье» родовой честью, вступить в схватку, не дожидаясь подмоги.

— Добрый турнир лучше пустой прогулки по тропе и поимки восьмерых голодранцев.

Правда, вызвать на поединок несколько десятков порубежников с немедийской стороны можно было и без таких сложных маневров. Просто послать герольда, разодетого в пух и прах, с сияющей трубой и трепещущим флагом. Киммериец-то рассчитывал, что не малый отряд поединщиков, а весь немедийский гарнизон кинется к перевалу и схлестнется с «захватчиками».

— Вот это порезвились чернокафтанники, слыши, Эгиль! — узнал Конан восхищенный вопль асира, еле различимый в топоте копыт.

Кавалькада как раз промчалась вдоль места, где Армледер настиг беглецов. Разбросанные головы еще дымились, тут и там лежали изувеченные тела. Прямо у дороги росло странно изогнувшееся, словно от боли, дерево. К его стволу был пригвожден разбойник — брошенная на скаку не легкая кавалерийская пика приколола его, как булавка жука. Похоже, что разбойники даже и не сопротивлялись, — это было скорее побоище, чем серьезная стычка. Вряд ли среди гвардейцев имелись хотя бы легкораненые.

— Кром, кажется, я вывел последних серьезных разбойников на своей земле. В мои времена справиться с хорошей шайкой при толковом атамане было совсем даже не просто.

И Конан блаженно улыбнулся, представляя, как он, будь, лет на пятнадцать моложе, перевернул бы вверх дном всю Аквилонию, обладая таким же отрядом, как Хват.

— Нет, определенно, все мельчает под луной. Есть еще сильные бойцы — но нет ни истинной дерзости, ни размаха. Одна жадность.

С такими мыслями король увидел место расположения своего головного отряда и, соскочив с коня, пошел к одинокой паре, находившейся поодаль от остальных, на ходу бросив:

— Коней не расседливать!

Эгиль с Хольгером поспешили следом. На поваленном бревне восседал капитан Армледер, плавно водя по палашу правильным камнем. Но движения пеллийца были излишне медленны, а задумчивое выражение лица показывало вся кому, взглянувшему в его сторону, что гвардейский офицер чем-то крепко озабочен. Только когда стоявший рядом Иллиах, видя, что капитан совершенно не замечает приближения короля, хлопнул гвардейца по плечу.

Армледер запоздало вскочил:

— Вольно, капитан! — Конан протянул руку и не дал гвардейцу отдать салют. — Обойдемся без этикета. К воротам лагеря послали?

— Да, мой король. Там Ройл, мой оруженосец, и пажи обоих десятников авангарда.

— А что пленные? — поинтересовался Конан, оглядывая понурую группу из семи человек, окруженных хмурыми чернокафтанниками.

— Мелкая сошка, мой король. Если дозволено мне будет дать совет августейшей особе... — И, увидев рассеянный кивок короля, капитан продолжил, пряча палаш в ножны: — Их следует выпороть и отпустить на все четыре стороны. К шайке они пристали где-то

седмицу назад, в нападениях на караваны не участвовали. Их держали, так сказать, в обозе. Крестьяне из немедийской деревеньки. Дело обычное — недород на полях, налоги. Ни бывших аквилонских солдат, ни известных воров, ни беглых каторжан среди них нет. А тащить их под конвоем...

— Да-да, ты прав, капитан. Десяток плетей, и пускай убираются. А где Хват?

— Утверждают, что остался с верными людьми на аквилонской стороне. Отряд, вернее остаток шайки, вел один из помощников Хвата, из бывших вольных охранников с караванного тракта, — его я оставлю для более подробного допроса. Он должен кое-что знать.

— Да, крепкий парень, — пробормотал Иллиах, дуя на разбитые костяшки кулака. — Даром что рыжий.

— Ну, ну, — прошамкал беззубым ртом Хольгер.

Однако обстановка не подходила для выяснения отношений между киммерийцем и асиrom, и оба не стали развивать тему про рыжих.

— Где крепость-то? — спросил Конан. — Пройдемте со мной.

Армледер перемахнул через бревно, придержав ножны, и направился к небольшому возвышению.

— Уже и солнце садится, — буркнул Эгиль, глядя на темнеющие небеса, — с первой звездой брат понесется в Ледяные Чертоги.

— А я так до сих пор и не жрал, — проговорил Иллиах.

С верхушки проплещины хорошо была видна тропа, петляющая меж редких рощиц, и немедийский лагерь темнел дремлющей громадой — ни дымка, ни блеска доспехов на башнях. С запада, где нависали горы, налетел резкий ветер. Перевал уже поглотила темень.

— Во-он наши вызывающие, — указал перчаткой Армледер на кучку всадников, двигающихся к расположению аквилонцев.

— Похоже, уже о чем-то договорились. Вряд ли, конечно, вечером немедийцы выедут «на копье», — пробормотал Конан. — Хотя поле-то вполне подходящее. Могут и не принять вызова, если командир у них из наемников, а дожидаться войск из центральных провинций. Кром, а ворота-то — распахиваются.

Действительно, едва ли не в последних лучах заходящего солнца створки окованных ворот укрепленного лагеря распахнулись, и оттуда стали выезжать всадники.

Не дожидаясь приказа, Армледер рванулся назад, пинками поднимая развалившихся, было, гвардейцев. Зазвучал сигнальный рожок, и аквилонцы вскочили в седла. Хольгер вдруг повернулся к Иллиаху и что-то ему прошептал, Конан уловил только: «глаза у тебя помоложе...»

Иллиах приставил ладонь козырьком к глазам и вдруг вскрикнул удивленно.

— Что там такое, уж не тень ли Хресвельга ты узрел? — насмешливо спросил Конан.

«Эйнхерий» растерянно протянул:

— Темнеет, да и далековато, но мне кажется, я видел рогатые шлемы, вон в той десятке, что на левом фланге разворачивается.

— Ну и что? Нордхейм искони поставлял наемников в Немедию. Правда, я что-то не слышал, чтобы ваниры и асиры сидели в порубежниках — ни тебе веселья, ни тебе денег, да и начальников много.

— А еще, мне показалось, что тот отряд, что по центру... очень они на наших Черных Драконов похожи...

Но Конан уже его не слушал. Королю подвели коня, и он одним движением, отточенным до блеска за годы и годы скитаний, взлетел в седло.

— Мой король... — начал, было, докладывать подскакавший капитан, но, глянув на поле, удивленно заключил:

— Это безумие — смотрите, еще не построившись, в этих сумерках, они уже пошли в атаку... вверх по склону, через кустарник... на фланге у них овраг... а если у меня, скажем, полно тут лучников? Положил бы всех, как куропаток, и оврагом бы ушел в ночь...

— То-то и оно, капитан. Надо иметь в отряде лучников на будущее. Атакуй прямо отсюда, сверху, и гони их к воротам...

У Армледера глаза загорелись боевым азартом. Ситуация действительно была заманчивая. Понеслись команды, и, лязгая в мягких серых сумерках доспехами, аквилоны разошлись влево и вправо от проплешины, образуя «разящий серп», нацелив склоненные пики вниз, туда, где надвигалась темная волна наступающих.

— И все же что-то тут не так, — пробормотал Конан, медленно вытягивая меч и кладя его поперек седла. — И где, Сет меня разорви, наши посланцы? Ройл бы мне что-нибудь объяснил.

Из темноты раздался короткий свист — свои. И сумерки выпустили следопыта и пажей. Ройл тут же соскочил с коня и бежал к Конану, что-то крича, но его заглушил чистый звук рога, донесшийся снизу, с утонувшей во тьме равнины, по которой катилась волна еле различимых конных фигур.

И Конан едва не взвыл от злости. Это был аквилонский сигнал «Стоять на месте, выровнять линию».

И относился он явно не к атакующим, а к замершим на гребне гвардейцам Армледера. Капитан что-то крикнул своему трубачу, и тот приложил к губам рожок. Прозвучал условный сигнал, означавший: «Кто говорит?»

И снизу в ответ раздался пронзительный вой рога принца Аквилонской Короны. Конан, так и не снимая меча с седла, сидел, сутуясь и, поникнув головой к самой гриве, когда к нему подъехал Армледер.

— Труби отбой, капитан, и поехали навстречу моему хитроумному сыну, Кром, ненавижу всех миротворцев. Какая славная могла быть драка. Вптымах, на всем скаку, слева — овраг, вокруг — кустарник. Вниз по склону — и вверх по склону, выживают сильнейшие... Старый я дурак, следовало понять: если Конн и Троцеро на границе, они знают, что я ищу доброй драки...

Конан помолчал. Конь его, осторожно ступая, двигался почти в полной темноте. На небе вспыхивали первые звезды, которые в здешних краях появляются в один миг и облепляют небесный купол, словно вступающий на престол князек из Вендии россыпями мечет в толпу серебряные монеты.

«Эйнхерии» и примкнувший к ним Ройл ехали тихо, прекрасно понимая, что гнев чудившего короля может пасть и на них. Однако вспышки неуправляемой дикой злобы не последовало. Конан лишь тяжко, с присвистом вздохнул, да так громко, что лошадь следопыта шарахнулась и едва не унесла ветерана в ночь. После очередного вздоха Конан упавшим голосом спросил:

— А ты знал, капитан Армледер?

— Мой король, принц Конн и граф Троцеро поручили мне разыскать вас и обеспечить охрану, выполняя все ваши приказы неукоснительно. Ну... я знал, вернее, слышал слова

графа...

— И что же изрек наш мудрейший главнокомандующий?

— Я прошу извинить меня, мой король...

— Да валай уж, — печально сказал Конан.

Они уже спустились с небольшого возвышения, где-то впереди маячил темный строй конных воинов, слышались голоса и позывкивания уздечек и стремян.

— Троцеро сказал принцу: «А нам следует нанести визит коменданту немедийской пограничной крепости. Король решил поохотиться за разбойниками, а карты в этих местах скверные, проводники вечно пьяные — король, может случиться, станет преследовать врагов королевства и на чужой земле. Досадно получится, если из-за шайки ворюг меж нашими королевствами будет недоразумение и паче чаяния — конфликт. К тому же — немедийский командир, барон Оливей мой старый знакомый».

— И большой почитатель славного короля Аквилонии, — раздался поблизости скрипучий голос, принадлежавший явно человеку преклонных лет.

«Эйнхерии» по привычке сомкнулись вокруг киммерийца, однако рядом с фигурой немедийца из тьмы появился другой всадник с поистине величественной осанкой и взмахом руки велел северянам расступиться.

— Отец, — без всякого выражения произнес Конн.

— Сын, — так же проговорил Конан.

— Мой король, командир немедийского пограничного гарнизона славный барон Оливей счастлив будет приветствовать у себя в гостях Великого Конана и его свиту, — послышался голос Троцера.

— Да, Ваше Величество, я буду счастлив принять не только благородного принца, но и его славнейшего отца. А ваши гвардейцы, равно как и наемники, расположатся по бивакам под стенами цитадели. Воинам и коням положено спать под звездами, а ночи в здешних местах теплые и безветренные.

Конан поборол желание протянуть руки, сграбастать барона за шею и придушить, как цыпленка. Он что-то неразборчивое буркнул в ответ, тут же из темноты вынырнул пеший немедиец с тусклым факелом в руках и, взяv королевского коня под уздцы, повел.

Молчаливый темный строй конников расступился перед высокопоставленными особами. В свете факела Конан разглядел нескольких северян своей гвардии. Отвечая на невысказанный вопрос, Конн коротко хохотнул:

— Я прихватил из столицы своих и твоих телохранителей — пусть в тавернах спокойно и чинно попьют вино заезжие купцы, да и столичные ищёйки займутся ворами и грабителями, а не потасовками в темных подворотнях наших головорезов. При нас, думаю, глупых стычек не будет.

Глава седьмая

Конан и его свита, если можно так выразиться, находились во владениях барона Оливея второй день. Короля обвели вокруг пальца по всем статьям. Оказывается, в столице Военный Совет с принцем во главе давно заготовил обширнейший договор со всеми сопредельными государствами, исключая только диких пиктов и неукротимых киммерийцев, о взаимной терпимости к порубежным отрядам, пересекающим границы в поисках разбойников и иных врагов Короны. Были оговорены численность таких отрядов, глубина их возможного проникновения к соседям и прочие мелочи.

— Все, кончилось разбойное ремесло, — ворчал Конан, предававшийся вдумчивому и нескончаемому пьянству в обществе Ройла и «эйнхериев» в течение последних суток. — Купцы будут жирными, тракты — спокойными, а жизнь — пустой и бестолковой.

Указанный договор он подписал стоически, а немедийский герольд с десятком охраны, оруженосцами и пажами, для придания пышности свите направился в столицу, дабы скрепить его печатью бельверусского владыки.

Конан вздохнул тяжело, едва не потушив чадивший в замковой стене факел, и отправился в угловую башню крепости, любезно предоставленную бароном Оливеем королю Аквилонии и его северянам. Конн, весьма довольный возможностью общения с немедийской молодежью, пропадал в пиршественной зале вместе со своими офицерами. Конан сунулся, было, туда, но, услышав мудреные разговоры о геральдических знаках, новомодном бельверусском трувере, музыке и неких танцовщицах, доброе имя, которых одни из присутствующих порочили, другие готовы были защищать с оружием в руках, ругнулся и ушел. Он все собирался поговорить с Троцеро по поводу своего грядущего отречения и путешествия в Вендию, но был почти наверняка уверен, что состоится долгий и нудный разговор, суть которого сводится к давно знакомой чеканной фразе «Королевство без короля — поле гражданской войны», — и не торопился. К тому же Троцеро со старым немедийским бароном и впрямь заперлись в покоях Оливея, предаваясь воспоминаниям. А вспомнить ветеранам было что.

На протяжении нескольких десятилетий их бойцы вспарывали друг другу животы и рубились в смертельной сече не только на берегах реки Красной, но и на землях менее могущественных, а посему — робких южных соседей. В Год Дракона, в славные для немедийского оружия дни, Оливей первым вступил в аквилонскую столицу, и некоторое время был сенешалем Тарантии.

Армледер неотлучно находился при биваке аквилонской конницы, разбитом под стенами крепости, немилосердно муштруя своих бойцов. Все поле, на котором чуть не разыгралось вечернее сражение, было уставлено кожаными и соломенными чучелами, которые рубили и кололи с лету аквилонские гвардейцы.

— А толковый парень, — сказал Ройл, швыряя в окно опустевшую флягу.

Фляжка поплыла в мутной водице рва, пока в горлышко не набралось достаточно, жидкости, чтобы утянуть ее на дно. Боссонец проводил ее пьяным сосредоточенным взглядом.

— Да, только усердия — через край. Вбили ему в Бельверусе в голову, что без такой вот муштры боец — уже не боец, — буркнул Конан, тоже выглядывая из окна. — Отправить бы его на пару лет к вам, в топи, побегать за пиктами по лесам, полазить по болотам, покормить

комаров да пиявок — вышел бы толковый командир. А муштрай да рубкой дров много не навоюешь. Чучело-то — оно тебе ответить не может.

— Зря мальчишку ругаете, мой король. — После того, как Армледер спас следопыту ногу, Ройл к месту и не к месту старался хвалить пеллийца, чем изрядно забавлял и Конана, и «эйнхериев», видевших костоправное искусство капитана. — Он в Западной Марке очень даже повоевал — я тут порасспросил гандерландцев. Да и в делах настоящих был. А одних поединков — как драк у зингарских матросов.

— Он и без турнирных церемоний в ухо может дать, тут есть, кому подтвердить, — встярл в разговор Иллиах, глядя на хмурого асира, который с осторожением принялся надраивать до блеска позеленевший бронзовый наруч.

Асири угрюмо поднял голову и сказал низким грубым голосом:

— В ухо дать, это ты или я можем. Вон Эгиль, брат его, — очень даже могли, когда хватят пива через край. А этот пальцы ломает, как баба, руки крутит, подножки ставит... понабрались в академиях — меча им не поднять толком, по морде не стукнуть, а вот по земле валять — это мастера.

Скучающий в углу Хольгер отбросил стаканчик для игральных костей, который бесцельно крутил в руках, и подошел к окну, веско взразив соотечественнику:

— А тебя он тогда, в «Кубке», хорошо повалял, нечего за глаза говорить. Мне потом один из его чернокафтанников кое-какие ухватки показывал. Как меч там, скажем, выбить, или копье выдернуть так, чтобы хозяина подбросило, как угря на сковородке. Толково их учат. Не всё на силу надо напирать — а ну, как ты ранен будешь, или на морде — забрало, и что — по забралу кулаком лупить? Воюют тоже с умом.

— Все одно. — Асири был пьян и упорен. — Если бы я тогда лишнего не глотнул... Так можно только девок на сеновал укладывать, а не с мужчиной драться.

— Мужчина — тот, кто после драки остался на ногах, а не тот, кто проиграл и за глаза ругает чужие уменья, — наставительно сказал Конан, видевший не раз, как бьются голыми руками немедийцы.

Ухватки эти бельверусские умельцы собирали по крупинкам и из пиратского арсенала, и из совершенно разбойничьих приемов, даже посылали целые экспедиции в Вендию и Кхитай, где в затерянных лесных обителях были люди, пальцами рвущие стальные кольчуги и головами пробивающие дощатые щиты, даже и окованные. Практиковали в Бельверусе и самобытные изобретения в области убийства и причинения боли ближнему. Свое боевое мастерство Конан тоже собирал по крохам во всех уголках мира, посему не любил, когда любую ухватку, отличную от деревенской оплеухи, называют именно «немедийской».

— А ты, Хольгер, тоже не особо прав, — вмешался Ройл. — То есть, конечно, умение лучше силы, ведь сила может и иссякнуть. Но еще лучше, когда сила и умение вместе идут. Вот если, скажем, эдак вот...

С этими словами боссонец вручил кинжал, которым до этого разделявал баранью лопатку, Эгилю, и хлопнул себя по груди, бей, мол. Эгиль несильно ткнул клинком вперед. Ройл шагнул в сторону, изогнувшись и извернувшись, словно хорек, лезущий в курятник через щель в заборе, так, что лезвие скользнуло по рубахе, а рука рыжебородого прошла впритык к телу следопыта. Затем Ройл мягко взял кисть «эйнхерия» и крутанулся на каблуках. Охнув, ванир рухнул на стол, опрокидывая и его, и блюда, и фляги.

Конан расхохотался, хлопая себя по бедрам, к нему присоединились и остальные, находящиеся в комнате, Иллиах даже сел на пол, утирая глаза.

Эгиль заворочался на полу и попытался приподняться из груды обломков и костей. Ройл же, так и не отпустивший кисти ванира, прижал ее к животу, и нелепо скакнул на корточках в сторону:

— Или — эдак вот... — поднимавшийся рыжебородый вновь рухнул на пол под общий хохот.

Вскочил он совершенно взбешенным, отшвырнул нож и кинулся вперед, расставив руки, собираясь сграбастать боссонца, раздавить и шваркнуть о стену. Глаза его были красными, зубы оскалены. И раздавил бы: Ройл испуганно шагнул назад, стукнувшись загривком об подпирающий потолок столб. Однако Конан, увидев, что дело плохо, ухватил разбушевавшегося Эгиля в охапку, приподнял и с размаху опустил на скамейку. Скамья разлетелась в щепы, а ванир уже в третий раз оказался на полу, но, разобравшись, что его коснулись руки короля, поутих.

Конан поманил пальцем Ройла.

— Иди-ка сюда, старый пес. Давай руку. — Ройл протянул дрожащую кисть, и она полностью утонула в королевской лапе.

— Иногда в Бельверусе делают и так. — Он двумя пальцами слегка сжал запястье боссонца, и Ройл неожиданно для всех, и для себя в первую очередь, завопил тонким голосом.

«Эйнхерии» вновь загоготали. Конан же одним плавным движением крутил руку Ройла, изогнув ее во всех суставах так, что тело следопыта едва не закрутилось от боли в узел.

Киммериец же, сам оставаясь на месте, повел руками, словно рубил невидимым мечом наискось, борясь с обступившими его бесплотными призраками. Ройл, как-то нелепо подпрыгивая на носках, побежал по дуге, затем снова по-женски пискнул и совершил от невыносимой боли в перекрученных суставах прыжок через собственную руку, будто заправский рыночный акробат. Иллиах и Эгиль едва успели посторониться, когда боссонец обрушился на груду сваленных в углу плащей.

— Мой король, я в восхищении, — сказал следопыт, пребывавший на куче тряпья вниз головой.

Голос его, в обычном состоянии весьма низкий и грубый, все еще ломался, как у подростка, от хриплого баса до высоких нот. Эгиль был вполне удовлетворен нелепыми танцами, полетом и дикой позой Ройла. Киммериец и асир держались друг за друга, содрогаясь от смеха, даже угрюмый спорщик скалился во всю устрашающую физиономию. Но король уже потерял всяческий интерес и к самому разговору, равно как и к обычной для профессиональных воинов казарменной возне.

— Однако, — пробурчал он печально, — в молодости я не крутил врага вокруг себя, словно красотку на танцах, — если мне попадалась рука, я старался ее оторвать.

Ройл, уже поднявшийся и сосредоточенно растиравший локоть, хохотнул, остальные же воины, уловив, что веселье закончилось, разошлись по своим углам, давно привыкнув к резким сменам настроения у короля.

Конан постоял у окна с крайне печальным видом, потом грохнул по стене кулаком, горько воскликнув:

— Все пустое, все обман. Нет ничего гаже бесцельной жизни!

Тридцать, или даже пятнадцать лет назад, услышь черные корсары или ильбарские горцы эти слова, они бы попрыгали за борт пиратской галеры и забились бы в самые дальние

и темные каменные щели, решив, что Амрой овладело мрачное безумие, насланное стигийскими некромантами. Меж тем давно уже киммериец не только научился горестно вздыхать, словно безутешная вдова, упутившая возможность окрутить блистательного гвардейского офицера, но и время от времени, к ужасу своих близких, сотрясал воздух подобными тирадами, будто выступал записным плакальщиком на собственных похоронах.

«Куда делся неистовый и неистощимый на идиотские шутки варвар, — думал Ройл, украдкой пересчитывая ребра — все ли целы. — Некогда достаточно было посмотреть на него, хохочущего в то время, как над головой не видно неба от ливня вражеских стрел, чтобы поверить рассказам о том, что Конан умудрялся шутить и скверносоловить, будучи прикованным цепями к скале, вселяя суеверный ужас в суетящихся вокруг мастеров пытки с раскаленными железяками в руках?! Не те у него годы, да и не тот он человек, чтобы скорбеть, словно юный хлыщ со склонностями к рифмоплетству, у которого двухметровый одноглазый пикинер увел голубку на сеновал».

Унылую тишину нарушил деликатный стук в дверь. Мгновенно Иллиах и Хольгер с клинками наголо встали по обе стороны дверного проема. Эгиль же, пряча устрашающего вида кривой нож за спиной, потянул бронзовое кольцо.

— Барон Оливей — к королю Аквилонии! — провозгласил тонкий и длинный, словно бокал из аргосского стекла, паж и посторонился, пропуская вперед немедийского вельможу.

— С чем пожаловал наш славный враг? — весьма нелюбезным тоном осведомился Конан, выходя на середину комнаты и засовывая ладони за широкий пояс.

Барон окинул взглядом замерших по бокам от него «эйнхериев», перевел взгляд набитую мебель и осколки, живописно разбросанные по полу, хмыкнул и проговорил, теребя бородку:

— Однако меж нашими державами мир, следовательно, бывший противник Золотого Льва, всего лишь бывший.

— Пусть будет так, барон. К великому моему сожалению, Аквилония и Немедия напоминают сейчас мирное болотце, где в теплой тине резвятся головастики, пиявки и нарядно раскрашенные рыбешки. Щуки же и прочие хищники от старости и бессилия шевелят жабрами в придонных ямах. Однако чем старый выживший из ума лев может быть полезен блистательному командиру гарнизона?

Оливей помедлил с ответом, пытливо разглядывая присутствующих. Те так же пристально разглядывали немедийца. Северяне, впрочем, убедившись, что при бароне нет никакого оружия, кроме чрезвычайно громоздкого меча, бесполезного для битвы в замкнутом пространстве помещения, быстро потеряли к нему всяческий интерес.

Ройл с восхищением оглядывал вороненый доспех борона, являвший шедевр оружейного дела. Пластинчатая броня, которая, видно, и арбалетному болту не по силам, была столь искусно пригнана к фигуре, что не оставляла ни малейшего впечатления гнетущей тяжести и неудобства, которое испытывал боссонец всякий раз, с презрением оглядывая рыцарские кирасы гвардейцев. Пластины, с серебряной насечкой, были великолепно пригнаны друг к другу на животе и груди, в местах же, где они могли помешать членам владельца сгибаться, тускло посверкивали тончайшие колчужные кольца, скрепленные весьма затейливым, но, без сомнения надежным образом. На черных набедренниках, необходимых кавалеристу, Ройл не разглядел ни одной клепки, тем не менее, они состояли из множества стальных пластин, не стесняющих движения ног. Без труда можно было домыслить, что вместо льняной, как сейчас, расшитой грифонами и мантикорами рубахи, тонких изящных сапог и штанов

зеленого сукна к сему панцирю во время боя полагался массивный шлем, латные перчатки, наручи до самых локтей и кольчужные чулки. По осанке и легкой небрежности, с какой немедиец носил доспех и оружие, ветеран заключил, что в молодости барон был красой и гордостью бельверусского рыцарства.

Конан же вглядывался в лицо Оливея, читая по нему, словно в правдивой летописи. Немедиец был без головного убора, и его каштановые волосы, без единой седой пряди, свободно спадали на могучие еще плечи, очерчивая волевое лицо. Множество старых шрамов и сеть морщин, придававших физиономии барона вид печеного яблока, вкупе с обветренной кожей не бросались в глаза из-за чрезвычайно живого острого взгляда из-под густых бровей, изрядно молодивших Оливея. Хотя рыцарь, без сомнения, разменял уже пятый десяток, можно было смело заключить, что годы еще не подточили эту глыбу.

С неменьшим интересом и немедиец разглядывал легендарного киммерийца, которого видел раньше лишь на поле боя, где плащ и тяжелое забрало полностью скрывали фигуру и лицо короля.

Пока длилось это взаимное разглядывание, в комнату вошли молчаливые слуги, быстро вынесли следы беспорядка, расставили новые скамьи, стол и посуду, исчезнув столь же бесшумно, как и появились. Ройл, мгновенно забывший про вельмож, уже вертел в руках одну из вновь принесенных фляг, мимоходом подумав, что немедийский рыцарь явно строг к слугам, вымуштровав их не хуже, чем сам боссонец в былье времена муштровал добровольцев в Западной Марке.

«Мимо баронских покоев они, видно, и вовсе шныряют тенями, на одних носках, так, что и свечное пламя не дрогнет. Однако, хвала светлым богам и покровителям старых бойцов — судя по аромату, в вине хозяин смыслит не меньше, чем в сбруе».

Судя по алчным и сосредоточенным лицам Эгиля и Хольгера, они разделяли выводы, сделанные следопытом, и ждали лишь кивка Конана, чтобы вживую удостовериться в этом. Илиах же, по молодости бледный от всего, выпитого за два дня, прошедших после битвы с разбойниками у Совиной Горы, лишь уставил глаза в окно, моля Крома дать ему сил не ударить лицом в грязь. Кивок последовал, и для охраны аквилонского владыки немедиец и Конан перестали существовать. Оливей, явно удивленный такой вольницей среди телохранителей столь высокопоставленной особы, поджал губы и пригладил усы, воздержавшись от замечаний.

— Итак, барон, что привело тебя ко мне? — спросил Конан, указывая немедийцу на стул и усаживаясь сам.

— Есть одно щекотливое обстоятельство, связанное с вашей свитой... Однако... — И немедиец кивнул головой в сторону стола, за которым пирушка уже была в самом разгаре.

Конан ухмыльнулся:

— Судя по твоему тону, барон, речь идет не о моей свите, а о павлинах, окружающих моего сына. Могу заверить — мои головорезы вряд ли будут откровенничать с гвардейцами, о которых они самого невысокого мнения. Особенно сейчас, когда в их глотки льется вино. Всякая тайна, касающейся она хоть наступления Последней Битвы не далее как завтра, умрет, не долетая их ушей.

— Ну, что ж. — Оливей помедлил, поудобнее устраивая меч на коленях. — Дело в том, что капитан, возглавляющий сотню Черных Драконов...

— Полувильд, барон, — оскалился Конан, — Армледер, выученный в стенах вашего столичного клоповника дляшибко умных, утверждает, что командует именно полувильдом.

— Я сам не особо в восторге от этих стратегов из академий. Видел их в последней кампании — по мне, так младший герольд с турнирным рожком или возница из обоза смыслит в военном деле не меньше, а опыта имеет больше, чем они. Среди нас, немедийских ветеранов, их принято называть головастиками. Посему пусть уж лучше сотня. По крайней мере, ясно, что речь идет о сотне мечей и копий.

Конан кивнул головой, словно говоря: как ни называй, не мешает уже быстренько изложить суть дела и проваливать куда-нибудь подальше. Оливей заметил неудовольствие своим посещением, но продолжал говорить медленно и размеренно, не теряя достоинства.

— Итак, этот... м-м... Армледер привез с собой некоего пленного, взятого им в вашей стычке с мерзавцами, длительное время тревожившими наши границы.

— Да, да, — рассеянно сказал Конан, недвусмысленно глядя мимо немедийца на стол, где с поражающей воображение быстротой пустели фляги с вином. — Ну и что же?

— Видимо, капитан самолично пытался допросить его, однако разбойник оказался крепким орешком, и ваш гвардеец утром обратился ко мне, прося предоставить ему гарнизонный «каменный мешок» и парочку специалистов по развязыванию языков в фартуках и с инструментом. Я не нашел нужным отказывать даже столь малозначительной персоне из свиты самого Золотого Льва...

— Вернее, львенка.

— Виноват, из свиты принца, и предоставил ему просимое. Допрос, если это можно назвать столь мягким словом, продолжался, пока разбойник не испустил дух на дыбе...

— Куда ему, право, и дорога, — проворчал Конан.

Немедиец пропустил это замечание мимо ушей, настойчиво продолжая рассказ:

— После чего, как мне доложили слуги, прислуживавшие в пиршественной зале принцу и славному полководцу Троцеро, капитан Драконов попросил у Конна отпуск на две седмицы. Получив же отказ и изрядную взбучку, сей юноша потребовал отставки.

— Кром, служи я в столь скучное время при столь скучном дворе в годы юности, сделал бы это на пяток лет раньше, после бесславно закончившейся заварухи в Западной Марке.

— Так уж и бесславно, — буркнул, оторвав от губ флягу Ройл, явно в оба уха слушавший разговор.

Оливей дернулся, как от удара кнутом, — любой из его челяди, подобным образом вмешавшийся в разговор, сильно пожалел бы об этом. Однако барон быстро взял себя в руки и продолжил:

— Гарнизонная жизнь бедна на события, и, чтобы удовлетворить свое праздное любопытство, я порасспросил одного из мастеров заплечного дела. Как я понял, гвардейского капитана интересовал некий эпизод, произошедший в ходе похода на разбойничье логово, когда подлый атаман этого сброда сбежал от аквилонских солдат.

— Было что-то такое. — Конан, решив, что со скучой можно бороться разными способами, особенно когда больше заняться нечем, и стал припоминать: — Действительно, Черные Драконы прижали этого мерзавца к какому-то вонючему водоему, однако нежданно-негаданно появилась непредвиденная подмога, и атаман растаял в зарослях, словно благочестие монаха, провалившегося в винный погреб.

— Ваш капитан — выходец из местных? Наследник наших некогда весьма беспокойных соседей — герцогов Пеллийских?

— Да, он наследник. Где-то там, в родовом гнезде сидит его слабосильный младший братец. Ну и что из этого?

— Дело в том, что молодой человек распознал среди напавших на его бойцов мерзавцев двоих или троих воинов из замковой стражи своего родового гнезда и, желая удостовериться в точности своих наблюдений, замучил до смерти пленного.

— Вот как? Славно!

Конан хлопнул себя по ляжкам. Казалось, его весьма позабавило это известие.

— Значит, великий путешественник Эйольв, павший в битве с вашей, барон, армией в Год Дракона, — не единственный достойный отпрыск старинного аквилонского рода? Армледер — всего лишь служака, каких много в моей армии. Нет в нем, знаешь, эдакой живости, что ли, огонька. А если младшенький больной братец снюхался с грабителями с караванного тракта...

— Я ослышался или короля Аквилонии чуть ли не радует таковое поведение родовитого аристократа? — Барон, без сомнения высоко ценивший рыцарскую честь и добре имя аристократов, сделал круглые глаза.

— Нет, барон. Это обстоятельство, без сомнения, прискорбное. — Тон короля выдавал скорее живое любопытство скучающего в праздности и безделье искателя приключений, чем владыки, разгневанного дурным поведением своего вассала. — Однако, Кром, к которому моя варварская душа устремляется в моменты радости или отчаяния, крепко вбил в головы всех киммерийцев одно: когда этот мир покинут последние мужчины, которым звон стали милее шороха юбок и звяканья монет, грянет Последняя Битва. Стало быть, не все еще потеряно...

— Я старый боец и ничего не смыслю в богах. Не мне разбираться, что есть признак здоровья в могущественных странах, — дипломатично сказал немедиец. — Но я поставлен моим королем на страже границы, а данное вскрывшееся обстоятельство прямо касается моих воинских обязанностей. Я просил бы...

— Валяй, тебе удалось чуть развеселить меня и вновь внушить веру в человеческий род. У тебя есть еще что-то за пазухой, кроме признания вшивого бандита и доноса палача, а?

— Проницательность аквилонского владыки уже давно вошла в поговорку. У меня есть все основания полагать, что на аквилонско-немедийской границе, в этих диких горах, зреет нешуточный заговор: интриги плетутся как против власти Тарантии, так и Бельверуса. Сегодня я поделился своими соображениями со славным полководцем Аквилонской Короны, и он упрочил мои подозрения.

— Так почему бы тебе не рассказать о заговоре не только старому Троцero, но и Конну? Право, после известных событий я устал от интриг, которые творят рыцари, отложившие в сторону мечи к прискорбию богов?

— Как бы это сказать поделикатнее... — Оливей поджал губы.

— Ну, давай, без церемоний, барон, мы же с тобой старые воины. Не бойся при мне обругать Конна, я сам не довolen сыном, в его годы следует похищать красавиц и охотиться на чудовищ в дальних странах, а не пропадать безвылазно на балах и пирах.

— Принц Конн известен в цивилизованных странах, как большой поборник наук и высокой поэзии, посему нет ничего удивительного в его дружбе со многими отпрысками славных немедийских родов, где эти добродетели пышным цветом распускаются не один век...

Конан грязно выругался, коротко и незамысловато, словно подвыпивший торговец пивом, уронивший пару монет в сточную канаву. Оливей недаром был старым вояком — и ухом не повел.

— А у меня и, как выяснилось, у славного графа есть веские подозрения, что заговор плетется на самых верхах, и в нем участвуют весьма известные владельцы знаменитых гербов и знатных титулов, которые... находятся под покровительством принца Конна.

— Кром! Уж не хочешь ли ты, барон, сказать, что мой сын замышляет против меня?! — Конан вскочил и навис над нешелохнувшимся Оливеем.

За столом утих разговор, а Иллиах встал и расположился за спиной немедийца, поигрывая массивной глиняной кружкой.

— Я далек от таких нелепых обвинений.

— В чем же дело, раздери тебя медведь?

— По молодости и неопытности, что весьма понятно и простительно, принц в погоне за внешним лоском дает покровительство людям, чьи интересы напрямую угрожают интересам тронов двух величайших владык Хайбории. Речь идет не о покушении на одного из славнейших королей, разумеется. Скорее о попытке мятежа в пограничных провинциях с целью создания нового государства.

— Ну, это еще может быть. — Конан уселся обратно, знаком приказывая Иллиаху вернуться к прерванному занятию, что киммерийский юноша не замедлил сделать.

— Но я не стал бы тревожить короля Аквилонии по столь ничтожному поводу, иди речь лишь о заурядном бунте, пусть и с участием родовитой знати. Или говорить о младшем сыне основателя Картографической академии в Тарантии.

— Что ж еще творится в этом Митрой забытом медвежьем углу? Мне кажется, что все это дело стоит поручить паре-тройке моих полков или даже вашему гарнизону — благо любой пропуск через границу для обоюдной пользы я могу подписать немедленно.

— Изучив известные факты, у меня и графа Троцера сложилось убеждение, что верхушка заговора, без сомнения возглавляемого Торкилем Пеллийским, сама не более чем игрушка в руках более грозных сил, враждебных всему хайборийскому миру.

— И кто же эти злодеи?

— Золотому Льву Аквилонии, — Оливей ухмыльнулся, — без сомнения, должно быть известно имя Керим-Шаха?

Конан встрепенулся. Всякая весточка из лихого прошлого лила капли бальзама на зачерствевшее в рутине державной власти сердце бывшего наемника, пирата и разбойниччьего вожака. Особенно теперь, когда в голову стареющему королю навязчиво лезли воспоминания об Ильбарских Горах, Деви Вендии и лихих горцах, имя Керим-Шаха словно вернуло его к прежней жизни.

Киммериец весьма снисходительно относился к легендам, ходившим о былых похождениях грозного Амры, и потому, если Оливей думал, что покоробит владыку Аквилонии упоминанием о бандитском приключении на севере Вендии, то он ошибся.

— Да, припоминаю. Был давным-давно такой иранистанский шпион, весьма ловкий в интригах и недурно обращавшийся с саблей. Сейчас таких воинов, почитай, что и нет — сильных, хитрых и упорных, как волк из северных пустошей. Да, это был настоящий гирканский волк-одиночка. Но он погиб жуткой смертью.

— Мне кажется, удалось несколько заинтересовать скучающего короля, не так ли? Кроме того, Конан Киммерийский, известный среди умеющих держать в руках меч, как первый клинок хайборийского мира, сам столкнулся с атаманом этих пограничных разбойников Хватом и не мог не отметить мастерства, с которым тот управляет с двумя экзотическими клинками?

— Это точно. Этот Хват, больше похожий на бешеную гадюку, чем на обычного грабителя с торгового тракта, доставил мне несколько приятных мгновений. Бой разлучил нас, но мы преотлично позвенели сталью... — Конан остановился и потрепал свою давно уже нечесаную гриву. — Что-то такое мелькнуло у меня тогда в башке... что-то связанное с моими... гм, вгоняющими в краску Конна восточными похождениями к югу от моря Вилайет... Нет, не помню. Но дерется этот Хват великолепно. Есть у меня даже желание, если славный граф и просвещенный принц не будут излишне внимательны к моей особе, изловить этого Хвата и позвенеть клинками еще раз. В конце концов, умереть от рук мужчины, пусть и похожего на змея больше, чем на человека, но умеющего неплохо биться, — достойный конец для Конана-киммерийца. Ты, барон — знатный рубака, должен понимать, что нет ничего страшнее, чем умереть от паршивого ревматизма у себя в кресле напротив уютного очага.

— Говорят, у воинов и королей — разные тропы.

— Дураки так говорят. Я воин! И, Кром свидетель, не из последних — меня должны склевать вороны, разнести в желудках волки, а череп мой, я верю, будет прекрасной игрушкой для быстро набирающего силы пса Гарма у престола его хозяйки Хель. Только тогда душа моя будет у Крома, рядом с такими бойцами, как упомянутый тобой Керим-Шах, а также...

Далее последовали имена, а вернее, клички и прозвища грабителей, пиратов и воров, некогда гремевшие по всем портам, трущобам городов и невольничим рынкам, наводя ужас на купцов, монахов и старых дев. Оливей с изумлением слушал этот список достойнейших, по мнению киммерийца, людей, что попадут вместе с ним в Ледяные Чертоги. Список был внушительным — пока Конан бормотал устрашающие имена, Эгиль, Ройл и Торкиль опорожнили последнюю флягу. Один лишь Иллиах, удостоившийся некогда рассказов Конана о его легендарных похождениях, цокал языком, слыша знакомые прозвища героев жутковатых саг о действиях короля-варвара. Наконец поток леденящего душу перечисления прервался, и Иллиах прошептал:

— Все они пронесутся во время Гибели Мира над землей, в свите Дикого Охотника, под визг валькирий и вой Гарма, выходящего из Бездны...

— Избави Митра наш мир от такого будущего, — вполголоса буркнул Ройл, из чего можно заключить, что хитрый боссонец прекрасно все слышал.

— Что ты понимаешь, старый пес, — отмахнулся от него Иллиах, закатив глаза.

Видимо, пред мысленным взором молодого киммерийца в огне и дыму проносилось призрачное воинство Последней Битвы.

— Да, ты прав, Иллиах, сын Крома и пустошей: истинный герой — бессмертен. — Конан вздрогнул, словно приходя в себя от дремы, овладевшей усталым телом.

— Так вот. — Барон поднялся. — К сожалению, дела службы призывают меня, и если Золотой Лев соизволит, беседу мы продолжим после, скажем — вечером. Однако напоследок я скажу, что змееподобный атаман — племянник гирканского волка, а кроме того, ученик Розиля Великолепного. Он часть тех сил, что стоят за заговором. Я беседовал с человеком, который клянется, что был свидетелем того, как в Султанапуре, у могилы Розиля, Хват дал клятву на клинке извести Конана-киммерийца.

— Если у меня еще есть враги, значит, я еще жив, — заключил Конан.

Оливей, уже выходя в дверь, закончил:

— Черные демоны, покровительствующие гирканскому собачьему племени, помогли

змеенышу оказаться в центре заговора. Граф Троцеро убежден, что лавина степной конницы двинется на запад в день, когда над замком пеллийских герцогов взовьется знамя мятежа.

— Может быть, может быть... — пробормотал Конан, отходя к окну, — вечером, барон, я хочу услышать подробности этой истории.

— Да, мой король, — поднялся со стола Ройл.

Он покачнулся и оперся рукой на плечо Хольгера.

— Кажется, что для войны с гирканцами Золотому Льву нет смысла трястись в седле до самой Вендии.

— Ты прав, старый хитрый лис. Хвала Крому мир еще не настолько похож на трухлявый пень, чтобы в нем перевелись бунты, мятежи и заговоры. Иногда я думаю, что без Стигии и гирканских государств все королевства Хайбории давно бы выродились и исчезли с лица земли.

— Пожалуй, да. Малочисленные боссонцы, гандеры и крепкие жители северной Немедии излишне надежно охраняют покой жителей величайших держав от столь же малочисленных пиков, нордхеймцев и гм... киммерийцев. Пираты и разбойники почти повывелись, так что хвала Митре: пока есть гирканцы и стигийцы, у солдат будут деньги на вино и продажных девиц.

Глава восьмая

Четверть столетия назад командир наемников Диго был бы одним из многих в хайборийском мире искателей приключений, рука которых лучше удерживает эфес меча, чем перо или счеты рыночного торговца. Однако в нынешнее мирное время он был одним из последних представителей сего славного племени. Как водится, он любил женщин, вино и азартные игры, предпочитая этим нехитрым развлечениям только хорошую драку. Больше всего он ненавидел нынешних королей, сделавших войны редчайшим развлечением, за которым Диго вынужден был гоняться, как за ускользающей тенью. Время, когда он мог выбирать, в какую свару ему влезть: грузить ли свой отряд отборных головорезов, проклятыми жителями десятка государств, на галеры, дабы под корсарским флагом опустошать побережье своего родного Аргоса, или в конном строю следовать в Шем, где гремела очередная междуусобица, а то и вовсе оставаться в Зингаре, ожидая, когда война сама придет к нему в обличье очередного претендента на престол с купленной на ближайшем базаре родословной, или стать спутником залетного морского тана из Ванахайма, решившего навестить на паре-тройке дракаров Черные королевства, чтобы сбыть затем живой товар на невольничих рынках Стигии, давно миновало.

Лихие беспокойные денечки, когда золото и недобрая слава изливались на наемную дружину нескончаемым потоком, ушли в песок Золотого Века хайборийской цивилизации, нежащейся в просвещенном покое. Старые вояки оседали на земле, обзаводясь сварливыми женами и выводком сопляков, для которых, напившись вдоволь вражьей крови, строгали из податливой древесины фигурки коней и собачек. Пираты заводили поместья и принимались выращивать экзотические растения в оранжереях при роскошных особняках. Не счастье стало ударившихся в замаливание грехов некогда славных воров и охотников за людьми.

Одноглазый Диго пока держался. Удачливый командир, он был еще наблюдательным малым, обожавшим свое ремесло и беспокойную походную жизнь. Добытые во множестве походов богатства он старательно и быстро спускал на шумных гульбищах, расшвыривая остатки на рыночных площадях, словно вельможа, решивший после дикой попойки раздать состояние нищим и убогим, дабы обратиться к милости светлых богов. Из отряда мгновенно изгонялись те вояки, кто укладывал монеты и камешки в полотняном мешке или деревянном сундучке под голову, — такие норовили у походных костров распустить сопли, вздыхая о тихой жизни и сетя на судьбу, а потом, в ближайшей живописной деревеньке, уйти вслед первой же юбке, да еще сманить с собой пару-тройку грозных псов войны.

Кроме того, Диго раз и навсегда зарекся продавать свой меч Аквилонской или Немедийской Короне — платили могущественные владыки прекрасно, предпочитая охранять границы наемной ратной силой, однако долгое гарнизонное сидение, отягощенное бездельем и звоном изрядного количества монет, медленно, но верно подтачивало боевой дух. Наемники обрастили на месте семьями, огородами, приятными знакомыми — глядишь, а меч уже покрылся бурьими пятнами ржавчины, отвисло брюшко, дорожный мешок заброшен где-то в сарае, погребенный под заготовленными к зиме бочонками с квашеной капустой и вареньем. Затем шустрые королевские дознаватели при полном безразличии порубежников заламывают руки и увозят в столицу офицеров, прознав про их прошлые подвиги на большой дороге или в рядах некогда многочисленных мятежников, а лагерь вольной наемной дружины, окруженный какими-то салями, складами и хранилищами, становится обычным

пограничным гарнизоном богатого королевства. Так из жизни ушли славнейшие дружины великих наемников, на опыте которых учился сам Диго, по крохам постигая нелегкую ратную науку.

Приглядевшись и принюхавшись, куда дует ветер просвещенного века, Диго повесил нескольких аквилонских и немедийских вербовщиков, недрогнувшей рукой выбросил в пропасть мешки с коварным королевским золотом и, прогнав из отряда недовольных, откочевал в Офир, где шла развеселая гражданская война. Постепенно вокруг непреклонного аргосца собирались последние псы войны — стая отпетых мерзавцев. Слава о кровавых подвигах свирепой ватаги наемников была столь громкой и разошлась так далеко, что ни один авантюрист из аристократов, всерьез претендующий стать монархом, не рискнул бы принять их на службу, боясь гнева Митры и иных благих существ высшего мира. Ни один законный правитель не доверил бы отряду Диго жизнь своих подданных и свою казну, опасаясь гнева людского.

Волков-наемников гнали отовсюду, везде они стали изгоями. Аргосец всерьез подумывал, не податься ли ему за море Вилайет. В степях гирканцев, как и встарь, царили знакомые и приемлемые Диго законы меча и кинжала, оставались Вендия и Меру, а дальше — таинственный и легендарный Кхитай. Наемнику не хотелось верить, что человечество вдруг скопом, повсеместно кинулось петь псалмы, пахать и сажать сады.

Посланец Ордена Блистательных нашел вожака волков, скрежещущего зубами от бешенства, — поутру из отряда ушли старейшие его члены, близнецы-братья из Бритунии, внезапно-воспылавшие нешуточной страстью к торговому делу. Диго как раз думал, не нагнать ли ему хауранского торговца, сманившего лучших лучников — смешно сказать, — посулив им места приказчиков, и не перерезать ли ему жирную глотку.

Переговоры с немедийским дворянином оказались недолгими, сборы — еще короче. Сотня наемников шла в сторону замка пеллийского Мастера Блистательных столь стремительно, словно впереди их ждали сокровища всех царей земных, а сзади полз мировой змей Сет.

— Что ж, в худшем случае это будет славная война: Немедия и Аквилония — это не шуточные противники, — вслух бормотал аргосец, покачиваясь в седле, — в лучшем мы и впрямь создадим новое королевство. Уж если суждено и мне покинуть Большую Дорогу, то только ради владения герцогством или баронством... Впрочем, кто мне помешает мечом проложить путь к трону и возложить на седую голову королевский венец. В конце концов, Золотой Лев Аквилонии, сказывают, тоже из наемников. А что: Диго Первый звучит гораздо лучше, чем Кровавый Диго, или Безголовый.

Когда волки Одноглазого Безумца переправлялись через реку Красную, стараясь укромными тропами миновать гарнизоны мощнейшей Аквилонской армии, к замку Ордена Блистательных стягивались и другие участники будущего мятежа. Под видом безобидного бродячего цирка ехали по немедийскому тракту тридцать черных, как ночь, выходцев из Дарфара, везя в клетках восемь тигров-альбиносов, которых еще котятами кормили человечиной. Клетки, размещенные на длинной телеге с тремя десятками колес, напоминавшей издали гигантскую сколопендру, тащил громадный слон, восхищая детвору придорожных деревень. Опытный офицер, знакомый с методами ведения войн на юге континента, безошибочно распознал бы в аляповато раскрашенном, с колокольцами и бумажными цветами по бокам деревянном ящике на спине слона боевую башенку для лучников. Но для такого сообразительного и зоркоглазого великан-погонщик, разодетый под

базарного фокусника, вез на поясе, расшитом речным жемчугом, внушительный мешочек. Содержимое его могло навести на некоторые размышления и почитателя Асуры, видевшего хоть одним глазком сокровищницу своего бога, но таковой на пути каравану не повстречался.

Примерно в то же время из Нумалии по дороге к Бельверусу и далее, к пограничному перевалу, тронулся свадебный кортеж, везущий, как было указано в охранной грамоте, дочку богатого купца в жены никому не известному племяннику младшего отпрыска герцога пеллийского. Паланкин сопровождало четыре дюжины великолепно вооруженных всадников — по виду выходцев из Заморы, но на гирканских скакунах, в доспехах из Хаурана и с традиционным вооружением горцев северной Вендии. Если бы некто, избежав пристального внимания телохранителей, заглянул под роскошные покрывала красавицы, прикрывающие ее от ступней до головы, то он, к своему изумлению, обнаружил, что невеста имеет толстые кривые ноги, горб, кудлатую бороду и совершенно зверовидную физиономию, прекрасно известную стражам порядка города воров Аренджуна. Если аргосского наемника прельстила не столько плата, сколько возможность завладеть еще не существующим троном, то знаменитого грабителя и наемного убийцу согревала мысль, что он благодаря мятежу окажется в непосредственной близости от храмовой сокровищницы Асуры. А в деле обращения с подобными ценностями он был непревзойденным специалистом, последним из живых членов Гильдии Ночных Принцев. Уж он-то был наслышан об исчезновении нескольких невзрачных повозок из идущего в Пуантен каравана богомольцев. Донесший ему об этом событии человек, наблюдавший за тем, как в ворота пеллийского замка въезжают груженные баснословными богатствами подводы, одетый в рубище и с клюкой в руке, теперь ехал поодаль от паланкина «невесты», поглаживая костяную рукоять огромного горского ножа, заткнутого за алый кушак. Ни гордой осанкой, ни надменным взглядом он ничуть не напоминал того жалкого попрошайку.

Седмицу назад в ущелье, в котором берет начало река Хорот, у самых восточных границ Гандерланда лесничий одного аквилонского барона, остановившийся, чтобы напоить коня, готов был поклясться, что увидел десяток самых настоящих пиктов. Как оказались на северо-востоке Аквилонии полуторальные размалеванные дикари с перьями на головах, лесничий, не будучи членом братства Блистательных, в отличие от своего хозяина, не знал.

— А говорили — вино «приятное на вкус и легкое, не туманит голову»! — воскликнул лесничий, забрасывая в кусты порожнюю баклагу.

Однако прилетевшая из зарослей, где скрылись пикты, самая настоящая стрела с каменным наконечником, что вонзилась в древесный ствол у самой его головы и затрепетала, убедила слугу барона в том, что промелькнувшие на вершине холма тени — не пьяный бред. Сломя голову лесничий примчался в поместье своего господина, дыша перегаром и крича о нашествии дикарей, где и получил от дворецкого удар стилетом меж пятых и шестым ребром.

Господин его, один из влиятельнейших в Ордене вельмож, отбыл из своих владений и находился сейчас как раз среди этих самых пиктов. Барон еле смог утихомирить едва не начавшуюся свару в воротах пеллийской твердыни, когда туда, кроме его диких, отнюдь не бескорыстных союзников, попытались пройти семь или восемь гандеров в знакомых любому варвару кожаных куртках и с длинными ясеневыми копьями на плечах. Самому Торкилю пришлось спешно мчаться к порогу своего убежища, чтобы предотвратить вспышку вековечной вражды, чуть не стоившей жизни указанным друзьям Ордена и боссонским стрелкам, что при виде извечных своих врагов выхватили ножи, спрыгивая с трех

подъехавших телег.

По сравнению с вечно готовыми вцепиться друг другу в глотки жителями западных дебрей, три немногочисленные группы северных варваров, угрюмых, как скучая природа киммерийских пустошей и заснеженных равнин Нордхейма, являли собой образец воинской дисциплины: прошествовав мимо возбужденно оравших взаимные оскорблении «южан», они мирно расположились прямо на каменных ступенях центральной башни, оглаживая бороды после долгой дороги.

Шестеро низкорослых жителей Гипербореи не обратили на приход своих давних противников никакого внимания, таращась на пятерку громадных, самого устрашающего вида псов, в шипастых ошейниках и кожаных куртках с нашитыми бляхами. Собак как раз кормили неразговорчивые тонкокостные люди, в которых по меховым плащам и высоким шнурованным сапогам можно было опознать кочевников из тундры с севера моря Вилайет, не признающим никакую власть, кроме власти золота и своих странных Безымянных Богов.

Одноглазый Диго еще знал, каким сбродом мятежников ему предстоит командовать через несколько дней. Он недавно расположил свой отряд на привал в тщательно выбранной укромной лощинке и, отойдя от костров, шагов на двадцать вглубь, бездумно смотрел на яркую россыпь звезд в небе над Аквилонией, любовно поглаживая навершие меча.

Ночная прохлада остудила простенькую, без рукавов и ворота кольчугу, приятно холода тело после дневного перехода в жаре и пыли. Подкольчужную рубаху аргосец никогда не носил, подражая кумиру своей молодости — Амре. Забавно, но лихой наемник совершенно не верил слухам, что легендарный корсар, на которого Диго некогда отчаянно старался быть похожим, и король Конан Первый — одно и то же лицо.

«Прохлада, лес, наполненный гомономочных птиц и шорохом мелких хищников... еще пара стремительных переходов — и мы будем в окрестностях замка этого Ордена, как его там... блестящих... сверкающих... а, Сет, какая разница. Потом — веселье битвы, свист клинков, вой раненых и умирающих, слава... как можно променять все это на покосившийся забор, тупое блеянье скота и визг какой-нибудь вислозадой стареющей ведьмы, шляющейся по двору в драном переднике и переругивающейся с брехливым цепным псом? Зря, выходит, я жалел в боях людей, выдумывал какие-то тактические изыски, каких бы не постеснялся и иной маститый полководец, и сам Амра. Жребием многих моих волков могла стать смерть героя, а не жизнь тупого крестьянина или стража чужого добра. Митра, что происходит с мужчинами этого мира? Ей-ей, я вскоре стану чувствовать себя этаким безумцем, что совершенно не скучает без дурацких городов, мягких постелей и тарелок с жирной похлебкой, сидя вот так, с мечом на коленях, в лесной глухии. Раб, прикованный к веслу галеры, по крайней мере, может мечтать, что от его пота и крови цепь рано или поздно проржавеет и можно будет перегрызть глотку надсмотрщику, спрыгнуть за борт, поручив свою судьбу милости Митры и Хозяина Морей. А о чем может мечтать Логр, по прозвищу Топор, ставший мельником где-то в Хорайе, у которого жена нарожала десяток полуживых щенков, а сама изменяет ему напропалую с гончаром. Говорят, Логр мрачно пьет, не решаясь пристукнуть гончара из опасения, что, видите ли, «потеряет лицо», и у него перестанут молоть муку мужланы с окрестных клоповников?

Диго ругнулся и потер свой единственный глаз, решив не забивать себе голову чужими заботами. Если мир вдруг встал на голову, это не повод для старого пса войны перестать стоять на своих, хвала Светлым богам, еще крепких ногах. Тут аргосец насторожился, заметив, что ночной шум леса как-то неуловимо изменился. Наемник, продолжая сидеть

столъ же расслабленно, внутренне подобрался и как бы невзначай почесал плечо, неуловимым жестом передвинув меч на коленях так, что теперь его можно было выхватить из ножен одним движением, и прислушался повнимательнее.

Действительно, насекомые продолжали свое монотонное журчание, а вот время от времени горестно вздыхавшая сова что-то давненько замолкла. Могла, конечно, и улететь, в поисках беспечных полевок, но остальные, невесть кем издаваемые, шумы явно попретихли. Вот хрустнул сучок под неосторожной ногой, вот — дрогнула ветка в десятке шагов, бестолково метнулся меж кустами встревоженный еж.

Мысленно обругав себя за беспечность последними словами, Диго медленно приподнялся, готовый при хлопке тетивы мгновенно отпрянуть за могучий древесный ствол.

В просвете меж деревьями явственно было видно какое-то движение. Вот темная фигура отделилась от дрожащих в лунном свете деревьев, приобретая вполне человеческие очертания, и двинулась в сторону Диго.

— Кажется, один, оружия на виду не держит, — тихо сказал себе наемник, решив до поры-до времени не поднимать спящих и не тревожить часовых.

Меч его с еле слышным шорохом покинул ножны. Незнакомец остановился, видимо заметив, как побежали по широкому старомодному клинку блики лунного света.

— Мир тебе, воин! — Фигура подняла руки вверх. — Я один и не несу с собой разящего железа.

Незнакомец, похоже, не врал. Диго упокоил меч на его законном месте у левого бедра и не торопясь двинулся навстречу призрачной фигуре. Он любил ощущение опасности, особенно неведомой, а суровая воинская жизнь давно его отучила верить в случайные совпадения и в мирные встречи посреди ночного леса. На незнакомце был длинный, задевающий траву плащ с островерхим капюшоном, опущенным на пол-лица.

«В рукавах может оказаться нож, а из-под плаща он ничего выхватить не успеет. Посмотрим. Кажется, оборотней в здешних местах не видели, да и на шее у меня на этот случай кое-что висит», — подумал Диго.

Незнакомец опустил руки и стоял совершенно спокойно — кисти не шмыгали в широкие раструбы рукавов, волчьей морды или кривых рожек из-под капюшона не виднелось. Вот только выговор у ночного бродяги был южный, какой-то свистящий. По голосу невозможно было определить возраст говорившего. Явствовало только, что перед аргосцем стоял мужчина, и довольно высокий. Плащ же скрадывал очертания фигуры. Диго был приучен к таким штукам и мог определить довольно точно занятия человека, лишь поглядев, как тот двигается. Но гость стоял совершенно неподвижно, только глаза, внимательные, уверенные, блестели в узких прорезях.

— Кто ты такой? На аквилонского разведчика ты не смахиваешь, на заблудившегося в дебрях паломника — тоже.

— Я скромный служитель того существа, которое вы, хайборийцы, не подозревая всей его мощи, именуете Мировым Змеем, — тем же свистящим шепотом проговорил незнакомец. — Я знаю, капитан Диго Аргосский, что ты не относишься к слабоумным, падающим в обморок при одном упоминании Сета... и вряд ли особенно ревностно отстаиваешь службы в храме Митры.

— Это верно, почтенный жрец, — проговорил Диго, делая незаметный шаг назад.

Он знал, что служителю Сета, из посвященных, совершенно не нужен клинок, чтобы лишить человека жизни. Словно случайно споткнувшись, наемник, выпрямляясь, положил

руку на рукоять меча, сразу почувствовав себя более уверенно.

Жрец следил за его уловкой с легкой усмешкой.

— Я прошу гостеприимства. Ты слышал, Диго Одноглазый, что моя вера учит: человек не должен бороться ни с одним своим желанием. Так вот, — не бейся сам с собой и не будь полем боя меж твоим страхом и пустой гордыней — позови часового, пусть сюда принесут факелы. Мне есть о чем поговорить с вождем сильнейшей в вашем мире стаи псов войны. Нет, в лагерь я с тобой не пойду — разговор не для посторонних ушей. Кроме того, мы направляемся в одну и ту же сторону — в пеллийскую твердыню, ты — званым гостем, я — по воле моего хозяина и повелителя.

Диго не нашелся что ответить, повернулся так, чтобы все время краем глаза видеть жреца грозного Змея, и дважды пронзительно свистнул. Вскоре меж деревьями замелькали факелы и фигуры с клинками наголо. Аргосец бросил несколько коротких фраз своим дозорным. Часовые, вкопав на небольшой полянке пару факелов, удалились, расстелив на влажной траве несколько плащей. Жрец Сета, не дожидаясь приглашения, сел и сбросил на плечи капюшон.

Аргосец, усаживаясь, вперил в него внимательный взор, но не увидел ничего неожиданного — бритая голова, лицо — тоже без единого волоска, слегка заостренные кверху уши. Полное отсутствие запоминающихся черт и какого-либо выражения. Только факельный свет плясал в больших и бездонных глазах, да раскинутый кругом темный плащ как-то странно шевелился и подергивался, словно пульсировала под ним до времени скрытая мощь.

— Итак, жрец, тебе нужно объяснить, что ты делаешь близ лагеря моего отряда, какой... гм... Нергал гонит тебя в пеллийский замок и вообще — стоит ли этот разговор бессонной ночи. Я несколько дней на марше, устал, знаешь ли...

Аргосец делал вид, что не замечает странно подергивающейся полы жреческого покрывала, край которой слегка приподнялся, словно змеиная голова из травы, задрожав, как от ветра, хотя щеки Диго не ощущали ни дуновения.

— Ты, хайбориец, можешь называть меня... скажем, Нун. Тебе довольно лишь знать, что я служу великому Сету. И кстати, никогда больше не именуй, при мне его жалкую тень...

— Это старое пугало Нергала? — наигранно весело спросил Одноглазый.

Глаза жреца на миг потемнели, а факелы стали тусклыми, словно свет их втянули две черные воронки, затем ярко вспыхнули. Накидка всколыхнулась так, что Диго невольно отшатнулся, — ему показалось, что на него сейчас налетит недобрый вихрь. Но Нун быстро взял себя в руки и улыбнулся. Странная это была улыбка — при полной недвижности черт одни только губы, тонкие и словно бескровные, шевельнулись.

— Кучка аквилонских и немедийских болванов, ограбив почитателей полузабытого божка и изрядно на этом нажившись, решила устроить небольшой мятеж. Не перебивай меня, будь любезен. Эти ничтожества, мнящие себя вершителями судеб вашего мира, привыкли загребать жар чужими руками — вначале их мелкие поручения выполняла шайка простых грабителей, промышлявших возле торгового тракта на порубежье. Однако те разбойники чрезвычайно обнаглели от полной безнаказанности, и были перебиты аквилонским отрядом. Теперь стая алчных до власти болтунов собирает едва ли не со всего света вольных стрелков и свободные мечи, надеясь, что славный воин, сидящий сейчас предо мной в несколько напряженной позе, станет достойным командиром для новоявленного воинства. История — банальная для бездарной эпохи, царившей четверть столетия назад и

до того. Конечно, нас в Стигии совсем бы не заинтересовала эта возня, если б не одно обстоятельство...

Нун слегка шевельнулся, высвобождая из складок одежды руки. Наемник весь подобрался, словно кот при виде матерого волкодава. Кисти рук стигийца были узкими и длинными, пальцы шевелились, не сгибаясь в суставах, как у нормального человека, а словно извивались белыми червями.

— Не знай, я подробно жизненного пути славного пса войны — обязательно поинтересовался, крепкие ли нервы у моего собеседника.

Аргосец неопределенно хмыкнул, поглаживая верный меч, и заворожено следя за движениями жреца.

Тот же продолжал с кривой ухмылкой:

— У людей, не умеющих управлять своими страстями, от мыслей в некоей магической субстанции, обволакивающей видимый мир, остаются этакие «слепки», «следы»... точнее, уважаемый Диго, я не смогу объяснить непосвященному природу тех видений, что я постараюсь представить твоему неискушенному, без сомнения, взору...

— Чьих мыслей это будут «слепки»... и...

— Продолжай, уважаемый. И — не отвалится ли у тебя вдруг нос, не отклеются ли уши и не случится ли урона твоим мужским достоинствам от моей маленькой магической демонстрации? Отвечаю — никоим образом. А хозяином данных мыслей и чаяний является некая особа, принадлежащая к ныне правящему в одном гирканском королевстве роду, лелеющему мечты о завоевании хайборийских земель. Человек, одетый в несколько странный доспех с двумя саблями, для многих — правая рука главы ордена Блистательных и главарь разгромленной шайки бандитов, для посвященных же — представитель властвующей гирканской особы, талантливый шпион, с которым тебе предстоит столкнуться в пеллийских землях. Итак...

Звуки ночного леса словно отдалились, звучали сейчас для аргосца где-то на грани восприятия. Свет факелов стал мертвенно-желтым — казалось, его рождало не пламя, а тление гнилушек. Посреди разбросанных плащей стали сгущаться тени, воздух дрожал и вибрировал, расходясь, от прступающего из ниоткуда черного шара, тугими волнами.

Наемник испытал что-то похожее в ранней юности, когда по приказу своего тогдашнего атамана нырнул, дабы... освободить зацепившийся невесть за что якорь, и запутался в придонных водорослях. Все вокруг давило и колыхалось, в груди тысячами острых когтей скреблась смерть, перед глазами возникали и лопались разноцветные пузыри.

Нун, уставив руки на живой сгусток тьмы, был недвижим, словно сам стал выточенным из камня. Внутри клубящейся черноты стали прступать отдельные смазанные картины. Диго пригляделся. Он видел на одинокой скале громаду замка из неотесанного дикого камня. По замшелым валунам струились зелеными напльвами плющ и дикий виноград. Меж скалящимися в небо зубцами сверкали доспехи. Слышались неясные крики и лязг оружия.

Словно из-под земли раздался глухой безжизненный голос стигийца:

— Это пеллийская твердыня. Ты видишь скорое будущее... Еще одно мгновение... вот, на угловой башне — это ты. Под стенами — аквилонское войско.

Диго с изумлением разглядел себя, сидящего на бочонке и раздающего какие-то команды суетящимся вокруг него воинам. Странно было видеть себя со стороны — у аргосца пересохло во рту, и закружилась голова.

Картина в черном шаре прояснилась и надвинулась. У замка, без сомнения, шел

жестокий бой — ворота его были распахнуты, и к ним стремились, отстреливаясь на ходу, конные и пешие арбалетчики — судя по доспеху и одежде, собранные со всех концов обитаемого мира. За ними двигалась стройная штурмовая колонна аквилонцев в несколько десятков копейщиков.

Колонна явственно нацелилась с ходу, вслед за отступающими защитниками замка, ворваться в укрепление на плечах бегущих. Рассыпанные вокруг плотного строя копейщиков лучники постоянно обстреливали стены замка, не давая высунуться стрелкам Диго. В поле зрения показалась еще одна колонна и группа всадников. Тем временем, из ворот замка выскочил десяток воинов, размахивая мечами, и устремился по подъемному мосту навстречу копейщикам.

Во главе их несся высокий воин в чешуйчатой кольчуге и глухом шлеме, имитирующем змеиную морду. Он первым, с неистовой быстротой вращая вокруг себя два изогнутых клинка, врубился во вражеский строй. Это была самоубийственная атака, произойди она на открытой местности — редко кому удавалось прорвать сомкнутый строй гандеров, тем более имея столь малое число воинов. Однако схватка произошла у дальнего от замка конца подъемного моста — большинство аквилонцев топталось слева и справа от узкого деревянного настила. Меж тем последние арбалетчики скрылись в зияющей пасти ворот — гирканский шпион, как его отрекомендовал Нун, выиграл несколько драгоценных мгновений. Диго не мог не восхититься его несомненным мужеством и воинским искусством — сухой ров под мостом был завален трупами, но защитники замка так и не попятались.

В ближнем бою длинные копья гандерланцев оказались бесполезными. На мосту буквально шла резня — грудь в грудь, там уже не было места для замаха мечом — в ход пошли ножи, кинжалы, локти, колени, даже зубы. Диго видел, как сбитые с ног противники — раненый аквилонец и голый по пояс шемит, обняв друг друга в последнем смертельном объятии, полетели в ров, обагренные кровью друг друга.

Наконец на башне прозвучал сигнал рога, и обороняющиеся бросились наутек в сторону захлопывающихся створок ворот. Последним, как до того — первым, вновь оказался воин в змеином шлеме — он пятился, отмахиваясь саблями и прикрывая спины своим воинам. Он змеей проскользнул в узкую щель, и окованные створки с жутким лязгом захлопнулись пред самым носом аквилонцев. В следующее мгновение на головы преследователей посыпались камни и полетели стрелы — мост в мгновение ока окрасился кровью. Затем в недрах замка привели в действие хитрый механизм, и мост стал подниматься. Хвост колонны успел вернуться на свою сторону, хотя многие попадали в ров, но большая часть оказалась сдавленной меж поднимающимся на могучих цепях настилом и воротами. В образовавшуюся кашу без промаха рухнули кувшины, наполненные горящей смесью, некогда бывшей едва ли не главной причиной головокружительных успехов аргосского флота. Из расколовшихся глиняных горшков исторглись жадные языки пламени, которое въедалось в кожу, обугливая ее до костей, проникало в малейшие щели в доспехах — это было страшное зрелище. Ко времени, когда подъемный мост поднялся вертикально, на площадке, шириной в пять шагов, меж ним и закопченными воротами не осталось ни одного живого человека.

Тем не менее, аквилонское воинство, видимо, взялось за штурм замка всерьез — еще, по меньшей мере, десяток колонн разглядел Диго, когда стигийская магия несколько отдалила его взгляд. Теперь все поле боя было видно с высоты полета ястреба. Меж отрядами пехоты мелькали всадники и идущие россыпью боссонские лучники, в головах колонн несли перекидные мостики, лестницы и прочие штурмовые приспособления. Раздался

характерный надсадный вой, похожий на крик обезумевшего от страха осла, когда два десятка катапульт осадной армии обрушили на защитников замка тучи камней и медных шипастых шаров. Диго опытным глазом оценил ситуацию и понял, что замку осталось держаться недолго — слишком малочисленными были защитники. Вновь послышался голос стигийца:

— Непрекращающийся штурм был... вернее, будет долгим. Под стенами замка жернова судьбы размолотят цвет Аквилонской армии, не готовой к столь яростному и грамотному сопротивлению... А вот — и новые игроки...

Внезапно отряды штурмующих, находясь в нескольких десятков шагов от рва, замерли: всадники, без сомнения осуществляющие связь меж частями аквилонского войска, замельтешили меж сверкающих броней прямоугольников пехоты и шатром командующего.

Теперь Диго видел поле боя с еще большей высоты, из-под самых облаков. Замок стал для него небольшой серой коробочкой — отдельных людей было не разглядеть, лишь крупные отряды смешались к югу, по полю, кое-где усеянному редкими рощами.

А с юга на аквилонцев накатывалась гигантская волна конницы, за ней еще одна и еще. Словно дикие леса исторгали из себя полчища разгневанных лесных духов.

Нун что-то проговорил, но аргосец не разобрал отдельных слов, только черный шар словно поглотил наемника, и Диго оказался в самом центре атакующей кавалерии. Это, несомненно, были гирканцы: искривленные сабли и ятаганы, копья с бунчуками из волчьих и лисьих хвостов, черно-багровые знамена, неистовый визг и полное отсутствие воинского строя говорили сами за себя. Сколько же их тут? Словно песчинок в море или мошки над болотом — океан, готовый проглотить редкие островки аквилонского войска...

Эта картина была настолько реальной, что Диго ощущал себя несущимся на разгоряченном скакуне, а пыль из-под копыт всадников, скачущих впереди, била ему в лицо, вместе с запахом конского пота, уши рвал визг атакующих и дробный перестук копыт, от которого, кажется, вот-вот рухнут небеса. Но вот все погасло перед глазами аргосца. Исчез пеллийский замок, колонны гандеров и боссонцев, тщетно пытающиеся выстроить новую боевую линию навстречу внезапно появившемуся врагу, штурмовые валы восточной кавалерии...

Теперь он словно воочию видел карту южных окраин Аквилонии — только карта была рельефной, живой — какие-то точки двигались по изогнутым ниточкам дорог, шевелились под порывами ветра зеленые леса, реки странно выделялись, будто вены, пропустившие на теле некоего гиганта, улегшегося на земную поверхность. Вряд ли кто из смертных, исключая вознесенных живыми в иные миры и колдунов, видел мир с такой высоты.

У Диго перехватило дыхание от удивительной пугающей красоты. Но тут же он вздрогнул, разглядев огромную накатывающую волну тьмы, — это неисчислимые полчища степной конницы захлестнули южные пределы Аквилонии. Казалось, гигантский спрут прополз через пустыни Кофа и поля Офира, и каждое щупальце чудовища — тысячи и тысячи закованых в броню беспощадных гирканцев, нащупало свою дорогу и вползало в тело беззащитного королевства, чья армия оказалась пойманной под стенами пеллийского замка или разбросана по множеству крепостей и гарнизонов.

Затем волшебный шар показал целую череду видений. То это был шатер гирканского вождя, то аквилонский бивак, башня крепости, над которой вилось знамя с Золотым Львом, королевские покои в Тарантии, группа всадников, летевшая в туче дорожной пыли к гавани, где на лазоревой воде покачивали золочеными носами боевые галеры под алыми парусами. И

везде, где находились полководцы, вельможи или владыки хайборийских земель и воинства, появлялись неясные темные пятна, таившие молчаливую угрозу. Эти тревожные призрачные тени, в которых без сомнения скрывались хладнокровные убийцы, совершали свою безжалостную работу, отгородившись от магического зрения аргосца невидимым щитом.

— Хватит! — Словно гром или удар бича, голос стигийца вывел Диго из зачарованной грэзы.

Наёмник застонал и, схватившись за голову, растянулся на плащах. Когда дурнота и боль исчезли, аргосец медленно сел. Вокруг, как и раньше, шумел лес. Кое-где стволы деревьев порозовели, свет факелов стал незаметнее на фоне первых лучей зари, пробивавших себе путь сквозь густую листву. Магический шар бесследно исчез, только Нун по-прежнему неподвижно сидел напротив. Плащ его перестал шевелиться, не напоминая более трепещущие крылья демонической твари, прокравшейся в видимый мир из мрака и безвременья.

— Ты и так увидел достаточно, хайбориец. Вглядываясь дальше в магические зеркала Сета, ты рисковал лишиться рассудка.

— Что значат эти видения и мороки? — хрипло спросил командир наёмников, тщетно борясь с дрожью в голосе.

— Зеркала показывают будущее. Вернее, тот ход событий, который следует из мыслей и поступков, схваченных жрецом в несколько черных кристаллов... — Нун прервал сам себя и продолжил чуть погодя, уже скороговоркой: — Впрочем, тебе ничего, кроме смущения ума, не даст мое объяснение. Скажем так — ты видел ход событий, которые могут быть вызваны к жизни твоим вступлением в пеллийскую твердыню и действиями уже упомянутой особы из дворца гирканского королевства. Однако ход событий в реальном мире может быть изменен сотней других сил и вмешательств.

— Не морочь мне голову, жрец, — Диго уже почти пришел в себя, — говори ясно, правильно ли я понял это видение: орден Блистательных, сам того не ведая, притянет к себе значительную долю аквилонской ратной мощи и послужит своего рода приманкой.

— Ты быстро соображаешь, хайбориец, — с ноткой явственного пренебрежения к варвару проговорил стигиец. — Когда же часть войск Золотого Льва окажется перемолотой на пеллийских полях, капкан, оставленный гирканцами без ведома Блистательных, захлопнется — полки кочевников, совершив стремительный переход, обрушатся на запад с невиданной доселе силой.

— Теперь я начинаю кое-что понимать. Вам, стигийцам, изрядно поприжал хвост в былые времена Конан-киммериец. Вы потеряли всякую власть над хайборийскими королевствами. Однако, как я слышал, недавно вы снова стали подымать голову...

— Ты слышал верно, наёмник. Сет — существо извечное, отнюдь не состоящее из грубой материи этого мира. Его никак не могут победить стальные мечи или полуграмотные бормотания почитателей Митры и Асуры.

Видно было, что жрец страшно обозлен упоминанием о ряде поражений, понесенных стигийцами от Конана, однако аргосец был нужен жрецу, и он воздержался от гневных речей. Тем временем Диго продолжал, внимательно следя за реакцией собеседника:

— Вам на руку военное поражение Аквилонии и разорение степняками иных хайборийских королевств, но вы не желаете усиления и без того прытких владык восточных империй. Посему, зная, что я приглашен возглавить армию Ордена Блистательных, вы бы хотели...

— Мы хотим, чтобы мятеж состоялся, — всякие беспорядки в хайборийских землях угодны нашему властелину, а иметь в боку Аквилонии и Немедии такую занозу, как новоиспеченное мятежное королевство, — знамение судьбы. Однако, как ты прозорливо заметил, гирканским псам нечего делать в наших охотничих угодьях. Это одна из причин, по которым я говорю с тобой в этом лесу.

— Ясно. Но как я остановлю полновесное вторжение Турана... или — Иранистана... Впрочем, войска любого из них. Судя про предоставленным мне сведениям, под моим командованием будет пара тысяч наемников и солдат замкового гарнизона. Ну, пару-тройку тысяч приведут Блистательные из знатных родов Аквилонии и Немедии. Весь расчет был на то, что подкупленный немедийский Военный Совет затянет вмешательство, а дряхлый Конан разобьет себе лоб, кидаясь на замковые стены с парой-тройкой полков. Но теперь... Поверь моему опыту — если войска, в моем видении окружившие замок, не бред, они раздавят мятеж, словно слон мууху.

— Уже утро, тебе скоро выступать — не дай то Великая Тьма, вдруг на отряд наткнется какой-нибудь из аквилонских дозоров. Скажу кратко. Конан действительно кинется на твоё воинство с малой горсткой своей гвардии — тут он и найдет свою ожидаемую многими бесславную кончину. Немедийский Военный Совет действительно не будет торопиться вмешиваться в дрязги в глухом пограничном герцогстве. А пока Конн и Троцеро решатся оставить столицу, которая всколыхнется после смерти Золотого Льва, кто знает, может под знамена Блистательных и сбежится так много жаждущих передела мира баронов, что Аквилония смирится с потерей пары-тройки провинций. Армия, которую ты разглядел в видении — как и гирканские полчища, — лишь чаяния одного, не слишком умного восточного владыки. Он привык, что поблизости от моря Вилайет мятежников в мгновение ока стирают в порошок, на страх всем обитаемым землям. Основные силы аквилонцев, если они и двинутся из Тарантии к пелльским землям, то не ранее чем через полгода. Много, очень много золота из сокровищницы Асуры ушло к пиктам, в Нордхейм, в Пограничное королевство — для армии Аквилонии хватит и иных занятий помимо подавления, как решат в Тарантии, заурядного бунта в жалкой пограничной провинции. А уж с поглутившим стариком Конаном и сотней гвардейцев ты справишься. Теперь насчет восточного нашествия. Сет нашептал мне в уши, что некий командир наемников, уставший кочевать и драться в мелких гражданских войнах, не прочь встать у кормила одного новообразованного государства с армией из псов войны и с подвалами, забитыми ворованным золотом...

— «Следы мыслей», уважаемый Нун? — недобро спросил Диго.

— Не думаю, что этому славному воину следует немедля хвататься за меч, — с Блистательными и Торкилем я не жажду откровенничать. А что до будущего развития событий... в будущем Стигии понадобится сильный и решительный союзник в хайборийском мире. Я готов помогать тебе сейчас, а в случае избавления от восточной угрозы помочь возрастет стократно. Запомни: быть обласканным служителями Сета-владыки — завидная участь для варвара.

— Это кто еще варвар, уважаемый Нун, — проворчал оскорбленный Диго, весьма кичившийся происхождением от аргосского благородного рода, берущего свое начало из тьмы веков, с пришествия хайборийских орд с заснеженных равнин севера.

Кстати, Мастер Торкиль, зная о хайборийских корнях Одноглазого Диго, именно поэтому и решил доверить наемнику место главнокомандующего силами Ордена, отбросив кандидатуру Хвата и некоторых других братьев.

— Неужели жалкие домыслы и наивный мистицизм Блистательных уже настолько сильно овладели острым умом пса войны? — насмешливо спросил стигиец.

— Я воин,уважаемый, а не жрец. Мое дело — побыстрее убраться со своим отрядом из окрестностей, где полно аквилонских гарнизонов, а ты меня, задерживаешь. Нет, сведения твои чрезвычайно ценные, намеки — приемлемы, как и помощь. Я не принадлежу к стаду ханжей, при одном имени Сета падающих в обморок, и приму всякую помощь, от кого бы она ни исходила. Однако время выступать, а ты ничего еще не поведал о гирканских полчищах, как я понял, ждущих одного лишь сигнала, чтобы затопить поля Кафа, Офира и Аквилонии.

Одноглазый Диго вскочил, повернулся спиной к своему лагерю, откуда уже раздавались голоса готовящихся к выступлению воинов, и, приложив ладони ко рту, издал великолепный ястребиный крик, с которым величественная птица облетает свои охотничьи угодья, распугивая врагов. Нун следил за его действиями без всякого выражения. Он поднялся, накинув на голову капюшон, когда из-за кустов появились два наемника, принявшихся уничтожать всякие следы человеческого присутствия на поляне, где происходила ночная беседа.

— В тебе говорит опытный воин. Действительно, мы несколько заговорились, а лагерь аквилонцев у реки Красной в пяти полетах стрелы отсюда. Я некоторое время пойду вместе с твоим отрядом... но...

— В моей маленькой армии не принято интересоваться попутчиками командира. Народ битый и терпкий, знает, что у меня множество мелких помощников — шпионов, соглядатаев, торговцев оружием, контрабандистов и прочих лихих людей, за одного из которых ты, жрец Сета, не в обиду будет сказано, и сойдешь. Продолжим нашу беседу в пути.

И Диго в сопровождении стигийца направился к своим воинам. Ему было не впервые проводить бессонные ночи после изнурительного похода, но в этот раз голова его наливалась какой-то особенной тяжестью. Кроме того, начал болеть давно утерянный глаз, что обычно предвещало резкую смену погоды.

Однако после звездной мягкой ночи на светлеющем небе не было видно ни облачка. Нун спокойно шел рядом с ним, показавшись оглядевшим его наемникам именно тем, кем его представил безразличным тоном Диго — «соглядатай из местных» — затем встрепенулся и беззвучно засмеялся.

— Я так мало общался в последнее время с простыми смертными, что кое-что подзабыл. Хвала предусмотрительным храмовым служкам! — И он извлек из-за пазухи полотняный мешочек, вытряхнув на белую ладонь несколько пряно пахнущих корешков. — Уважаемый Диго, приношу свои извинения. После сеанса... гм... после нашей ночной беседы тебе следует пожевать один из этих корешков. Тогда силы твои восстановятся, а некоторые неудобства, которые ты сейчас испытываешь, пропадут без следа.

Аргосец подозрительно осмотрел корешки, понюхал их, подбросил на ладони, затем, пожав плечами, кинул в рот. Вкуса он не почувствовал, лишь небольшую горечь во рту, да в нос шибанул мятный дух.

— Сет свидетель, я не стал бы отравлять столь достойного человека таким жалким способом. Итак, вижу, отряд твой готов к выступлению, и я продолжу свою мысль.

Диго отдал необходимую команду, и, выждав, пока головной дозор и боковое охранение исчезнут из виду, длинная колонна псов войны двинулась по узкой звериной тропке вглубь Аквилонии. Нун говорил тихо, чтобы его не слышали шедшие рядом воины, однако Диго

прекрасно его слышал, равно как и осторожные шаги своих дозорных, кравшихся в глубине чащи, и крики птиц в утреннем небе, летевших так высоко, что казались частицами взметенной пыли.

«Корешки-то что надо. И глаз дергаться перестал», — безразлично подумал Диго, слушая стигийца. Тот, едва шевеля бескровными губами, говорил:

— Гирканцы не раз испытывали на себе силу аквилонского оружия. Несколько поражений они потерпели не так давно, уже при владычестве Конана, будь имя его навеки проклято в обитаемых землях. Посему они выступят в этот рискованный поход, лишь дождавшись сигнала своего змееныша, о том, что мятеж обрел серьезную силу, и в Тарантии начались волнения среди аристократов, недовольных засилием варваров с севера, а Конан погиб под стенами пеллийской твердыни. Таковой сигнал может и не последовать, не правда ли?

— Теперь, когда я кое-что знаю, вряд ли он последует, будь этот Хват хоть... самой большой змеей после Сета, — пробурчал Диго, глотая горькую слону с остатками чудодейственного корня.

Нун, казалось, не заметил непочтительных слов, и продолжал:

— Орден Блистательных уповаёт не только на силу наемных мечей в своем грядущем противостоянии Золотому Льву и Немедии. Торкиль Пеллийский, вне всякого сомнения, наткнулся в записях своего отца на некие магические силы, вернее — на доселе неизвестные колдунам этого века ключи к магическим силам, в объяснении природы которых в тупик зашли лучшие некроманты Стигии.

— Даже так, уважаемый Нун? Я-то слышал, что против ваших колдунов остальные — просто букашки.

— Ты слышал истину, уважаемый Диго. Речь идет не о чародействе, как таковом, а, насколько я могу судить, о потаенных силах из темных недр мироздания, в течение ряда столетий не имеющих сношений с сынами человеческими. Посему в анналах известного тебе братства чтущих Змея и не нашлось указаний, что могли разъяснить события; происходящие вокруг пеллийского замка.

— Каких-таких событий? — раздраженно спросил Диго, начинавший раздражаться от заумных фраз, не проясняющих сути дела.

— Узнав, что за обычным аристократическим мятежом, пусть с далеко идущими замыслами и серьезным золотым запасом, стоит второй план — гирканское вторжение в хайборийские земли, наше братство, нашупав человека, скрывающегося под маской главаря разбойников, попыталось устраниТЬ его... одним простым, но весьма надежным способом. Однако посланного демона на подлете к замку развеяло над Совиной Горой в клочья, которые не удалось собрать весьма сведущим колдунам. Ответный магический удар был такой силы, что свел в могилу преемника знаменитого Тот-Амона и выбросил троих жрецов, связанных «цепью тьмы» из видимого мира. На такое способны лишь некоторые демонические существа, но об их проникновении в наш мир стало бы заранее известно всем посвященным. Пресловутые Белые Колдуны даже в лучшие годы, пока они не занялись врачеванием убогих и ярмарочными фокусами для детишек, всей своей сворой вряд ли сумели бы сбить со следа Звездного Скитальца. Остается подозревать гирканцев — именно их шпион оказался под такой обескураживающе грубой, но весьма действенной защитой. Но выжившие из ума шаманы к востоку от моря Вилайет не способны на подобное. К тому же магический удар такой силы должен был оставить специфический «слепок» в ткани

миrozдания, а такового не обнаружено.

Стигиец помолчал, видимо, размышляя о непонятных аргосцу деталях высшей магии. Затем рассказ возобновился:

— В Аквилонию послали наемных убийц. Мне достоверно известно, что, по крайней мере, трое из них, легко отправлявших к Сету весьма охраняемых владык Черных королевств, Вендии, Меру и Шема, достигли замка и устроились там в стражу герцога. Подчеркну — в разное время, независимо друг от друга. Однако змееныш до сих пор жив, а члены братства Сета из Птейона третью луну не могут дотянуться даже до теней посланцев на Серых Равнинах. Словно их скормили обитателям Мировой Бездны у корней мира.

— А может, так и было? — спросил аргосец.

— Глупец! — едва не вскричал разгневанный стигиец, и Диго впервые услышал что-то человеческое в его голосе. — Уж под самым носом Сета, да простятся мне эти слова, никому не укрыть его верных слуг!

— Что-то я начинаю сомневаться в вашем могуществе, любезный Нун. То вы всем своим Черным Кругом не могли три десятилетия справиться с Конаном, а ваш Тот-Амон так и сгинул от его рук, а теперь какой-то гирканский выползень с Совиной Горы уничтожает ваших волшебных посланников, словно хороший лучник куропаток в перелетные дни. — Диго болтал без всякого умысла, как принято болтать у вояк в походе. Неважно о чем, лишь бы дорогу скротать. Невозмутимый же стигиец от одного упоминания позорного провала всех тот-амоновских заговоров был буквально вне себя.

— Тот-Амон оказался глупцом. И в Стигии бывают такие, что личную месть ставят выше долга, подводя под удар вскормивших его. Сейчас смерть Конана уже неизбежна — не важно, падет ли он через несколько дней под стенами крепости Блистательных или умрет от старости. Такие люди, как этот бешеный киммериец, рождаются раз в тысячелетие. Его мог раздавить сам Сет, но не стал этого делать, и не мне судить почему. После провала первых попыток всем думающим посвященным стало ясно — у киммерийца особый путь, столь значимый для мира, что его охраняют силы, несравнимые с потугами таких, как Тот-Амон и недоучки из других братств Тьмы. Оставим это.

— Оставим, — легко согласился Диго.

Прошлое Конана, короля Аквилонии, его волновала мало. Вот если бы кто-нибудь рассказал о его кумире — Черном Амре, грозе морей и хозяине Ильбарских Гор, атамане мунган и аренджунском легендарном воре?!

— Итак, Звездный Скиталец оказался развеян, убийцы исчезли безо всяких следов. Каких-либо магических амулетов и артефактов в пеллийской твердыне нет — ни следа малейшей активности стихий, ни какого шевеления в первоэлементах или сопредельных мирах...

Заметно было, что стигиец говорит уже сам с собой, но аргосец его не прерывал. Путь предстоял неблизкий, леса были — сама однообразность, а что может быть лучше на марше, чем попутчик, самозабвенно млющий какую-то чепуху?

— Однако Блистательные или, по крайней мере, сам магистр или как его там — Мастер Ордена делает ставку не только на двух истинных владык людского мира — Железо и Золото, но и на третьего, самого значимого — Магию. Она в его распоряжении, вне всякого сомнения. Вот только природа ее не ясна. Это не Сет, его служители или его бледные тени, такие, как Нергал или иные демоны помельче. Мы бы знали. Это не жалкие боги по имени Митра, Асур и им подобные отражения людской слюнявой сентиментальности. Это, скорее

всего, вообще не люди — колдуны Вендии, Меру, Кхитая и одиночек-отшельников мы знаем по используемым приемам. Вызванные из Мировой Бездны ищечки мигом нашупали бы след, а то и приволокли в храм Сета в Птейоне самих чародеев. Голая сила?

— Звучит глуповато, а? — спросил аргосец, подуставший порядком от бормотаний Нуна.

Но тот, словно был один посреди леса, продолжал говорить, обращаясь сам к себе:

— Рукописи Лабиринта гласят, что владеющий сгустком голой силы, осколком Изначального Эона Мироздания, своего рода чистой энергией созидания и разрушения становится равным самому Змею. Но кто и как смог найти Ключ? Это не под силу простому смертному, не под силу демоническим существам и — прободай меня единорог Асуры — не под силу самому Сету. Вообще сомнительно, что мир не разрушится, если в него вернется хоть частица Изначального Эона, — а столь далеко в своих чаяниях относительно судьбы мира не доходил даже безумец Тот-Амон. Нет, это не голая мощь, хвала Змею и всем его отражениям!

— Что же тогда? Должен же я знать, с кем буду иметь дело. И вообще — если я главнокомандующий мятежа, мне следует знать об имеющемся в моем распоряжении оружии, — сказал Диго, наблюдая одним глазом за окончательно запутавшимся в своих рассуждениях Нуном.

— Что-то из глубин времен, когда магические силы свободно изливались вокруг, а волшебные существа шествовали по юной земле, пожирая все на своем пути. Когда увидеть Глаз Сета в небесах было столь же обычным делом, как застать посреди поляны танец эльфов, резвящихся каменных великанов или Короля Вампиров в бледном венце, подающим когтистой рукой чашу крови новой спутнице жизни, обретенной на вечность под крики своих придворных и вой волков-оборотней! Но что?!

Стигиец внезапно остановился. Идущий за ним следом угрюмый воин с иззубренной секирой на плече наткнулся на него, грязно выругался и ударил по плечу. Отрешенно шевеля губами, словно не обратив на происшествие ни малейшего внимания, Нун вытянул белый палец и коснулся лба наемника. Тот подавился черным ругательством, слабо ахнул и опустился на колено, затем завалился на бок. Пестрый зингарский плащ накрыл его скorchившееся тело с головой.

— Эй ты, вставай и извинись за грубость, свинья! — негромко, но грозно произнес Диго и наподдал лежавшего сапогом. Нога не встретила никакого сопротивления, смяв плащ, словно под ним была пустота, а Одноглазый покачнулся и едва удержал равновесие.

— Нергалово отродье, да что с тобой! — С этими словами он откинул плащ.

И увидел лишь слегка примятую траву. В зеленых стеблях курился вполне мирный белесый дымок, пахло прокисшим молоком.

— Не именуй его при мне, — машинально сказал жрец, все еще о чем-то напряженно думая.

— Митра Пресветлый, чтоб я отправился к морским девам! — возопил, выскачивая из-за спин оторопело молчащих наемников низкорослый аргосец, бывший при Диго кем-то вроде оруженосца с самых первых походов капитана наемников.

Но Нун уже встрепенулся и пришел в себя. Он поднял вверх руки и что-то гортанно проорал на неизвестном наречии, вряд ли когда-то принадлежавшем человеческому роду. Из широких рукавов его накидки вылетели две блеклые крылатые тени, яркие вспышки ударили по глазам Диго. Когда аргосец пришел в себя, жрец все так же бормотал себе под нос. Кругом

была тишина, лениво шевелили ветвями деревья над головой, повинуясь желаниям легкого ветерка, а солнце висело над самым горизонтом в западной стороне.

— Вечер, — без выражения сказал Диго, рывком усаживаясь и оглядываясь по сторонам.

Зрелище, представшее его глазам, заставило наемника громко вскрикнуть: весь отряд лежал вповалку, сморенный колдовским сном. Сомнений быть не могло, без магии, причем самого зловещего оттенка, здесь не обошлось — лица воинов были мертвенно-бледными, у некоторых — подернуты трупной зеленью, тела выгнуты, будто от гложущей их изнутри нестерпимой боли.

— Я вынужден извиниться. — Стигиец стоял напротив Диго, вертя в руках черный ограненный кусок вулканического стекла. — Простым воинам, тем более, направляющимся в замок Блистательных, нет смысла вспоминать нашу маленькую встречу. Этот кристалл помог мне очистить их память. Сия маленькая процедура совершенно не повлияет на здоровье и боевое умение твоих воинов.

Аргосец, опасливо косясь на некроманта, прошелся средь лежащих наемников, внутренне содрогаясь. Он с трудом подавил желание броситься на колдуна и изрубить его в куски. Казалось, жрец Сета прекрасно осознает ту бурю, что бушевала в душе наемника. С бесстрастного лица стигийца не сходила неприятная, лишенная всяческих человеческих эмоций улыбка.

— Сет свидетель — настают последние времена, ибо я направляюсь к своему злейшему врагу... и начинаю сознавать истинную природу хозяев Блистательных... Ужас заполняет меня.

— По мне, будь их хозяин — хоть сам... в общем, лишь бы платили.

Бормоча невнятные угрозы, обращенные то ли к темным богам, то ли к стигийцу, Диго принял расталкивать своих рубак. Жрец же боролся сам с собой. Казалось, что он принимает внутренне верное, но ужасающее его самого решение. Губы шептали черные проклятия, а пальцы крошили черный магический кристалл в пыль. Меж тем аргосец полностью перестал обращать внимание на жреца. Его воины, совершенно не помнившие, что случилось с ними полдня назад, и, казалось, не замечавшие присутствия стигийца, готовились к выступлению.

Диго придирично проверил снаряжение и быстрым маршем повел отряд к замку Торкиля, не оборачиваясь, словно сзади его поджидало чудище из похмельного ночного кошмара.

Жрец проводил наемников отсутствующим взглядом. Для него не существовало более людских проблем. Плащ вздувался от темных вихрей, мысли стигийца блуждали во тьме, не доступной разумению смертных. Он лишь пробормотал вослед аргосцу:

«Иди, иди, навстречу своей странной судьбе».

Теперь жрец заторопился. Он принял трудное решение. Повернув в заросли, он углубился в лес, и вскоре лесная зелень поглотила этот комок мрака. Только обитатели чащи могли расслышать невнятные бормотания жреца, сбитого с толку открывшейся вдруг истиной:

«О, Сет! Если сроки свершаются и близок конец времен, почему я, ничтожный прах на сандалиях великих посвященных прошлого, должен встать на пути Темной Рассы! Горе служителям тьмы, горе! Ехидные светлые боги умудрились столкнуть нас с Любимцами Бездны. Сет, молю тебя, пошли мне безумие! Неужели то, что некогда ушло, чтобы дать жизнь тебе, Стигии и нам, недостойным, должно вернуться и пожрать сей мир. Истинно

сказано: то, что ушло в начале, возвратится в конце, искаженное и опасное. Сет, пусть я буду не прав!»

Так причитал стигиец, пока отряд наемников двигался к замку Торкиля, а аргосец гадал, что знаменует собой эта странная встреча. Путь у чернокнижника был неблизким. Он шел просить помощи у своего злейшего врага, Конана-киммерийца, ибо пред страшной разгадкой тайны Блистательных все политические соображения, равно, как и старая вражда, должны были отступить. Знаток древностей, пристально изучивший все черные скрижали, и беседовавший с духами разных времен, стигиец знал, знал почти наверняка: той силе, которую пробуждают Блистательные, нечего будет противопоставить в дряхлеющем мире. И торопился.

Глава девятая

Армледер не ожидал, что принц Конн легко отпустит его, да еще на столь долгий срок — двадцать дней, «навестить родовое гнездо». Но капитан был настойчив и, в конце концов, получил просимое. И еще увесистый, весело звякнувший кожаный мешочек с жалованием, пару напутственных слов — и вскоре оказался за пределами немедийского укрепления. Дорога предстояла весьма и весьма неблизкая, кроме того, Армледер, как хороший командир, намеревался сделать изрядный крюк: следовало удостовериться, что оставленный десяток гвардейцев, обследовав захваченный лагерь Хваты, благополучно вернулись в пограничный лагерь на аквилонской стороне перевала.

С угрюмых лесистых гор, словно часовые, охранявшие рубежи двух королевств, дул донельзя промозглый ветер. Армледер с детских лет, проведенных в этих самых краях, знал, что местные жители называют такой вот утренний ветер «Дыханием Великанов».

Сейчас это «дыхание» норовило забраться под плащ, сорвать с головы капюшон, швырнуть в лицо пригоршню жухлой листвы или сухую ветку. Конь недовольно тряс головой и несколько раз без причины ржал. Однако капитан мало обращал внимания на превратности дороги — мысли его вертелись вокруг младшего брата. Во время битвы в уроцище у Совиной Горы Армледер безошибочно определил воинов замковой стражи среди тех, кто в последнее мгновение пришел на помощь загнанному в безвыходное положение Хвату. Это само по себе наводило на неприятные мысли, прекрасно сочетаясь со всем услышанным Армледером на границе о «неуловимости» разбойничьей шайки. Нетрудно держать под ударом торговый тракт, действуя в дикой горной лесистой местности, вдали от крупных воинских гарнизонов как Аквилонии, так и Немедии, если иметь в качестве места отхода замок дружески настроенного аристократа, находящегося вне всяческих подозрений!

Фаворит принца Конна предъявил подорожную грамоту, подписанную лично бароном Оливеем, троим угрюмым немедийским лучникам, вдруг возникшим на тропе, и неторопливо поехал по перевалу.

Мысли его, весьма недобрые, вились вокруг Торкиля. Младший брат, полная противоположность Армледера, всю жизнь проторчавший в замковой библиотеке и провалившийся под присмотром лекарей в постели, никогда не появлялся в столице, даже в то время, когда еще был жив отец. По этой причине блестящий гвардейский офицер практически не имел возможности поддерживать с Торкилем более или менее тесные отношения — служба не позволяла ему надолго отлучаться из Тарантии. Однако теперь, столкнувшись с грозной загадкой, Армледер стал припоминать странные слухи, доносившиеся из провинции. По долгу службы и по воле принца он частенько присутствовал на Военном Совете, на котором скучные, нас kvозь невоенные чиновники говорили о неких провинциальных дворянах, замеченных то в Бритунии, то в Зингаре, то в Аргосе под фальшивыми личинами.

Эти аристократы, попавшие под бдительный взор стерегущих Корону легиотов и дознавателей, занимались донельзя подозрительными переговорами с наемниками, известными преступниками, отставными военными чужеземных держав, после чего возвращались в королевство и кружились, словно стервятники над мертвым оленем, вокруг пеллийских земель. Одно время принц, наученный горьким опытом череды мятежей, подозревал местного представителя Золотого Льва — наместника в попытке затеять заговор.

Армледер сейчас точно не помнил, чем кончилось дело, однако наместника оставили в покое. Вызванные для выяснений в столицу, пограничные владетели вереницей проследовали по кабинетам и канцеляриям Тарантии, вселяя уныние в столичных франтов диковатыми манерами, грубой речью, старомодным оружием и напыщенными гербами. Где-то в подвалах пылились стопки пергаментных листов, что хранили глупейшие истории о «печальной любви к ветреной красотке», запутанных торговых отношениях, поединках и прочих «важных» обстоятельствах, подвигнувших дворян на указанные путешествия. Угрозы серьезного заговора усмотрено во всем этом не было, наместнику приказали держать ухо востро, на чем бумажная буря и улеглась.

Армледер намеревался явиться к младшему брату за разъяснениями, но чем дальше он размышлял о пеллийском затворнике, тем больше жалел, что не посвятил в цель своего визита в родовой замок хотя бы бдительного Троцero. Какой-то тревожащей душу дымкой была подернута фигура Торкиля, и лицо гвардейца приобретало все более и более озабоченное выражение. Действительно — он-то привык считать брата ходячим гнездом всевозможных недугов, и для него как громом средь ясного неба прогремело известие, полученное от одного из немедийских офицеров.

Немедиец и Армледер перемолвились парой фраз во время учебного боя на деревянных мечах на дворе порубежного укрепления. Указанный офицер был весьма рад тому обстоятельству, что доставивший ему несколько приятных мгновений своим боевым искусством капитан-аквилонец оказался еще и отрыском славного пеллийского рода. Полагая, что опять придется выслушивать восторженные словоизлияния о великом путешественнике, отце его Эйольве, гвардеец привычно поскучнел, но речь пошла совсем не о славе родителя. Беседа сильно насторожила Амледера. После осторожных расспросов выяснилось, что «больной и прикованный к постели», как явствовало из редких писем, Торкиль не раз посещал Немедию в компании младших отпрысков окрестных благородных родов, непременно участвуя в шумных попойках, веселых охотах и — подумать только, — турнирах!

Причем приятно поразил немедийцев своими манерами, образованностью и, к полному удивлению своего старшего брата, твердостью руки, смелостью, а также знаниями в военных вопросах. Вот это уже никак не вязалось с образом Торкиля, каковой с юношеских лет сложился у Армледера, и гвардейский офицер доселе не ведал веских причин, чтобы его пересматривать. Без сомнения, в затворнической жизни Торкиля произошли некие решительные перемены, которые он совсем не торопился явить взору старшего брата.

— Митра Милостивый! Совершенно невозможно представить его в охотничьем костюме, с луком или мечом в руке, или беседующим за пиршественным столом об особенностях стратегии и тактики. И с кем! С выпускниками бельверусской академии, рядом с которыми иной толковый офицер выглядит полным олухом!

Это восклицание вырвалось у гвардейца, когда он миновал пограничное ущелье и въезжал под густую сень могучих деревьев урочища. Совиная Гора нависала над лесом, прикрыв путешественника от холодного «дыхания великанов».

«Что же это задумал мой тщедушный братец? Что может быть у него общего с грабителями вкупе с размалеванными древней геральдической мурой немедийскими и аквилонскими дворянами, ведущими непонятную игру с темными личностями соседних государств? Неужели Торкиль мог стать врагом Короны? В голове не укладывается!»

Однако все факты ложились один к одному, словно, стрелы в колчане усердного

боссонского стрелка. Армледер вспомнил слухи о том, что Торкиль принялся обновлять замковые укрепления, — тогда старший брат принял это за неопасное чудачество прикованного к постели больного, и рассказ одного торговца лошадьми о том, что на немедийской границе появился истинный ценитель боевых скакунов, сделавший изрядный заказ некоторым именитым купцам.

Был еще один странный случай — сам по себе незначительный, но вместе с другими усугублявший грозную картину. Несколько офицеров Аквилонской армии, а точнее — специалистов по осадным орудиям, пойманные помощниками Троцера на полном небрежении королевской службой и нечистоплотности, как-то подозрительно легко согласились на вынужденную отставку, туманно намекнув ближайшим друзьям, что-де есть у них на примете новый хозяин. Двоих из них попали спустя какое-то время на глаза Армледеру в торговых столичных рядах, где они вели закупки канатов, оленых жил, медных шаров и иной осадной справы именно для пеллийского замка. Узнав об этом, Армледер лишь усмехнулся чудаствам брата и, послав тому письмо с предложением вести подобные закупки через него, немедленно забыл о случившемся.

— Однако, братец, похоже, заварил серьезную кашу. Митра, какой позор покроет наш приближенный к Короне род, если этот крысенок затеет что-то против власти Тарантии в здешних местах!

Но Армледеру пришлось прервать свои размышления. Он уже находился невдалеке от того места, где всего лишь трое суток назад кипел бой. Его насторожили звуки. Капитан спрыгнул с коня, стараясь успокоить брыкающегося скакуна, и повел его сквозь чащу в поводу, внимательно прислушиваясь. Действительно, гвардейцу не показалось — он явственно расслышал глухой, полный нечеловеческой тоски, вой. К хрипло заливающейся глотке присоединилась еще одна, и еще. Звуки эти раздавались как раз с той стороны, куда и направлялся Армледер. Полный самых черных подозрений, капитан вышел на знакомую поляну. Пронесшийся прошлой ночью скоротечный ливень превратил следы двух погребальных костров в размытые черные пятна, однако стая одичавших собак нашла на поляне чем поживиться. Конь, дико всхрапнув, взвился на дыбы, однако Армледер резким рывком заставил животное опуститься на землю.

— Митра милостивый, — воскликнул он, с омерзением разглядывая окровавленные морды псов и горящие глаза, устремленные на него поверх остатков жуткого пиршства, прерванного ржанием.

Десять трупов, вернее десять безобразных кровавых комьев, — вот все, что осталось от дозора Черных Драконов.

— По всему населенному людьми миру Хват не найдет более места, где ему укрыться от моей мести... и Торкиль тоже, если он хоть краем причастен к действиям этого змея!

Палаш с шелестом покинул свои ножны и со свистом рассек воздух, подтверждая клятву, что прошептали побелевшие губы Армледера. Меж тем собаки, явно приняв аквилонского офицера за еще одного падальщика, решившего отнять у них добычу, двинулись вперед, грозно рыча и скаля клыки. Было их десятка два. Все — крупные, поджарые, местной пастушьей породы. Кое-где мелькали и явные помеси с горными волками. На местных тропах не было страшнее встречи, чем наткнуться на ничуть не боявшихся людей диких псов, смелых, сильных и хитрых.

Ни блеск стали, ни огонь не могли служить сколь-нибудь надежной защитой от них. Оставалась одна возможность — ускакать: вряд ли стая пустится в погоню, оставив

неоконченным кровавый пир, однако капитан был несказанно зол, и красная пелена бешенства вмиг стерла остатки благоразумия. Всадник выпустил поводья и хлопнул жеребца по крупу.

Бесполезный в этой схватке конь, испуганно храпевший, с налитыми кровью глазами, помчался прочь, прямо сквозь чашу, ломая кусты. Армледер же, дико закричав, врубился в стаю.

В эти мгновения он сам стал зверем, вертясь и рыча, как волк, ворвавшийся в оставленную без присмотра отару. Его охватило кровавое безумие. Тяжелый палаш и короткий кинжал кромсали псов на куски, человек шел сквозь стаю, оставляя за собой алуу просеку. Плащ уже давно был с него сорван и располовован клыками, по кольчуге то и дело скользили клыки и когти, однако всякий раз капитану удавалось в последний момент извернуться, уйдя от бросившегося на него пса и не давая свирепым bestиям сбить себя с ног. Будь это волки, они давно бы нашли слабое место — пониже доходившей до колен кольчуги и выше толстенных сапог, здесь только тонкая ткань защищала тело гвардейца. Один точный удар острых, словно стилеты, клыков — и двуногий окажется беспомощней младенца. Однако это были не серые охотники — псы оставались псами, атакуя в прыжке или встав на задние ноги, весьма по-человечьи, и гибли один за другим.

Армледер начинал уставать — слишком много сил отнял первый безумный порыв. Немного прия в себя, и, излив на стаю, поток душившего его бешенства, капитан стал драться расчетливее и экономнее. Он встал спиной к раздвоенному дереву, на которое собирался немедленно взобраться, если стая продолжит нападение. Псы выдохлись тоже — перед человеком стояли семь или восемь оставшихся в живых собак.

Бока у всех тяжело опадали, языки вывалились набок, спины и морды многих были иссечены хлесткими, стегающими ударами палаша — те, кого в прыжке достал кинжал или кого Армледер рубанул с плеча, уже испускали дух. А капитан мельком подумал, что пес остается псом — если волки атаковали умело, вразнобой, не мешая друг другу и совершенно молча, то собаки в течение всего боя заливались лаем, доводя себя до полного изнеможения. Когда-то он беседовал с одним ярмарочным пронырой, зарабатывавшим себе на хлеб собачьими боями на площадях Тарантии и Танасула. Тот утверждал, что большая половина бойцовых псов умирает не столько от ран, сколько от обезвоживания, бестолково лая, выхаркивая пену и визжа.

— Итак... — спокойно сказал капитан, словно участвовал в турнирном поединке на ристалище столицы.

Звук голоса человека, ненавистный одичавшим его слугам, сделал свое дело — псы взвыли, и один бросился. Армледер ждал его, выставив окровавленный кинжал и краем глаза следя за остальными. Однако пес не долетел до своей цели. Коротко взвизгнув, он упал в двух шагах от аквилонца со стрелой в боку. Немедленно вся стая повернула морды. Глядя поверх песьев голов, Армледер увидел, как на поляну, не торопясь, выходят вооруженные люди. Их было много — не один десяток и не два. И все, без сомнения, бывалые воины. Больше не обращая внимания на попятившихся псов, они рассредоточились по поляне, бегло оглядев изуродованные трупы и пепельные пятна на траве. Пятеро лучников, с наложенными на тетиву стрелами, стояли поблизости, не делая попыток приблизиться к собакам. Неподалеку от них остановился еще один. У этого лук был за плечами — он держал за уздечку коня капитана. Конь уже не брыкался, видимо, умело усмиренный и успокоенный. Только дико косил взглядом в сторону мертвых собак.

Оставшиеся в живых псы постояли, ощетинившись над трупом своего застреленного товарища, затем кинулись в спасительную чащу. Ни одна стрела не полетела им в след. Лучники проводили их спокойными взглядами, неторопливо пряча стрелы.

Остальные, выставив посты и обозрев окрестности, принялись раскладывать костры. Двигались они с неторопливой, скромной грацией опытных бойцов и путешественников. Прежде чем усесться на свернутые плащи после, без сомнения, длительного марша, некоторые повели расседленных коней к небольшому ручью, другие занялись правкой оружия. Армледер видел: прибывший отряд не был в бою давно, однако мелькание правильных камней и паромасляных тряпиц говорило о том, что слишком часто жизнь этих воинов зависела от состояния их снаряжения. Люди явно привыкли к жесткой дисциплине, и капитану стало ясно, что это не разбойничья ватага или дружины какого-нибудь мелкого баронского сынка, собранная из разного отребья.

Расположившись там же, где стоял насмерть, лишь опустившись прямо на траву и обтирая клинки, Армледер с интересом разглядывал прибывших. Ни на одном он не увидел ни знакомых мундиров или камзолов, ни каких-либо значков или гербов. Удобная дорожная одежда, толстые серые, либо зеленые плащи, простая, но надежная сбруя и снаряжение: оружие — самое разное, какое только можно было увидеть в добром десятке хайборийских держав, столь же пестрые доспехи у некоторых, видимо, десятников.

«Не немедийцы, не аквилонцы. Пожалуй — наемники-хайборийцы со всего света. Вон тот, из Зингары, больно смуглый, а тот явно родился в Пуантене: хоть сейчас к Троцеро в оруженосцы. В основном — из Аргоса и Офира. Вот только что здесь делает явно без королевского ведома столь крупный отряд наемников? Или это тоже — дела моего братца?» — лениво думал Армледер.

На него не обращали особого внимания, располагаясь на привал, но и не выпускали из виду. Опытным взглядом капитан зацепил три молчаливые фигуры, как бы невзначай облокотившиеся о пики, на некотором от него удалении, отрезав от ближайших зарослей. Наконец на поляну выехал одинокий воин, с черной повязкой на глазу, и к нему устремились те, в ком Армледер безошибочно определил десятников. Выслушав их, Одноглазый, несомненно, выходец из Аргоса, спрыгнул со своего скакуна и неторопливо двинулся в сторону аквилонца. Дойдя до места, сплошь заваленного собачьими трупами и останками людей, он даже не сбился с шага, сверкнув единственным глазом, и продолжил свое неторопливое движение. Армледер поднялся, убрав в ножны палац, а кинжал — за голенище сапога. Сейчас он был доволен, что не отправился в путь в мундире Черных Драконов. Что-то ему подсказывало, что приближающийся командир наемников вряд ли испытает трепет перед тарантийским гвардейским офицером. На капитане был простой дорожный костюм и неброские доспехи. Словом, он запросто мог быть одним из этого отряда — бродячий солдат, искатель счастья и золота.

— Приятно встретить в этих лесах опытного бойца, — проговорил сквозь сжатые зубы Одноглазый, останавливаясь напротив Армледера и пристально его разглядывая. — Мой друг, без сомнения, из тайного ордена Борцов с Бродячими Собаками и Защитников Падали?

— А мой собеседник испытывает сострадание к собакам, будучи сам из Псов Войны? — немедленно отпарировал капитан с елейной улыбкой, которая далась ему не без труда, — называвший его павших солдат «падалью», уже не мог рассчитывать на доброе к себе отношение.

— Проницательно. И смело, — без всякого выражения и, не делая попыток схватиться за

меч, произнес аргосец. — Королевский солдат?

— Бывший, — коротко ответил Армледер.

— Служил Короне Аквилонии или Немедии?

— Немедии. Северная пограничная стража.

— Тоже что-то вроде Пса Войны, а? Не линейный полк, не гвардия, не баронская дружина. Значит, договоримся, или, по крайней мере, поймем друг друга. Едешь к присмотренной вдовушке пить пиво и пасти свиней, или ищешь нового хозяина?

— Вообще-то, Митра свидетель, к домашним животным у меня одна страсть — забить и пожрать. От пива никогда не отказывался, а вдовушки... мне еще не поотрубали пальцы, клинок держать могу, а маркиантки или шлюхи из кабаков и иных почтенных заведений моложе, да и в нужном деле большие мастерицы, чем домовитые бабы.

— Конь-то у тебя с клеймом Черных Драконов, милейший. Пальцы еще не поотрубали, говоришь... Знаешь, что законники делают с конокрадами?

— Наслышишь. Ну, так можно и потерпеть. Тем более конь-то неплохой попался. А что — есть дело, и нужны клинки?

Аргосец некоторое время разглядывал лицо Армледера, затем, видимо, оставшись доволен увиденным, щелкнул пальцами. Немедленно аквилонцу подвели его коня. Мешочек с золотом, как ни странно, висел на прежнем месте, притороченный к седлу. Конь, радостно всхрапнув, потянулся к руке, но, учтя кровь, обрызгавшую капитана, недовольно встряхнул гривой.

— Хозяин есть. Есть и дело. Для настоящих мужчин. За что со службы выгнали, или сам ушел?

— Да за это самое, мужское. Дочка командира была такая юная, такая свежая, и весна только началась. Ну, вызвал меня один хлыщ на поединок, я его и проткнул. Дальше — сам знаешь.

— Митра свидетель — никто не знает, где найдет то, что ищет. Беру тебя к себе. А не подошел бы... всякий, встретивший отряд Одноглазого Диго, обычно остается на месте встречи.

Последняя фраза была произнесена с явной угрозой, но без оскорбительных ухмылок, а как бы отмечая: собеседник введен в правила игры. Диго, словно выполнил некий формальный ритуал, чем эта фраза, по сути, и была в те дни, когда наемные отряды мотались по пыльным дорогам охваченных войнами и восстаниями королевств. Армледер тех времен уже не застал, но суть сказанного понял, и кивнул головой:

— С Золотым Львом у меня свои счеты. Золото — по обычаю? Это хорошо — словно ветерок старого доблого времени. Кого рубить-то?..

— Узнаешь. Не деревеньки грабить и не селян обижать. Если тебя смущает с непривычки — с немедийцами пока дела иметь не будешь.

— Да Сет их всех пожри... — искренне воскликнул Армледер.

Диго же от упоминания о Великом Змее неприятно скривился:

— Не именуй его. Ладно, будешь пока при мне,вижу — не простым ты ратником был... Не дергайся, это твое дело, кем ты был «до того». В первом же бою позвенишь клинком, а я погляжу, чему там учат в вашей хваленой бельверусской академии... Не вскидывайся, ты не на конюшне. А на будущее — если останешься в рядах наемников, брось привычку пересчитывать коней да лучников, башкой вертеть, дозорных высматривая. Попадется кто дерганее меня — сначала кишки по травке пустит, потом и подумает, чего это ты. Вот

пооботресься, другие привычки приобретешь, а пока — советую: иди во-он к тому костру. У офицеров еще вино осталось. Твоих собак порубленных залить надо.

Армледер пожал плечами и с видом беспечного рубаки, странствующего безо всякого толка и смысла, из одного гарнизона в другой, направился с конем к указанному костру. Сзади долетел голос Одноглазого:

— Эй, академик, как звать-то тебя?

— Капитан, по-простому, — небрежно бросил Армледер, не успев придумать ничего путного.

Диго смотрел ему вслед, теребя повязку. Один из десятников, стоявших рядом, замысловато выругался, мешая зингарскую портовую брань с солдатскими, собранными за века наемничества, премудростями:

— Он не из Псов, Одноглазый. Ты что, после стигийца совсем сдуруел?

— Помолчи, нергалово отродье. Резать его — нет резона. Попадет в замок — там разберем. Лишний клинок — все одно неплохо.

Глава десятая

Великий Мастер Ордена Блистательных расхаживал по крепостной стене, нервно комкая край мантии. Человек, известный одним по разбойничьей кличке Хват, а другим как родственник иранистанца Керим-Шаха, некогда претендовавшего на место военачальника непобедимой гирканской конницы, но сгинувшего где-то в Ильбарских Горах не без помощи Конана, стоял неподвижно. Лицо его было скрыто под глухим шлемом, с узкими прорезями для глаз.

Стоило ему шевельнуться, чешуйчатая колчуга, прикрывающая все тело, засияла бликами в лучах заходящего солнца. Внезапно Торкиль остановился и, уставив в Хвата длинный палец, быстро заговорил:

— Все наши силы стянуты в замок?

— Да, Мастер. Последний отряд, что привел Одноглазый, сейчас располагается. На ночь аргосец выставит уже своих часовых.

— Как остальные восприняли, что идут под начало Одноглазого?

— В общем-то, спокойно. Наемники его знают как дельного, да и последнего из великих командиров.

— Словом, никто и не вякнул?

— Да, Мастер.

— Остальные Равноблистательные?

— Расползлись по своим замкам. Все готово к выступлению. Аквилонцы хоть завтра поднимут над башнями наши знамена, дружины готовы к осаде. Край полностью опустошен — королевской армии тут нечем будет поживиться, у них же, как у нас, подвалы и казематы ломятся от припасов. Немедийцы ожидают, когда в Бельверусе почуют неладное и подтянут к лагерю барона Оливея войска. Ими будет командовать Равноблистательный, имя которого известно Мастеру, но неизвестно мне, скромному слуге Ордена. Офицеры там уже подобраны соответствующие. Как только верные Оливею войска разоружат, и в немедийском воинстве будет наведен порядок, к выступлению присоединятся и немедийские братья.

— Что еще?

— Вместе с отрядом Диго прибыл ваш брат, инкогнито, под видом немедийского наемника. В здешних краях он очутился в свите принца Конна, участвовал в нападении на мой лагерь, затем был в порубежном гарнизоне Оливея.

— Любимый брат решил лично вправить мне мозги? Отлично, хвала Тем, Что Вокруг и Внутри Нас! Не придется его разыскивать по всему королевству.

— Проследить за ним?

— Что? Да зачем. В одиночку он тут ничего не натворит. Будет рваться поговорить со мной — пусть идет. Будешь поблизости — под защитой твоих сабель и искусства Розиля Великолепного я буду чувствовать себя рядом с этим головорезом намного увереннее.

— Шепнуть Диго?

— А вот этого — не надо. Каждый должен знать ровно столько, сколько ему позволит Орден и силы, им управляющие. Пока он не прошел Обряда Посвящения и Снисхождения к Нижним Водам, он всего лишь цепной пес при постоянном дворе.

— Кроме этого, вокруг замка шляется жрец Сета.

— Ого, клянусь Нижними Водами и Предвечным Временем, пронюхали кое-что — и

зашевелились? А вот это — очень и очень интересный экземпляр для Обряда. Я как-то не рискнул отправлять в Стигию за парой-тройкой посвященных. Смешно, но по привычке многие побаиваются служителей Змея. А этот, выходит, пришел сам? Ну что ж, как говорят — не суй руку в жернов. Можно его отловить?

— Мастер более меня сведущ в таких делаах. Если бы речь шла о воинском отряде или, как в прошлый раз, — о наемных убийцах...

— Ах, да! Они уже пытались достать нас, правда довольно-таки убогими методами — то ли Черный Круг окончательно зачах, после того как Конан погонял Тот-Амона по всему свету, а Стигию потоптала аквилонская кавалерия, то ли они держат нас за ярмарочных фокусников. Много же стервятников слетелось в пеллийские земли. Заставить бы их всех передраться меж собой.

— Хорошо бы, Мастер, но как?

— Ну, пока твои хозяева с моря Вилайет уверены, что ты идешь по стопам почтенного Керим-Шаха, гирканцы готовы пронестись черной молнией по югу Немедии и Аквилонии...

Хват вздрогнул всем телом, будто воспоминание о некоей боли ударило его бичом. Торкиль же продолжал рассуждать вслух, не замечая:

— А значит, армию Золотого Льва в любой миг можно натравить на гирканцев: пусть только один степняк пересечет границы хайборийских земель, воняя барабанным жиром и распевая заунывные гимны четырем ветрам...

Хвата опять пронзила судорога, но он остался стоять, лишь сменив позу и блокотившись на гранитный зубец стены. Мастер, наконец, заметил его нервозность и откровенно улыбнулся:

— А ты все еще в пленах своей степной гордости, брат мой?

— Нет, мой Мастер. Однако плоть слаба, тело мое еще сопротивляется.

— Ну, ладно, это пройдет, поверь мне. Я был первым, прошедшим Обряд, затем через меня прошел весь Орден Блистательных. Старая память тела будет сломлена довольно скоро. Достаточно тебе провести через Порог хотя бы одного брата.

— Могу ли я надеяться, что в самом скором будущем им станет ваш брат, Мастер?

— Ну, ты хватил, разбойник. Вообще-то я хотел сам, но... без сомнения, ты заслужил. Я дам согласие в ближайшие дни. Так — остается захват усадьбы королевского наместника, может быть, поимка стигийца... Кроме того, могут в окрестностях нашей твердыни появиться и иные незваные гости. Равноблистательные справятся в своих замках, Диго — в цитадели, но для мелких вылазок мне все еще нужен решительный человек с двумя лучшими в мире клинками.

— Благодарю за доверие, Мастер. Однако я невижу способов стравить, кого бы то ни было...

— Гирканцев с Львом, немедийцев — с теми и с другими, Стигия, без сомнения, боится усиления степняков, значит, может вмешаться хотя бы магическими путями.

— Почему же мы не поспособствовали Конану в деле устройства малой пограничной войны с Немедией, Мастер?

— Как так — не поспособствовали? Твоя активность на тракте ненавязчиво привлекла сюда этого выжившего из ума венценосного дикаря. Он прилетел — и ринулся в бой, как охотничий кречет на полудохлую домашнюю курицу, разве не так? И он кинулся через границу, желая всласть намахаться мечом. Но... Оливей — не такая простая штучка. Он не самый глупый член Военного Совета Немедии, и уж точно — самый знающий о наших делаах.

Не успел Конан начать пьяствовать в аквилонском гарнизоне, как хитрый барон уже вызвал из Тарантии Троцеро с Конном, чуя начало событий. Надо мне было послушать тебя. Сейчас Оливей был бы мертв или, пройдя Обряд, стал бы Равноблистательным.

— Еще не поздно, Мастер.

— Боюсь, он уже начал против нас маленькую войну. Но нет ничего в этом жалком мире, что не пойдет на пользу Тем, Что Вокруг и Внутри Нас. Армледер оказался в цитадели. Но как только из Бельверуса прибудет нужный нам командующий, Оливея сместят или, по крайней мере, отодвинут в тень... и вот тогда можно будет с помощью разных уловок заставить немедийцев поверить, что наше выступление — это аквилонский поход против Немедийской Короны.

— Мой Мастер...

— Да?

— Куда может пойти стигиец? Он убедился, что не может незаметно пробраться в замок или действовать с помощью некромантии... Мне кажется, жрец решит пойти к Конану и рассказать ему о возможности гирканского нашествия.

— Чтобы Конан велел его стигийскую шкуру натянуть на полковой барабан Черных Драконов?

— Но такая возможность должна быть предусмотрена.

— Что-то в этом есть, мой брат...

Торкиль еще раз прошелся по стене, и ветер растрепал его мантию, сделав похожим на гигантского нетопыря, готовящегося кинуться на беспомощную жертву.

— Да. Стигийца нам нужно захватить в любом случае. Мне не нравится, что грязный некромант будет шляться вокруг моей цитадели, вынюхивая и выслушивая, строя мелкие и крупные пакости. Найди мне его, найди его логово и будь готов схватить по первому же требованию.

— Мы можем использовать в полной мере нашу мощь, Мастер.

— Да, мой брат. Время пришло. Нам больше нечего скрывать — скоро Нижние Воды подточат фундамент этого ветхого мира и хлынут в видимый мир. Слава Тем, Кто Вокруг!

— Слава Тем, Кто Внутри!

* * *

— Кром! Я, я — Конан Киммерийский должен принимать помощь! И от кого? Стигийца! Некроманта с лысой башкой и змеиной улыбкой!

Конан был совершенно вне себя. Пламя десятка свечей трепыхалось, колеблемое резкими и порывистыми перемещениями короля, от чего тени метались, словно бешеные. Троцеро и Кони, а вместе с ними три немедийских капитана сутились вокруг разложенной на столе карты.

— Сет, Мировой Змей из Бездны свидетель! — провозгласил стигиец, воздевая руки. — Когда бы ни крайняя опасность миру, я...

— Что тебе еще нужно, некромант! — раздраженно повернулся к нему Троцеро. — Достаточно натерпелась Аквилония от тебе подобных. Будь доволен, что тебя не изрубили на куски, как только разобрались, кто ты такой. Вон, у Иллиаха руки все еще чешутся, да и король еле сдерживается. Поди прочь. Сведения, добытые тобой, не имеют никакой

ценности. И о разворованном храмовом золоте, и о гирканском коварстве нам известно от барона Оливея.

— Но я могу найти вам тайный вход в их замок.

— А он есть? — неприязненно спросил Конан, нервно теребя свою знаменитую перчатку, словно одна рука тянулась к мечу, а вторая старалась удержать ее от этого действия.

— Должен быть. Но магические силы...

— Заткнись! — не своим голосом заорал Конн, и положил руку на плечо старого графа. — Мы не намерены слушать эту магическую чушь! И я не намерен вести Военный Совет в присутствии чернокнижника, пусть он трижды клянется всеми демонами Бездны, что воюет с теми же врагами, что и мы! Бери ратников и отправляйся искать свои подземные ходы. Найдешь проход в цитадель — тогда и поговорим.

Стигиец резко повернулся и вышел. Конан стал мрачен, размыщляя о том, какова должна быть истинная причина, заставившая ярого поборника тайнств Великого Змея искать союзника в лице Льва Аквилонии и терпеть такое вот обращение. Уж он-то знал норов жрецов Сета. Однако обстоятельства требовали немедленного военного вмешательства, и он погрузился в ратные дела, на время, забыв о жреце.

Глава одиннадцатая

Поразмыслив, Армледер остался доволен тем, что столкнулся с отрядом наемников, и благодаря этому незаметно проник в замок. Почти сразу он понял, что не ошибся в подозрениях и отряд «псов войны» направлялся в замок к Торкилю.

Необычный способ попасть в свое родовое гнездо выбрал законный наследник славного имени герцогов Пеллийских, пробираясь под видом бродячего солдата удачи, и это слегка забавляло Армледера. Неясное ощущение опасности подстегивало его, обостряя чувства и придавая жизни особый вкус. Пока что все складывалось к лучшему.

«Если братец действительно готовит мятеж, то, приди я в открытую, он и слова мне об этом не скажет. А так будет время пообтереться, осмотреться, разузнать, что к чему. Кто обратит внимание на одного из наемников, если ему вздумается поболтать да поспрашивать о том, о сём, — размышлял он, направляя своего коня вслед за Диго по узкой лесной тропке, — интересно все же: что он задумал? Будет, как в старые времена, тревожить набегами соседей? Так ему быстро хвост прижмут. Хочет поднять мятеж против Тарантии? Какой в этом смысл?.. И опять же, непонятно, на что он рассчитывает. Позора, правда, потом не оберешься».

Армледера разбирала злость на своего хитроумного братца, умудрившегося развернуть столь широкую деятельность. Впрочем, истинного размаха этой деятельности он даже не мог представить, до тех пор, пока отряд не вывернулся с лесной тропки на хорошо утоптанную дорогу, ведущую к его родовому гнезду.

Замок, памятный Армледеру по светлым детским годам, теперь было не узнать. Уютное полузастроенное гнездо Эйольва-странника, который, подобно всем путешественникам, был человеком несколько не от мира сего, превратилось в гордо вздымающуюся к свинцовому небу громаду, величавую неприступную цитадель властелина окрестных земель.

Замок был даже не отреставрирован, а в большей своей части просто отстроен заново. Массивные, плотно пригнанные друг к другу серые камни стен, казалось, были не скреплены раствором, а слиты в единое целое неведомой магической силой, и замок выглядел, как незыблемая монолитная скала, каким-то чудом обретшая формы неприступной цитадели.

Массивные бастионы угрюмо выдвигались вперед, обеспечивая господство над окружающей местностью.

Армледер не сомневался, что именно там находятся приобретенные братом баллисты, катапульты и другие достижения военной механики, призванные облегчить жизнь осажденным и ускорить гибель осаждающих.

Рядом что-то одобрительно пробурчал Диго. Одноглазый наемник за свою жизнь повидал немало укреплений, и ему было достаточно беглого взгляда, чтобы точно оценить достоинства и недостатки любого оборонительного сооружения. Он, разумеется, не перебирал в уме, как Армледер, основные тактические и стратегические категории, примеривая их к находившемуся перед его глазами замку (хотя глубоко заблуждаются те, кто думает, что неотесанному наемнику незнакомы эти понятия — известно немало случаев, когда такой вот нечесаный, покрытый грязью и шрамами «пес войны» посрамлял своих нанимателей тонким знанием деталей военной науки).

Диго чувствовал нутром, что будет стоить в бою та или иная крепость. И одобрительное ворчание наемника говорило о достоинствах родового гнезда герцогов Пеллийских, пожалуй,

даже больше, чем многословные рассуждения королевских стратегов.

Внутри, к удовольствию Армледера, замок изменился гораздо меньше. Остались прежними покрытая гранитными плитами площадка внутреннего двора, высокая центральная башня и примыкающий к ней обширный каменный не то дом, не то дворец, окруженный по второму этажу крытой галереей. Позади него располагались постройки для челяди. Старые здания были подновлены и отделаны заново. Добавились лишь два добротных длинных дома, вытянувшиеся вдоль крепостных стен и до боли напомнившие Армледеру казармы в боссонском пограничье.

Отряд наемников прибыл в замок поздним вечером. На внутренний двор уже опустилась тень. Ехавший впереди Диго о чем-то переговорил с вышедшим ему навстречу человеком (Армледер не смог припомнить такого среди челяди) и, приподнявшись на стременах, крикнул своим головорезам:

— Сегодня всем отдыхать. Размещаемся в той вот лачуге. — Он небрежно махнул рукой в сторону левой казармы. — Завтра с рассветом на построение, безделье кончилось, начинаем отрабатывать деньги.

«Псы войны» устраивались на новом месте без суэты и спешки. Кто-то чинил прохудившийся сапог, кто-то чистил доспех. Армледер по привычке проверил свою амуницию, с наслаждением стащил с себя доспехи и рухнул на койку. По давней походной привычке использовать для отдыха любую возможность Армледер моментально заснул, мысленно приказав себе проснуться через пару часов.

Когда он открыл глаза, факелы уже не горели, а вокруг раздавался разнообразный храп. Нарочито и медленно, лениво, словно не до конца проснувшийся человек, Армледер поднялся и вышел наружу. Внутренний двор замка был погружен во тьму, лишь в одной из угловых башен светилось окно. На фоне неба виднелись силуэты часовых, мерно шагавших меж зубцов крепостных стен. Стылый ночной ветерок приятно холодил тело. Армледер несколько раз глубоко вздохнул, словно пробуя на вкус воздух родного дома. Бесшумно, как летучая мышь, он кинулся через двор к большому дому, очутился под галереей, подпрыгнул, подтянулся и вскоре уже находился внутри здания. Темные коридоры, скромно освещенные редкими факелами, помогали ему оставаться незамеченным, но отнюдь не способствовали вере в успех.

Армледер направлялся в отцовскую библиотеку. Он помнил, что Торкиль в юности большую часть времени проводил именно там, и логично было предположить, что там он устроил свой рабочий кабинет. А в нем уж, Армледер был уверен, найдется хоть что-то способное пролить свет на происходящее.

Услышав впереди еле слышный шорох, Армледер тенью метнулся в боковой коридор и затаился за выступом стены — свидетельством странностей архитектора, которое сейчас, пожалуй, впервые за все время своего существования сослужило кому-то добрую службу.

Бросив осторожный взгляд в сторону покинутого коридора, Армледер с изумлением увидел тихо крадущегося Одноглазого Диго, державшего небольшой светильник с хитрым приспособлением, которое часто используют воры, знающие толк в своем ремесле.

Крохотный колпачок полностью закрывал пламя, выпуская наружу лишь тонкий луч света. При необходимости отверстие закрывалось, и свет вообще не проникал наружу, хотя внутри продолжал тлеть огонек.

Одноглазый наемник быстро и бесшумно двигался по коридору. Покинув свое укрытие, Армледер бросил взгляд ему вспять и успел заметить закрывающуюся дверь в один из

«гостевых покоев». Видимо, главаря стаи «псов войны» гостеприимный хозяин замка решил держать под рукой. Ломая голову над странным поведением Диго, Армледер двинулся дальше. Вскоре коридор повернул и закончился у массивной дубовой окованной железом двери. Секрет запиравшего ее замка знали лишь владельцы замка, поэтому было маловероятно, что Торкиль выберет для хранения своих документов другое место.

Армледер особым образом, с паузами, несколько раз нажал на голову грифона, украшавшую центр двери. Одна из панелей отошла в сторону. Армледер сунул руку в образовавшееся отверстие и потянул за стальную скобу, отодвигая толстый засов. Тяжелая дверь медленно приоткрылась, и Армледер скользнул в образовавшуюся щель.

Вдоль стен тянулись высокие шкафы, заполненные книгами в разнообразных переплетах, древними манускриптами и отдельными стопками папируса.

Кое-где лежали глиняные таблички, покрытые письменами, неизвестными никому из ныне живущих людей. Покойный Эйольв Пеллийский являлся большим любителем книг. Это была его вторая страсть после неискоренимой тяги к путешествиям. В каждом из странствий Эйольв настойчиво отыскивал редкие книги. За некоторые свитки из его коллекции готовы были отдать несметные богатства жрецы самых разных религий, особенно те, кто посвятил свою жизнь изучению магического искусства. В этих книгах излагались мрачные тайны чародейства, и история приобретения Эйольвом каждой из них сама по себе могла бы считаться подвигом.

Широкий мраморный стол стоял посреди библиотеки, заваленный многочисленными свитками на незнакомых Армледеру языках. По всей видимости, здесь Торкиль и проводил большую часть своей жизни. Армледер принял обшаривать полки рядом со столом, на которых в беспорядке лежали куски пергамента, исписанные нервным, торопливым почерком брата.

«Концентрация магической энергии... Приемы в свитке Валузийских хроник... Сила особого рода...»

Записи напоминали Армледеру дневник полусумасшедшего мага, а не планы коварного заговорщика.

Наконец он наткнулся на документ, представивший большой интерес. Это был список расходов на восстановление и укрепление замка. Увидев сумму, истраченную братом на реставрацию родового гнезда, Армледер даже присвистнул от удивления. Он давно понял, что расходы по приведению замка в теперешний вид намного превосходили казну Торкиля, но не мог и предположить, насколько они их превосходили. Пожалуй, даже если бы Торкиль распродал принадлежащую ему землю и немногочисленные семейные реликвии, все равно вряд ли бы удалось получить хоть половину истраченных денег.

«Вот и думай теперь, — произнес про себя Армледер, — откуда братец взял столько денег. Даже если Хват отдавал ему награбленное, все равно не хватило бы».

Но сейчас не стоило думать об этом. Времени до рассвета оставалось немного, а Армледер хотел найти записи, которые могли пролить свет на происходящее в замке и в голове братца.

Вскоре Армледер, осторожно закрыв за собой дверь в библиотеку, быстро пробежал по коридорам, спрыгнул с галереи и вернулся в казарму. Насколько он мог судить, его отсутствие осталось незамеченным. В результате поисков ему удалось обнаружить несколько небезынтересных документов: записку о положении дел в Туране, не содержавшую практически ничего интересного, кроме первых слов «так, значит, пожаловали прямо из

Турана»; начало трактата, увязывавшего достижения хайборийских народов с чистотой расы и выдвигавшего, в качестве единственного способа улучшения положения хайборийцев, восстановление расовой чистоты путем целенаправленного вливания чистой крови; лежавшие на видном месте записи о ведении боя с пометками Торкиля на полях: «по Розилю, наоборот», «Кайран Бек рекомендует сразу уходить с линии атаки, так как большинство туранских школ не признает этого способа защиты», и так далее.

Имя Кайран Бек показалось Армледеру смутно знакомым, но с чем именно оно было связано, он так и не смог вспомнить. Укладываясь в койку, Армледер перебирал в уме узнанное в результате ночной вылазки, пытаясь найти нить, связывающую все непонятные события. В голове вертелись самые невероятные догадки. Самым простым было предположение, что Торкиль сошел с ума, но, к сожалению, оно ничего не объясняло. Через несколько мгновений Армледер подумал, что брат решил проводить в своих землях улучшение породы хайборийцев, используя кхитайские методы. Затем он решил, что Торкиль, проводя перестройку замка, влез в долги и, чтобы отдать их, стал грабителем с большой дороги — иными словами, что Хват — наемник Торкиля. Наконец Армледер пришел к выводу, что настоящий Торкиль убит, а его место занял туранский шпион.

Глава двенадцатая

Дисциплина в отряде Одноглазого была отличная. Армледер убедился в этом наутро, когда с первыми лучами солнца наемники выстроились на площади. Только опыт многолетней службы помог ему успеть вовремя.

Из второй казармы на площадь тянулся самый разношерстный народ: десяток угрюмого вида заморийцев, два-три зингарца, сплоченный отряд боссонцев, несколько шемитов. Особняком держались выходцы из Нордхейма, покрытые волчьими шкурами, увенчанные рогатыми шлемами и сопровождаемые сворой гигантских псов в шипастых ошейниках. Рядом с белобрысыми и рыжеволосыми северянами расположились южане — черные как смоль выходцы из Дарфара.

От вида этого пестрого собрища у Армледера голова пошла кругом. Но его удивление перешло все границы, когда он увидел маленький отряд пиктов.

Поразительно, но дикиари оказались, пожалуй, самыми дисциплинированными из собравшегося здесь сброва, не считая, конечно, отряда самого Диго, и образовали некое подобие шеренги. Остальные подходили медленно, не торопясь, демонстрируя свое пренебрежение к происходящему.

— Всем быстро строиться! — взревел незаметно появившийся Диго.

Приказ подействовал. Командиры отрядов, наконец, добились от своих людей чего-то напоминавшего построение захудалого гарнизона в какой-нибудь центральной провинции, долго не бывшего в бою и разжиравшего на дармовых харчах.

Лишь огромный шемит, по глаза заросший черной клочковатой бородой, по-прежнему развались, стоял посреди площади и никак не реагировал на происходящее. Услышав слова Диго, он отвернулся в сторону и демонстративно плонул.

Диго побледнел. Его единственный глаз с яростью сверлил шемита.

— Кранк! — вполголоса произнес Диго и слегка повел головой.

Один из десятников подскочил к шемиту и отвесил ему оглушительную оплеуху. Взревев, тот попытался выхватить из ножен широкую саблю, но на его руку уже легла ладонь Одноглазого.

— Встать в строй, мразь! — рявкнул наемник, без видимого усилия задвигая оружие в ножны. — Здесь командую я! Если не нравится, попробуй выяснить отношения со мной.

Диго оттолкнул от себя шемита, словно мешок с тряпьем, и тот поспешил занять место в строю. Одноглазый отвернулся и неторопливо вышел на середину плаца.

— Через пару дней нам придется немного помахать оружием, — негромко сказал аргосец. — Для этого все вы здесь и собирались. Я буду вашим командиром. Правила простые: приказы не обсуждаются, а выполняются. Кому что-то не нравится, может обратиться ко мне после того, как выполнит приказ. За неподчинение наказание такое же, как за предательство. Сейчас самое время немного поразмяться, чтобы в первом же бою ваши кишki не размазались по книге Хозяйки Судеб. Вперед.

Армледер озирался, пытаясь понять, что же будет происходить дальше. Заметивший его недоумение офицер, один из тех, с кем он пил вино на привале в лесу, сказал, извлекая из ножен два коротких меча:

— Чего стоишь как столб, немедиец? Давай готовься, а то в бою живым не останешься.

— Как, боевым оружием? — спросил Армледер.

— Не бойся, не порежешься. Разве, что царапнут немного, или ухо отхватят, — захотал довольный своей шуткой офирец.

Тем временем, Диго, отослав лучников в дальний конец двора, где виднелись установленные мишени, подошел к оставшимся и коротко указал, кому с кем предстоит скрестить мечи. Каждому наемнику из своего отряда он назначал в противники одного из тех, кто не был ему знаком. Армледеру достался тот самый бородатый шемит, больше напоминавший медведя, чем человека. Многочисленные шрамы не добавляли привлекательности его лицу, но недвусмысленно свидетельствовали, что их обладатель отличается не только наглостью. Он не забыл недавнего унижения и горел желанием сорвать на ком-нибудь свою злость. Лениво отбивая его удары, Армледер обдумывал свои ночные находки и с опозданием заметил, что противник ведет не тренировочный бой, а всерьез пытается выпустить из него кишки.

Он неудачно парировал очередной выпад, и острый кончик сабли царапнул по щеке. Глаза шемита загорелись, словно у волка, почувствовавшего запах свежей крови. Решив, что противник со своим палашом, казавшимся по сравнению с его чудовищных размеров саблей хрупкой игрушкой, не сможет оказаться достойного сопротивления, шемит бросился вперед. Следующая его атака напоминала ураган, к счастью для Армледера, не только по силе, но и по мастерству исполнения.

Хладнокровно пропустив мимо очередной круговой удар, Армледер не стал тратить время и плашмя врезал палашом по уху своего противника. От неожиданности тот отшатнулся, вновь бросился вперед, и тут же ему в лицо, добавив еще парочку шрамов, врезался эфес палаша. Выронив саблю, шемит тщетно пытался вытереть кровь, залившую глаза.

Оказавшийся рядом Диго с одобрением поглядел на Армледера:

— Молодец, капитан. Вижу, в вашей академии кое-чему стоящему все-таки учат. Не каждый смог бы уложить этого борова. Только чего ты ждал так долго? — И, безо всякого перехода повернувшись к шемиту, Диго рявкнул:

— Подними саблю, ты, Нергалово отродье, вытри сопли и продолжай! — затем отвернулся и неторопливо пошел дальше, с легкостью лавируя между сражающимися.

Армледер спокойно поджидал шемита, все еще пытавшегося остановить кровотечение из рассеченной брови. Внезапно по площади словно пронеслось дуновение холодного ветра. Прекратился звон клинков, сражающиеся замерли, будто повинуясь неслышной команде. Почувствовав спиной чей-то холодный взгляд, Армледер обернулся.

Рядом с Диго, что-то вполголоса говоря ему, скользящей походкой шел Хват, все в том же змеином доспехе, что был на нем во время стычки в лесу.

Палаш в руке Армледера задрожал, как будто оружие вдруг ожило и рвалось в бой помимо воли хозяина. Диго остановился и оглядел отчего-то притихших головорезов:

— Почтенный Эолабар изъявил желание поближе познакомиться с нами и лично проверить уровень подготовки, — с едва уловимой иронией в голосе произнес Одноглазый. — Кто желает доставить удовольствие почтенному Эолабару?

Эолабар. Так же как Кайран Бек, это имя откуда-то было знакомо Армледеру. Что-то зудело и шевелилось в памяти, но поймать воспоминание не удавалось.

Тем временем к Хвату (или Эолабару) подошел Кранк, десятник из отряда Диго. Взглядом испросив разрешения у командира, он небрежно отдал салют и встал в позицию, откровенно пародируя знаменитые обычаи Черных Драконов. Хват без слов вытащил из

ножен две короткие кривые сабли. Кранк атаковал, явно надеясь на длину своего меча... и через несколько мгновений оказался обезоруженным и отошел в сторону, потирая кисть. Следующая схватка заняла несколько больше времени, но закончилась с таким же результатом.

Диго медленно закипал. Что здесь понадобилось этому Сетову выкормышу? Он помнил слова стигийца и видения, показанные ему магом, и знал, что Змеенышь, как он про себя называл Эолабара, отличный боец, но увиденное превзошло все его ожидания. За несколько мгновений справиться с Кранком, одним из лучших бойцов вольного братства наемников, — такого Диго еще не видел.

— Как же его убивать-то? — пробормотал он себе под нос. — Из арбалета в брюхо, что ли?

Рука Одноглазого главаря наемников потянулась к эфесу, затем замерла. Диго оглядел свое притихшее воинство.

Армледер решительно шагнул вперед. Боль и бешенство, которые он пережил вчера над поруганными трупами своих Драконов, слились в одно, всепоглощающее чувство. Сейчас он испытывал только ненависть — холодную ненависть к этому змееобразному разбойнику. Соблюдая обычай, он вопросительно посмотрел на Диго, наемник кивнул, в выражении его лица промелькнуло одобрение, но голос остался прежним — ироничным и язвительным:

— Давай, капитан. Ты неплохо справился с этим шемитским ублюдком. Посмотрим, что у тебя получится с настоящим противником.

Отсалютовав, Армледер осторожно сделал пару выпадов, которые Хват без труда парировал и быстро атаковал сам. Защита Армледера тоже оказалась успешной. Разведка закончилась. Противники прощупали друг друга и на мгновение замерли.

С первых движений Хвата, Армледер почувствовал, что нынешний соперник — не чета предыдущему. Шемит рубился, полагаясь только на свою силу и знание пары несложных приемов. Хват же, наоборот, казалось, не просто фехтует, а живет схваткой. Вне всякого сомнения, это был тот же человек, с которым Армледеру довелось схватиться несколько дней назад. Его движения оставались плавными и естественными, сабли в руках казались не оружием, а продолжением его тела. С подобным мастерством Армледер сталкивался лишь тогда, когда король Конан еще был полон сил и время от времени с мечом в руках сам муштровал своих телохранителей (тогда еще Черных Драконов).

Змеиные, струящиеся движения Хвата казались обманчиво медленными, словно перетекали одно в другое, и неожиданно один из его клинов устремлялся в смертельный полет, угрожая рассечь противника. Уже несколько раз короткая сабля мелькала у лица капитана, и лишь в последний момент ему удавалось уйти от удара, а палаш Армледера раз за разом проваливался в никуда — Хват неизменно оказывался на шаг в стороне, уходя от неотразимых, казалось, ударов.

Схватка продолжалась всего несколько мгновений, но Армледер чувствовал себя так, будто рубится уже целое утро. Сабля Хвата чиркнула по его кирасе, но ответный удар тоже оказался удачным — длинный кинжал Армледера скользнул по броне разбойника, и тот едва успел отшатнуться. Армледер несколько воспрял духом и стремительно атаковал. Соперник не остался в долгу.

Обоим противникам удалось слегка задеть друг друга. Короткая сабля прошлась по левому запястью Армледера, отомстив за ранение, полученное разбойником в недавнем бою. Ответный выпад аквилонца легко поразил бедро Хвата. Бешеный ритм схватки и полученные

царапины начинали сказываться. Противники начали сражаться медленнее и осторожнее. Последовало несколько безрезультатных стычек, и Армледер почувствовал в поведении Хвата какую-то трудноуловимую странность. Со стороны это было незаметно — всем казалось, что в бою сошлись два равных бойца, но Армледер чувствовал, что уступает, проигрывает разбойнику. Но в то же время Хват не пользовался своим преимуществом. Уже пару раз, преодолев защиту капитана, он останавливался, не нанося последнего, решающего удара. Этот негодяй издевался, играл с ним. От этой мысли бешенство с новой силой охватило Армледера. Точно так же, как недавно шемит, он устремился вперед, обрушив на разбойника град бесплодных ударов. Но Хват вдруг резко отступил на шаг назад и опустил сабли. Из-под шлема донесся незнакомый приглушенный голос:

— Благодарю за доставленное удовольствие. Для меня честь сражаться с вами, капитан.

В последнем слове Армледеру почудилась едва уловимая насмешка. Хват поклонился, вложил сабли в ножны и, кивнув на прощание Диго, отправился в сторону донжона.

Армледер машинально ответил на поклон и развернулся, чтобы направиться к поджидающему его шемиту, когда его остановил голос Диго:

— Молодец, капитан. Нашелся хоть один, кто чего-то стоит, слышите, вы, Нергаловы дети! Капитан, с завтрашнего дня будешь учить этих недоносков, обращаться с оружием, как подобает мужчинам. — Радость старого наемника выдавал только оживившийся взгляд. — А пока достаточно. Сейчас пожрете, потом привести себя в порядок, проверить снаряжение. Десятники, подойдите ко мне, распределим участки обороны, остальные свободны. Вечером командиры отрядов покажут, кто где будет стоять при нападении врага, а ты, капитан, найди меня, надо будет с тобой поговорить.

Вложив в ножны палаш, Армледер направился к стоявшей в углу площади бочке с водой, чтобы смыть пот и грязь. Бешенство схлынуло, оставив в душе удручающую пустоту. Шаги по каменным плитам гулко отдавались в голове. Отчего-то в памяти всплыл момент окончания бельверусской академии, когда на почти такой же площади он в последний раз приветствовал своих наставников. Вспомнилось добродушное лицо одного из них, при взгляде на которого трудно было предположить, что большую часть жизни он провел при дворах соседних государств, выполняя секретные поручения немедийской тайной службы. И плеснув водой в лицо, смывая пот, Армледер отчетливо услышал его слова:

«В каждой стране есть свои знаменитые шпионы. У Аквилонии был Бохо-лучник, который жил среди пиктов, и те долгое время принимали его за своего. С его помощью удалось предотвратить несколько нападений. Жаль, потом дикии разузнали, чем он занимается, и, оценив его мужество, принесли в жертву своим богам. Был еще зингарец, не помню его имени, благодаря которому Нумедидесу удалось выиграть войну с Аргосом, узнав, где будет находиться вражеский флот. Тоже плохо кончил — аргосцы привязали его к носу корабля в одном из сражений, и к концу боя он был утыкан зингарским стрелами, словно дикобраз. А из живых самый знаменитый шпион — туранец. Никто не знает его лица, и даже неизвестно, какое у него имя. Иногда его зовут Кайран Бек, иногда Эолабар Бан, пользовался он именами Астан Кертийский и Керим-Шах. А сколько у него еще прозваний, никому не ведомо».

Глава тринадцатая

Появление Армледера в казарме было встречено дружным одобрительным шумом — после боя с Эолабаром, где капитан показал, на что способен, матерые волки приняли новичка в стаю.

— Эй, немедиец! — раздался хриплый голос Кранка, — капитан! Иди сюда, выпьем. Выпьем этой кислятины, которую они тут на севере предпочитают доброму темному виноградному напитку.

Перекинув ногу через скамейку, десятник, один облик которого пару дней назад заставил бы Армледера немедля доставить наемника к наместнику провинции для выяснения личности и причин появления в здешних местах, сейчас протягивал Армледеру кружку, и вид у него был словно у мальчишки, чьего обидчика только что отодрал ремнем взрослый защитник.

— Садись, капитан, и выпьем! — Он всунул кружку Армледеру, подвинулся, освобождая место, а когда капитан уселся, в порыве чувств так хватил его по спине, что половина кружки выплеснулась на стол.

— Славно рубишись, Митра свидетель. Этому чешуйчатому Нергал его разбери, думаю, давно не тыкали кинжалом в брюхо. То-то он присмирел. Сам-то я сегодня не в форме — видать, малость перебрал вчера, а то бы заставил этого змея кусать себя за задницу.

Армледер с удовольствием рвал зубами (вилок для наемников предусмотрено не было, да и мало кто из них знал, что это такое) жесткое холодное мясо и наслаждался незаслуженной славой. К своему удивлению, он чувствовал, что жизнь в вольном отряде, рядом с отпетыми головорезами, начинает ему нравиться. В этих людях было то, чего не хватало при утонченном тарантийском дворе — какая-то первобытная жажда жизни и неуемная тяга к нехитрым удовольствиям, доставлявшим им больше радости, чем самое изысканное времяпрожигание пресыщенным вельможам.

Простые законы, по которым жили наемники: выполнять приказы командира, не трусить в бою, закрой собой товарища — стали казаться аквилюнскому дворянину более приемлемыми, чем детальный «Свод правил поведения благородного рыцарства в различных жизненных ситуациях, как-то: на балу, на охоте, при встрече с незнакомцем в пустынном месте и при других случаях, возникающих в жизни», доскональное знание, которого было обязательным для любого знатного аквилюнца. Лишь с некоторым усилием воли он заставил себя вспомнить о присяге и дворянской чести.

Окончив нехитрую трапезу, «псы войны» принялись наливаться пивом, а Армледер незаметно выскользнул из-за стола, захватив с собой изрядный кусок ячменной лепешки, и отправился на конюшню, куда вечером поставил своего скакуна. Первое правило Черных Драконов гласило: «Прежде, чем позаботиться о себе, позаботься о коне».

Рядом с низкорослыми аргосскими лошадками его вороной выглядел как боевой корабль рядом с грузными купеческими судами. Мягкие губы нежно взяли лепешку с руки. Армледер был готов к тому, что придется долго чистить животное скребком, заставлять конюхов убираться в стойле и посыпать пол свежими опилками. Но, к его удивлению, вороной был ухожен, а дощатый пол в конюшне — чист.

«Вечером надо будет вывести вороного, чтобы не застоялся», — заметил себе Армледер, похлопав коня по холке.

Он развернулся к выходу, сам еще не определив, куда идти — то ли найти Одноглазого, который хотел с ним о чем-то переговорить, то ли просто пошататься по замку в надежде разузнать что-нибудь интересное, и буквально столкнулся лицом к лицу с низким коренастым человеком, одежда которого и исходивший от нее запах, недвусмысленно говорили любому встречному, что перед ним конюх. Широкое морщинистое лицо и нечесаные седые космы волос говорили о солидном возрасте:

— А я так и знал, что это ваша лошадка, господин, — проговорил конюх дрожащим от старости, скрипучим голосом, в котором проскальзывали растроганные нотки, — я вчера краем глаза вас заметил, а потом гляжу: лошадка стоит, и занялся — почистил, овса насыпал.

«Монетку просит, что ли», — подумал Армледер и полез в карман.

— Как же он подпустил тебя, стариk? — сказал он, не глядя, выуживая один из золотых, полученных от принца Конна перед отъездом.

— Да какая же лошадка не подпустит старого Хойси, — засмеялся стариk.

Рука Армледера остановилась на полпути.

Хойси. Как он мог не узнать старину Хойси, учившего малолетних сыновей Эйольва ездить верхом. Конечно, это был старый конюх, находивший общий язык с лошадьми легче, чем с людьми. Животные любили его, чуя, что этот человек не причинит им зла.

По вечерам в конюшне он разговаривал с ними и иногда рассказывал, что услышал ответ. Всех без исключения лошадей, даже тяжеловозов, таскавших древесные стволы на строительстве, и обученных боевых коней он ласково называл лошадками, вызывая бурные приступы смеха у детей.

Стариk был прав — не было в мире еще такой лошади, что не подпустила бы к себе старого Хойси, когда он, бормоча что-то себе под нос, подступал к ней со скребком в руках и заводил долгий невразумительный разговор о тяжелой конской судьбе. Он был старым еще во время детства Армледера, а сколько ему было лет, не знал никто. Капитан считал, что старый слуга давно уже покинул сей бренный мир, и никак не ожидал увидеть его живым. Хотя, по правде говоря, направляясь в замок, он вообще забыл о существовании слуг, которые могли помнить старшего отпрыска Эйольва.

— Как живешь, стариk? — спросил он мягко.

— Страшное что-то творится, хозяин. Словно демоны в замке поселились. Все сразу и не расскажешь. Набрали новых слуг, и все они отпетые головорезы. Из старых, кто еще при отце вашем был, теперь остались только я и Гэлуон-камердинер — он теперь управляющий по дому. По ночам из башни завывания раздаются и молнии сверкают, а на небе ни облачка. Люди начали исчезать.

— Что значит, начали исчезать? — недоуменно спросил Армледер.

— Погибают, если хозяину что-то не нравится. Ни с того, ни с сего со стены падают, как Ани. Говорят, пьяный был, а он в тот день капли в рот не брал, собирался к своей подружке, а до того болтал про груженные золотом повозки, которые в замок приехали. А некоторые просто бесследно исчезают: вечером был человек, а наутро нет его. Хозяин ни с кем из слуг не разговаривает, и все время пропадает в подвале. Там у него потайная комната и святилище. Строители, которые в подвале работали, были из Немедии. Когда работа закончилась, отправились они в сторону границы, да только, — тут старый Хойси понизил голос до едва различимого шепота, — никто из них туда не дошел. Там на заставе у меня приятель есть, я его потом спросил, а он говорит, что за два дня никто не проходил. А страшней всего благородный Эолабар. Поговаривают, что он оборотень, не к ночи будь помянут. Что шкуру

свою меняет, днем вроде как человек, а ночью... — старик умолк.

— Что ночью? — спросил Армледер.

Хойси пугливо оглянулся по сторонам и прошептал ему на ухо:

— Недавно одна служанка ночью мимо его комнаты шла, и видит — прямо сквозь дверь пропадает какое-то светящееся облако, и по коридору поплыло. Она в себя пришла, только когда вниз добежала, на кухню, к слугам.

Со двора донеслись яростные крики и шум. Армледер вскочил и метнулся к выходу. В дверях он на миг остановился и бросил взгляд на Хойси. Старый конюх поднялся. Армледер впервые заметил, какой у него светлый и чистый взгляд, напоминающий отрешенный взор отшельников Благих богов.

— Уходите, хозяин, — тяжело и как-то грустно сказал Хойси. — Жаль, столько не виделись. Да уже и не увидимся. Умру я сегодня. Поговорить бы еще... Прощай, молодой хозяин.

— Вечером подожди меня, — сказал Армледер, пропустив мимо ушей болтовню старика о смерти.

Толпа наемников во дворе замка бурлила. Подбегая, Армледер услышал короткий вопль ужаса, сразу же перешедший в стон.

Один из белых тигров-людоедов, привезенных наемниками из Дарфара, вырвался из клетки и напал на своего хозяина. Разодранное тело дарфарца с вывалившимися из живота кишками лежало посреди площади. Зверь успел покалечить еще несколько человек. Один из боссонцев зажимал рану на руке, которой уже не суждено было держать лук. Тигр бросился в собравшуюся на площади толпу. Смертельные удары когтистых лап настигали то одного, то другого.

— Всем назад! — взревел подбежавший одновременно с Армледером Диго.

Толпа отхлынула, между людьми и хищником образовалось свободное пространство, в центре которого, прижав уши, рыча и хлеща себя хвостом по бокам, припал к земле тигр.

— Луки к бою! Целься! — раздавались короткие и отрывистые команды Одноглазого.

Поднятая вверх рука упала, и в то же мгновение зверя пронзили пущенные со всех сторон стрелы. Промахнуться с такого расстояния было невозможно. Раздался предсмертный рев: гигантская кошка, извиваясь, билась в центре замкового двора.

Диго, оглянувшись, заметил стоявшего рядом Армледера:

— Капитан, найди кого-нибудь из слуг, пусть уберут падаль.

Глава четырнадцатая

Шаги Армледера гулким эхом отдавались от стен. Послав мальчишку на поиски бывшего камердинера, он широкими шагами расхаживал по центральному залу нижнего этажа башни.

Гэлуон появился бесшумно, как и подобает вышколенному слуге. Глаза его изумленно расширились, когда он увидел ожидавшего его человека. Выслушав Армледера, он отдал краткие распоряжения следовавшим за ним слугам, отоспал их, и, преклонив колено, приветствовал хозяина.

— Встань, — сказал Армледер, — никто не должен знать, что я здесь.

Гэлуон понимающе кивнул:

— Хвала Митре, что вы вернулись. Может быть, хоть вы сможете остановить безумца.

— Расскажи мне, что здесь творится. Ты должен знать побольше, чем остальные. Что задумал Торкиль? Я уже понял, что брат собирается поднять мятеж против короны, наверное, при поддержке Турана. Не знаю, на что он рассчитывает, но, Митра свидетель, сделаю все, чтобы ему помешать. Но как ему удалось так запугать слуг? Хойси, мне кажется, на старости лет начинает выживать из ума. Он рассказал мне кучу басен, которыми дети пугают друг друга по вечерам. Неужели Торкиль действительно прикончил столько людей?

— Брат ваш не посвящает меня в свои планы. Но одно могу сказать точно: что бы ни рассказывал Хойси, это не просто болтовня. Все даже страшнее. Я давно уже наблюдаю за происходящим, и если бы не долгие годы службы... — Он многозначительно замолчал, осмотрелся вокруг и после небольшой паузы продолжил: — Пойдемте.

Ошеломленный, Армледер послушно последовал за слугой. Поднявшись на второй этаж, тот бросил осторожный взгляд вокруг и нажал на одну из дубовых досок, которыми были оббиты стены. Целая панель отошла в сторону, открыв небольшой узкий проход. Гэлуон скользнул в него, на мгновение прислушался и поманил за собой Армледера. Изумленный хозяин замка, и не подозревающий о существовании в своем родовом гнезде не известных ему тайных ходов, шагнул следом. Панель скользнула на место, надежно скрыв вход.

— Если вам придется возвращаться без меня, — голос Гэлуона на миг пресекся, — с этой стороны проход открывает третий камень сверху по правой стороне.

Он еще раз прислушался и бесшумно двинул в левую сторону. Армледер понял, что старик идет по направлению к Залу Советов, где в незапамятные времена первые герцоги Пеллийские собирали своих вассалов, разрабатывая планы военных действий против соседей.

Коридор, по которому они шли, оказался очень узким — два идущих навстречу человека могли разминуться в нем, только тесно прижавшись друг к другу. Было заметно, что потайным ходом в последнее время часто пользовались. Откуда-то падал бледный рассеянный свет, кое-где виделись боковые выходы из коридора, которые, Армледер был уверен, были незаметны с внешней стороны.

Они миновали узкую винтовую лестницу, пронизывающую замок на всю высоту — от верхнего этажа под самой крышей до мрачных подвалов.

— Когда ваш брат начал перестраивать замок, — шептал камердинер, — он нашел старый план, на котором был обозначен этот потайной ход, и решил восстановить это свидетельство темных времен. С тех пор он предпочитает передвигаться скрытно от других, неожиданно появляясь там, где никто не ожидает его встретить. Использует он ход и для

других целей. Хойси рассказывал вам про людей, которые по ночам исчезают из своих комнат? Ну вот, дошли.

Старик остановился у одного из проходов, по одному ему известным приметам отличив его от других:

— Смотрите, — шепнул он, открывая маленькое отверстие на высоте лица. С той стороны оно надежно скрыто, никто не заметит соглядатая.

Армледер приник к дыре. Несмотря на жаркий день, в Зале Советов пылал камин. У огня, зябко кутаясь в теплый меховой плащ, сидел Торкиль. Рядом с ним за длинным столом расположился десяток незнакомых Армледеру людей. Одного из них он, кажется, видел в лесу среди тех, кто атаковал его гвардейцев в стычке с отрядом Хвата.

Внезапно капитан вздрогнул. Пот мелкими бисеринками выступил у него на лбу. Действительно, этот человек был среди нападающих. Армледер вспомнил, как его копье с хрустом пробило кольчугу разбойника и глубоко погрузилось в грудь. Во имя Митры, что это значит? Даже если тот чудом и остался в живых, то сейчас должен был валяться в постели, не в силах встать на ноги.

Торкиль глухим голосом отдавал распоряжения, собравшимся. Армледер начал прислушиваться, надеясь узнать планы заговорщиков. Гэлуон осторожно потянул его за рукав.

— Нельзя терять времени. Сейчас они будут расходиться. Вот, посмотрите, — он протягивал извлеченное из складок одежды маленькое серебряное зеркальце, — все зеркала из замка убрали, это единственное. Попробуйте увидеть их отражения.

Армледер приблизил зеркальце к отверстию так, что мог видеть в его блестящей поверхности находящихся в зале, посмотрел — и чуть не выронил маленький серебряный кружок. Половина присутствующих, в том числе и тот, убитый им в лесной стычке, исчезла. Их отражений не было! Казалось, что за столом сидят несколько человек, переговариваясь с пустыми местами рядом с собой. Отражение брата было мутным, расплывчатым, черты его лица казались размытыми, они дрожали, плыли, колебались, перетекали друг в друга.

Армледер побледнел. Убрав зеркало, он вновь заглянул в зал. Все присутствующие по-прежнему сидели на своих местах. Гвардеец чувствовал, как в сердце холодно змеей вползает страх. Не отражается в зеркалах только нежить, зловещие упыри: ожившие мертвецы, высасывающие кровь из людей.

— Пойдемте, пойдемте, — торопил его Гэлуон.

Армледер вернулся зеркало, заметив, что рука предательски дрожит. Они двинулись обратно. Внезапно старый слуга резко остановился. Впереди послышался шум. Кто-то, тяжело шагая, поднимался по лестнице. Они не успевали ни спрятаться, ни добраться до выхода.

Гэлуон лихорадочно бросился к ближайшему проему, открыл его и втащил за собой Армледера. Панель едва успела скользнуть на место, скрыв их от неожиданно появившегося человека.

— Прекрасно, — раздался спокойный голос сбоку, — всегда рад гостям. Стоять тихо!

Направив на них заряженный арбалет, у окна стоял хозяин комнаты, и вид у него был далеко не гостеприимный. Наметанный глаз Армледера сразу определил, что перед ним замориец, хотя широкое лицо с расплющенным носом, обрамленное черной кудлатой бородой, сильно напоминало морду огромной обезьяны, что водятся к востоку от моря Вилайет. Маленькие глазки злобно горели под низким скошенным лбом. Мощные плечи

говорили об огромной физической силе. Тяжелый боевой арбалет казался игрушкой в его волосатых, перетянутых канатами бугрящихся мышц руках.

Не выпуская из рук оружие, он пересек комнату походкой чудовищного зверя. Сходство усиливал массивный горб за спиной.

— Ха, мне все больше нравится этот замок. Это, по-моему, здешний мажордом. Мне давно хотелось расспросить кого-нибудь, где находится здешняя сокровищница, но, клянусь покровителем воров Белом, не думал, что меня ждет такая удача. Давай поговорим, старик. Но сначала нужно избавиться от твоего приятеля.

Арбалет сухо щелкнул, и толстая короткая стрела устремилась в грудь Армледера. На таком расстоянии она могла прошибть доспехи, даже не замедлив движения. Но верный Гэлуон, угадав намерение разбойника, успел броситься вперед, падая навстречу стреле, пронзившей его тело.

Не успело еще тело слуги опуститься на пол, как Армледер молнией метнулся вперед. Он не стал тратить время на то, чтобы выхватить оружие, и все свои силы вложил в единственный сокрушительный удар, отшвырнувший горбунна на несколько шагов. Из другого человека он бы вышиб дух, но замориц даже не упал, а переваливаясь, двинулся на Армледера.

Удар огромной волосатой руки был подобен удару булавы. Аквилонцу удалось увернуться, и он пришелся вскользь, но и этого хватило бы, чтобы сломать ему ребра, если бы не спрятанная под одеждой кираса.

Капитан не стал дожидаться следующей атаки, а прыгнул на заморица, захватывая его сзади за шею. Тот повернулся, как медведь, стряхивающий вцепившегося в шкуру пса, и Армледер отлетел в противоположный конец комнаты, снеся стоявший посередине стол.

Выхватив кинжал, он вскочил на ноги. Руки горбатого рванулись к аквилонцу, но Армледер оказался быстрее. Отточенная сталь вонзилась под ребра звероподобного убийцы. Тот пошатнулся, на миг замедлил движение, однако сумел устоять на ногах. Удар оказался не смертельным. Чудовищные руки сомкнулись на шее Армледера. Теряя силы, бородатый притянул противника к себе, обдав смрадным дыханием, и принял сдавливать горло гвардейца.

Прямо перед собой Армледер видел налитые кровью глаза. Его кинжал раз за разом вспарывал брюхо заморица. Пол заливалась кровь, из живота вываливались внутренности. Наконец руки горбунна разжались, и он медленно сполз к ногам Армледера, застыв бесформенной грудой.

Аквилонец был покрыт кровью, как мясник на бойне. Сняв плащ, он вытер кирасу, на которой после удара бородатого образовалась вмятина, руки и сапоги. По счастью, штаны оказались не испачканы. Превратившийся в окровавленную тряпку плащ полетел в горящий камин (по счастью, замориц мерз на севере, и сейчас в камине пыпал огонь). По комнате сразу разнесся тошнотворный запах горелого мяса.

Армледер приоткрыл дверь и выскользнул в коридор. Через несколько мгновений он входил в комнату командира наемников. Одноглазый был собран и немногословен.

— Скажи мне, капитан, — начал он, расстелив на столе карту окрестностей, — если вдруг коронованное аквилонское чучело решит штурмовать замок, что он предпримет поначалу?

Армледер вспыхнул, но вовремя успел сдержаться.

— Так, значит, все-таки с аквилонцами драться придется — нарочито беззаботно

ответил он. — Ну, давай посмотрим.

Рассматривая карту Диго, все подробности которой он знал с детства, Армледер лихорадочно пытался сообразить, что предпримет король, узнав о мятеже в пеллийском замке. Сам Конан, скорее всего, немедленно бросился бы на штурм, даже если в его распоряжении оказалось бы лишь пара его бесноватых телохранителей. Но боевыми действиями, хвала Митре, будет командовать не сам король, а Конн или Троцеро. Следовательно, бездумного штурма с насоком не будет — незачем тратить силы, класть людей на стенах, когда можно спокойно осадить крепость и подождать, пока защитникам не придется сдаться. Значит, потребуются дороги для подвоза осадных машин и обоза.

Ну что же, если Одноглазый хочет, чтобы выпускник бельверуской академии показал свои стратегические способности, помогая расставить ловушки войскам своего короля, он получит хороший совет.

Армледер оторвался от карты и принялся рассуждать вслух:

— Судя по всему, ожидать крупного наступления нам не стоит. Насколько я знаю, основные аквилонские полки расположены довольно далеко от границы. Значит, северный тракт можно оставить без прикрытия, хоть он на первый взгляд и представляет самую большую угрозу. Как раз когда я попрощался с родной заставой, разведчики с аквилонской стороны доложили, что на границу прибыл их король Конан. Он тут возглавлял какую-то вылазку против разбойников в горах, а потом двинул к нам в Немедию. Все ему пиратское прошлое покоя не дает, дай только меч в руках подержать. У него тут с собой было что-то около кавалерийского полка или чуть больше. Насколько я могу судить, этот варвар сразу бросится в драку — характер у него такой. А если он командовать будет, то в обход двигаться не станет, а пойдет прямо через горы по любой тропе, что увидит. Атаковать они будут вот отсюда, — палец Армледера остановился на едва заметной горной тропе, обозначенной на карте двумя мелкими штрихами, — или вот отсюда, — он указал на другую подобную тропу. Больше торных троп через горы нет, на остальных не то что лошадь, а и человек голову сломит. Поэтому если поставить где-нибудь здесь парочку засад, киммериец непременно на них и наткнется. Аквилонцев там можно хорошенъко потрепать, в этих горах один человек целую сотню сдержать может. Так что пока он сюда доберется, с половиной войска расстанется. А если повезет, то и сам голову сложит. Тогда аквилонцам не до нас будет пару лун — пока похоронят, пока сынка его коронуют. А потом забудут, что происходит. У толстозадых столичных полководцев голова болит о другом — как друг друга подсидеть, а в бой им, ох как не хочется. Уж я-то знаю, — не подумав, ляпнул Армледер и прикусил язык.

Но Диго, по счастью, ничего не заметил. Теребя повязку, Одноглазый внимательно слушал капитана, время от времени бросая взгляд на карту.

— Верно, говоришь, — наконец, сказал он. — Если только, правда про пиратское прошлое. Только не верю я в это, Нергал его побери! Сидит он на троне уже два десятка лет, жиром весь заплыл, только и знает, что наемников сманивать да мавзолеи строить.

Сам того не подозревая, Армледер затронул больное место аргосца. Диго вошел в раж и продолжал, закипая все сильнее и сильнее:

— Под старость, говорят, совсем ума лишился, время от времени появляется в войсках и велит двигаться куда-то — то ли в Вендию, то ли вообще Нергалу в задницу. Да будь он Амра, он бы уже до Вилайета дошел, если не дальше. Одного его имени хватало, чтобы трусливые зингарские купчишки расставались с товаром. Он приплыл на Барахские острова на единственной галере, вскоре став предводителем всех тамошних рыцарей удачи, а в одном

бою ему удалось на своей «Тигрице» потопить половину всего стигийского флота.

— Да ты сам подумай, — продолжал он, успокаиваясь. — Если б, например, мне или тебе довелось стать королем какой-нибудь, пусть самой захудалой, страны, мы с тобой что — мавзолеи бы строили? — Единственный глаз Диго уперся в Армледера.

Тот попытался скрочить самую алчную и зверскую рожу, какую смог, показывая, что ожидало бы страну, попавшую под его власть. Диго внимательно посмотрел на него:

— Да нет, я не об этом, — устало сказал он.

Армледер впервые обрадовался, что вдоволь наслушался пьяных излияний Конана, когда тот вспоминал о днях лихой юности.

— Осмелюсь заметить, командир, — подчеркнуто четко обратился он к Диго, — насчет пирата и наемника — чистая правда. Был у меня приятель на аквилонской стороне, который в свое время вместе с варваром служил следопытом на Громовой реке. А до того, он рассказывал, что Конан действительно был наемником и пиратом.

И Армледер пересказал одну из историй, услышанных им от самого короля, моля про себя Митру, чтобы Одноглазый наемник поверил в истинную правду.

Диго хмыкнул, некоторое время внимательно изучал карту и, наконец, приняв решение, спросил:

— Где, ты говоришь, лучше поставить засаду?

Армледер коротко повторил свои рассуждения. Диго задумался, продолжая теребить повязку на глазу.

— Вообще-то смысл в этом есть, — наконец, проговорил он, — насколько я знаю, Конан действительно не будет ждать подмоги, а попытается с налета взять замок, даже если ему придется пустить коней вскачь на стены. Так что, пожалуй, ты прав. Отправлю я туда парочку отрядов, пусть потреплют граву Золотому Льву, может, доведется ему блок повыкусывать. Да еще в Немедию надо послать...

Диго бормотал, рассуждая вслух и забыв о собеседнике, затем, подняв глаза, заметил Армледера:

— Вольно, капитан! Свободен. Иди, отдохтай — может, там пиво еще осталось, — произнес Одноглазый и вновь углубился в свои мысли.

Армледер вышел в коридор. Ему пришлась по душе роль тайного разведчика в чужом лагере, незаметно облегчающего победу своей армии. Удача не отвернулась от гвардейца. Убедив Диго, он хоть ненамного, но ослабил противника. Оставалось только рассказать об этом аквилонским полководцам, но это-то и было самым трудным. Капитан Черных Драконов с опозданием понял, что не может сообщить в лагерь аквилонцев о сделанном. Почтовых голубей у него не было. Пытаться бежать из замка не имело смысла. Во-первых, Диго сразу же сообразит, что к чему, и все разведенное станет бесполезным. Во-вторых, он до сих пор не мог понять всего происходящего. Откуда братец взял средства на укрепление замка? Как объяснить турнирные успехи братца, знание воинских искусств, а особенно то, что капитан подсмотрел в Зале Советов?

Армледер считал себя цивилизованным человеком и не верил в упырей, но увиденное наполняло его холодным ужасом. Даже сейчас он ощущал во рту металлический привкус страха.

«Похоже, что этой ночью опять придется обойтись без сна, — подумал Армледер. — Надо бы выяснить, что это за таинственное подземелье, где пропадает мой братец. Может быть, стоит еще поговорить с Хойси, он должен знать, где оно находится».

Тут он резко остановился. Простая мысль о том, что можно отправить к королю или принцу гонца, неожиданно пришла в его голову. Нужно приказать Хойси быстро седлать коня и отправляться в путь. Погони не будет — кто заподозрит, что наполовину выживший из ума конюх представляет угрозу для заговора.

Старик сможет разыскать кого-нибудь из высокопоставленных аквилонцев и передать записку. Задуманный братом мятеж подавят в зародыше, и род герцогов Пеллийских, возможно, даже избежит позора, если удастся тихо замять дело. Ленивым шагом скучающего без дела наемника Армледер направился в сторону конюшн. Еще издали он заметил стоявшую перед зданием запряженную повозку, а подошел к воротам как раз в тот момент, когда двое незнакомых слуг вынесли тело старого конюха и швырнули его наверх повозки тем же движением, которым кидают мешки с зерном.

Армледер почувствовал, что внутри у него все оборвалось. Сердце заколотилось тяжело, как молот, его удары гулко отдавались в ушах. Один из вытащивших тело слуг — толстый, с выпирающим вперед животом и рыжими усами — обернулся к гвардейцу и вопросительно посмотрел.

— Что, уже началось? — через силу выдавил Армледер, пытаясь казаться случайным наблюдателем.

— Не-а. — Толстый небрежно вытер руки о засаленные штаны и обнажил в улыбке желтые кривые зубы. — Старика лошадь лягнула, а он возьми, да сдохни. Ему давно уже пора было, еле на ногах стоял. Мы с приятелем пришли, а он там лежит, в стойле.

Армледер посмотрел на тело старика. Белое лицо, неестественно вывернутые руки. Волосы чуть повыше уха испачканы кровью. Перед глазами возникло лицо со светлыми отрешенными глазами, и голос Хойси произнес: «Умру я сегодня. Поговорить бы еще...»

— Значит, лошадь лягнула, — медленно сказал он.

Армледер скорей поверил бы, что король Аквилонии стал завсегдатаем театра в Бельверусе и заставил аквилонцев поклоняться Сету.

— Жаль старика, — сказал он, чтобы заглушить тишину.

— Да я ж говорю: ему давно пора было, — жизнерадостно сказал толстый. — Зажился уже.

На мгновение Армледеру показалось, что сейчас он сорвется, выхватит палаш и превратит этих довольно рыгающих после ужина ублюдков в кучу искромсанных окровавленных кусков плоти. Наверное, что-то отразилось в его взгляде — толстяк вдруг испуганно попятился.

— Да нет, г-господин, — заикаясь, сказал он. — Старики-то был хороший. Похороним его.

Армледер повернулся и медленно пошел прочь. Мысленно он записал еще одну строку в список тех, за кого собирается отомстить — неважно кому, пусть даже своему брату, самому Сету или похожему на него змеообразному Хвату.

Пива в бочке было еще достаточно. Он долго пил с Кранком, потом они на пару заорали старую солдатскую песню, в которой служивый, изголодавшийся в долгом походе по женским объятиям, описывал то, что он сделает с первой попавшейся шлюхой, даже, окажись, она страшна, как сам Нергал.

Потом Армледер упал на койку и забылся тяжелым сном. В эту ночь он не отправился на поиски подземной обители брата, не думал, как связаться с аквилонцами и передать им, где будут располагаться устроенные Одноглазым Диго засады, и не видел, как перед самым

рассветом замок покинули несколько десятков всадников, отправившихся кто в Немедию, а кто — на горные тропы, по которым предположительно должна будет идти, направляясь к замку, аквилонская армия.

Глава пятнадцатая

Учитывая, что пеллийские земли и несколько соседних баронств, входившие в область ведения королевского наместника, были своего рода «медвежьим углом», поместье данного управителя выглядело именно так, как и ожидал Конан. Никаких зубчатых стен, рвов и башен. Разбросанные вокруг пышные сады, тенистые рощицы, пруды и цветники были изрезаны аллеями, щедро усыпанными красным песком.

То и дело попадались мраморные скамейки, беседки и какие-то изваяния. В сердце этих цветущих угодий виднелись белоснежные стены обширных построек. На бутафорских башенках свежий утренний ветерок полоскал аквилонские штандарты. С того места, где в укромной лощине прятался отряд Конана, было слышно, как поместье оживало. Разнообразные звуки доносилась из псарни и из внушительных размеров конюшни, по двору спешили слуги, разодетые с присущей провинции напыщенностью. Ни к кому не обращаясь, Конан пробурчал:

— Неплохо устроился, мерзавец. Интересно, он не проспал сигнал?

— Не должен... ага, вон там, мой король, за голубой башней на крыше центрального здания. — Ройл завозился на своем травяном ложе, вытягивая затекшие от долгого сидения в засаде ноги, — скорее всего, он пытался сигнализировать зажженной свечкой, но потом разобрался и взял зеркало.

— Хвала Крому, он хоть на что-то способен, — буркнул Конан, проверяя, мягко ли выходит меч из ножен, — будем надеяться, что его разжиревшие ратники продержатся до нашего подхода.

— Тихо, мой король. Они идут.

Иллиах, как бесплотный призрак, возникший вдруг из-за дерева, держал палец у губ, указывая рукой на дорогу, выныривающую из леса и ведущую к дому наместника. Действительно — показалась живописная кавалькада. Впереди ехали два всадника, при виде которых Конан оторопел, а кто-то из маленького отряда тихо выругался, вслед за чем послышалась глухая оплеуха и еле слышное приказание Ройла заткнуться. Дело в том, что колонну мятежников возглавляли сам Золотой Лев и его сын, точнее, довольно удачные их копии. Лиц под опущенными забралами было не разглядеть, но доспехи, кони, сбруя и манера держаться в седле могли ввести в заблуждение стражников наместника, если бы они не были заранее предупреждены о возможном подвохе. Вслед за поддельными владыками двигались их «телохранители». Три десятка всадников, облаченных в некое подобие мундиров Черных Драконов и варварское одеяние северной Конановой дружины. Тут, правда, хитроумные бунтовщики явно переусердствовали — слишком много было накидок из волчьего меха, лисьих шапок и кожи на доспехах. Впрочем, в этих края мало кто из аквилонцев мог похвастаться тем, что видел достаточно ваниров или киммерийцев, чтобы отличить оригинал от подделки.

— Итак, война началась. Что ж, во имя Крома, я только рад этому.

Конан поднялся во весь рост и взмахнул рукой. Немедленно редкая цепочка его дружинников, скрытая от взглядов с дороги лесистым взлобьем холма, двинулась к поместью, охватывая его широким полукругом. Иллиах шел вслед за своим владыкой, не отставая ни на шаг. Ройл же приотстал, глядя на то место, где мятежники вынырнули из леса. Вскоре там появился одинокий всадник и трижды высоко поднял копье, привстав в

стременах. Этот сигнал означал, что вышла вся колонна противника.

— Отлично, хвала Митре. Однако какова наглость!

Ройл сплюнул и поспешил за королем, на ходу накладывая на тетиву огромного лука тяжелую стрелу. Тем временем навстречу переодетым мятежникам вышли четыре заспанных охранника. Они широко зевали, терли глаза и пошатывались, всем своим видом показывая, что тяжелое похмелье — штука гораздо более страшная, чем нежданное явление аквилонского владыки. Ройл специально подбирал на эту опасную роль воинов, так как подлинные планы врага по захвату поместья не были известны ни прозорливому немедийскому барону, ни угрюому стигийцу. Избранники боссонца, тем не менее, справились со своей задачей прекрасно. Они, как бы опознав короля и его свиту, подобрали животы, запахнулись в роскошные ливреи и вытянулись в струнку, замерев, словно изваяния. Ни одна рука не потянулась к мечу, ни один взгляд не дрогнул, выражая положенное удивление и подобострастие. Бросив из-под забрала пару неразборчивых глухих угроз, поддельный Золотой Лев двинулся по тенистой аллее дальше, где его кавалькада простучала копытами по мостку и углубилась в парк, слегка покачиваясь в седлах и ни разу не оглянувшись. Ройл перевел дух. Теперь мятежникам некуда было деваться. Повинуясь незаметному сигналу стражи, которую только что миновали «ряженые», ратники наместника по всему парку принялись разбирать мосты и перегораживать поваленными древесными стволами дорожки. Конница Блистательных оказалась в лабиринте, из которого ей уже не суждено было выбраться. Оглянувшись, Иллиах широко заулыбался, приложил к губам рог, и протрубил азартный охотничий сигнал.

Миг спустя его подхватил еще добрый десяток рогов в разных уголках парка, затем в дело вступила хриплая боевая труба со двора поместья. Двери дома наместника распахнулись, оттуда выбежали закованные в броню и вооруженные до зубов воины, личная гвардия Конана перекрыла последние вероятные пути отступления мятежникам. Вести переговоры никто не собирался, вслед зычным сигналам труб в переодетых врагов полетели стрелы.

Конан, словно разъяренный бык, мчался по парку, сквозь переплетение ветвей, видя, как быстро пустеют седла. Из каждой беседки, с каждой крыши, буквально из-за каждого куста били арбалеты и луки. Мятежники, однако, оказались крепкими вояками. Мгновенно разобравшись в ситуации, они рассыпались, укрылись за лошадьми и принялись отвечать аквилонцам с убийственной меткостью.

Лже-Конн и пять его сподвижников в черных кафтанах на полном скаку промчались вдоль строя растерявшихся ратников наместника, пошибав арбалетными болтами с крыш неосторожно показавшихся лучников, стоптали нескольких стражей у углового охотничьего домика, после чего бросились в ручей. В этом месте на их пути оказалось лишь несколько северян. Раскинув руки, из седла вывалился и поплыл по мутной воде один мятежник, остальные же плыли, скрывшись за конскими крупами и держась за седла.

Конан, Иллиах и Ройл кинулись туда, видя, что без рукопашной тут не обойдется. Лже-Конн и его люди как раз выбирались из ручья. Хлопнула тетива громадного боссонского лука в руках у Ройла, и ряженый Черный Дракон рухнул на мокрую траву, так и не успев вскочить в седло, остальные четверо рванулись прямо на них.

Конан поднырнул под меч первого всадника, услыхав за спиной глухой удар и звук падения — старый пограничный вояка, не успев взяться за клинок, луком сшиб с седла летящего на него врага.

Варвар же оказался лицом к лицу с обманным подобием своего сына. Лже-Конн занес меч над головой, лучи восходящего солнца дробились на лезвии клинка. Киммериец прыгнул вперед и, не дожидаясь, когда испуганная лошадь взовьется на дыбы, рубанул ее по шее. Рука у короля все еще была тяжела — лошадиная морда полетела в траву, вверх ударила целый фонтан крови, а всадник так и не успел опустить внесенный для удара меч. Он спешно выпустил рукоять клинка и схватился за окровавленную гриву, пытаясь сохранить равновесие. Обезглавленный скакун уже валился на бок. Мятежник умудрился в последнее мгновение спрыгнуть на землю и перекатиться так, чтобы оказаться не с той стороны от конского трупа, где стоял Конан. Киммериец быстро огляделся — Иллиах и Ройл рубились с двумя оставшимися в седле «ряжеными».

Сбитый луком, лежал на земле с неестественно вывернутой шеей, словно старался разглядеть, целы ли каблуки кавалерийских сапог после падения. Тем временем, Лже-Конн вскочил на ноги и выхватил кинжал. Конан грузно прыгнул через лошадь, вытянув перед собой тяжелый меч. Противник его легко повернулся, отведя летящий клинок кинжалом, однако следующий выпад короля застал его врасплох. Резко пригнувшись, Конан бросился вперед и сшиб закованым в латы плечом растерявшегося противника. Но и сам не удержался на ногах, и враги покатились по земле. На мгновение киммерийцу стало жутко — прямо напротив его лица была голова сына, вернее, опущенное забрало турнирного шлема, выкованного по приказу короля и подаренного Конну несколько лет назад. Кинжал проскрежетал по кольчуге на боку киммерийца, разрезая кожаную перевязь. В следующий миг король так сдавил запястье врага, что изящный клинок бессильно упал в траву. Налобником Конан ударил в верхнюю часть шлема противника.

Пред глазами заплясали огненные круги, однако внутри шлема голова Лже-Конна брезвально мотнулась, и он затих, потеряв сознание. Киммериец, тяжело дыша и стирая с глаз кровь из рассеченной брови, поднялся, подобрав кинжал. Иллиах уже стоял над своим противником, поставив тому колено на грудь, рука же шарила за голенищем сапога, нащупывая нож, а соперник Ройла мчался вдаль, диким визгом подбадривая своего скакуна. Конан с досадой метнул трофей, однако расстояние оказалось слишком велико. Но аквилонцев вокруг было достаточно — из-за ручья прилетела арбалетная стрела, и взмыленный скакун мятежника рухнул в красный песок дорожки, недотянув совсем немного до ближайшей рощи. Прихрамывая, последний переодетый Черный Дракон устремился дальше, но и его догнали убийственные стрелы.

Конан поиском глазами свой меч, затем кивнул выбегающим из кустов воинам, указывая на оглушенного Лже-Конна. Того быстро связали и повели к дому наместника. Подошли Ройл и Иллиах.

Следопыт выглядел совершенно измотанным. Он стоял, опираясь на лук.

— Мой король, или я старый выживший из ума пес, или эти воины — не какие-нибудь разбойники, либо запойные ратники, выгнанные из войск мелкой хайборийской державы.

— Много ты видел настоящих разбойников, — пробурчал Конан, стараясь приладить на место изрезанную перевязь.

— А насчет старого пса... — начал было Иллиах, но тут с другой стороны ручья послышались крики и треск ветвей. К воде вылетел еще один всадник мятежников. Он затравленно оглянулся и, убедившись, что на том берегу искать путь к спасению не стоит, рванулся вдоль воды дальше. Ройл быстро вскинул лук, молниеносно натянул тетиву и крикнул:

— Лови!

Переодетый ванирским бродягой мятежник действительно схватился за выступивший посреди груди наконечник стрелы, чье оперение торчало между лопаток. Конь скакнул вбок, мертвый его хозяин выпал из седла, и, радостно заржав, белоснежный красавец умчался вглубь парка. Иллиах восхищенно вздохнул и умолк, оценив выстрел, — порывистый ветер увел в стороны стрелы остальных лучников, целившихся в ту же дичь.

— Мы имеем дело с весьма толковыми вояками. Скорее всего, это те самые наемники, о которых говорил стигиец. Кром, до чего обидно вот так, из засады, словно рябчиков или куропаток перестрелять последних настоящих мужчин обитаемого мира. Будем надеяться, что тот самый Диго, что послал Троцero подальше с его государственной службой; не валяется, оскалив рот, где-нибудь посреди пышной клумбы, с парой каленых стрел в спине.

Ройл и Иллиах благоразумно промолчали, успев, правда, вознести молитвы своим богам, чтобы Диго оказался именно там и именно в таком виде. Наверное, во всем мире только Амра, а вернее, тот, кем он стал, мог ценить настоящих врагов и желать им долгой жизни. Иллиах еще не находился в столь мудром возрасте и не имел за плечами столь бурной жизни, как Конан. Ройл же был циничен и расчетлив, как все старые служаки.

Тем временем, бойня в роскошном саду закончилась, о чемзвестили звуки рогов и труб. Последним убитым оказался Лже-Конан. Он умудрился прорубиться сквозь засаду из ратников наместника, оставив позади двоих убитых и несколько раненых, когда метко брошенное копье настигло его у разобранного деревянного моста на выходе из парка. Убитых собрали в большой беседке и освободили от доспехов. Действительно, это оказались наемники. Наметанный глаз Конана распознал вколотых иглами под кожу с помощью красок геральдических зверей — знаки принадлежности к одной из самых древних профессий. Тут были и аргосцы, и офиры, и зингарцы, пара шемитов и один гирканец-полукровка, хладнокровно сбивавший с крыши одного арбалетчика за другим, вертаясь почти на одном месте на своем резвом низеньком коньке, пока его не изрубили топорами подбежавшие северяне.

— Уж будь спокоен, они заняли бы поместье даже открытым штурмом, друг Иллиах, — сказал Ройл, проверяя пальцами тетиву — достаточно ли она кругла после выстрелов. — Собаки сворой могут затравить матерого волка, но ни одна свора не выдержит столкновения с настоящей стаей, пусть собак будет сотня, а волков — пара-тройка дюжин. Характер не тот.

— Это были воины. Настоящие. И сейчас они пирут у Крома.

Иллиах, как всегда после боя, был овеян печалью. Он молча отошел от говорливых слуг наместника и принялся править зазубренный меч, вполголоса напевая что-то гортанное и тягучее.

Конан меж тем отдавал приказы наместнику. Дав своему отряду время на отдых, он ускоренным маршем повел его назад, к границе. Недовольный состоянием отряда наместника, он взял с собой лишь проводников и запасных коней. С королем шла только его северная дружина. На лесной дороге их нагнал гонец от Конна. Вести были хорошие. Мятежников везде ждала неудача. Еще два летучих отряда Ордена Блистательных расшибли себе лбы о полуразвалившиеся укрепления мелких пограничных дворян, оставшихся верными Аквилонской Короне. В одночасье они стали баронами, и со своими разношерстными дружинами, усиленными отрядами Черных Драконов, готовились влиться в войско Конана.

Вскоре появился еще один гонец. Хольгер и Эгиль доносили, что аквилонцы обложили

замки мятежников, не дав тем присоединиться к воинству Торкиля. Однако из Немедии, где при начале мятежа грозили разразиться основные события, вестей не было. Армледер тоже канул в неизвестность.

— Однако, мой король, все идет во славу Митры и Короны. Наши удары отсекают одну голову чудища за другой. Начни мы на несколько дней позже... или удастся Торкилю его затея овладеть приграничными землями втихаря, эта опухоль начала бы разъедать королевство, словно чумная язва.

— Заткнись, Ройл. Все гораздо серьезнее. Я чую, нет, Кром! Я просто знаю, что нет ничего хорошего в войне, где все до поры идет слишком гладко. Нас будто подманивают поближе, чтобы прихлопнуть, как мух. Так что помолчи, дай подумать тем, кто умеет это делать.

* * *

Короткий, всего в три ладони, хищно изогнутый нож — любимое оружие заморийских грабителей на первый взгляд хорош лишь тогда, когда нужно перерезать горло истощенному воящиemu жирному купцу, не желающему расставаться с кошельком или пырнуть в темном переулке позднего прохожего. Но Диго знал, что умеющий с ним обращаться человек в схватке гораздо опаснее обычного воина хайборийской державы. Особенно если этот боец — замориец, про которых говорят, что они учатся резать горло своим ближним раньше, чем говорить. Именно такой нож был небрежно заткнут за пояс высокого надменного заморийца, требующего объяснить, куда делся их главарь.

Однажды Диго видел, как в одной из таверн трое стражников пытались схватить вооруженного одним только ножом грабителя, прибывшего в столицу Аргоса из знаменитого Аренджуна. Результат оказался поучительным — через несколько мгновений замориец неторопливо вышел на улицу, а трое стражников остались лежать на грязном полу, сжимая в руках оказавшиеся бесполезными короткие мечи.

Диго не любил заморийцев. За редким исключением они были отпетыми негодяями, готовыми вечером поклясться в вечной дружбе, а наутро продать друга первому встречному работоторговцу. Поэтому он внимательно следил за движениями своего собеседника, готовясь к тому, что в любой момент нож может устремиться ему в горло.

— Если он решил исчезнуть, почувствовав, что здесь его ждет не веселая прогулка по окрестностям Аренджуна, а долгая война, то мне об этом не говорил, — резко произнес аргосец, намереваясь завершить разговор.

— В окрестностях Аренджуна ты бы не прожил и недели, Одноглазый, — прошипел в ответ замориец. — Еще раз говорю, что только смерть могла помешать ему прийти. В его комнате ничто не тронуто, убрано так, будто он там и не появлялся, но там чувствуется запах смерти. А если он умер, то где тело? Даже в Аренджуне люди не могут исчезнуть без следа.

— Да у меня самого из моего отряда пропал человек! — рявкнул Диго. — И не из худших. Но я не хныкаю, как малолетняя попрошайка! Можешь пойти к хозяину замка — услышишь то же, что я услышал: он ничего не знает. А вот и он сам. Ну, давай спрашивай! — Аргосец кивнул в сторону неожиданно появившегося во дворе Торкиля.

Замориец неуловимым движением скользнул к великому магистру и заговорил с ним. Торкиль отвечал коротко и раздраженно. Диго расхаживал невдалеке, стараясь не выпускать

собеседников из поля зрения, и успел перехватить руку с блеснувшим ножом. Сжав ее, он крутнулся на пятках, и замориец, отлетев в сторону, покатился по камням внутреннего двора.

Вскочив на ноги, он выхватил из-за голенища сапога еще один нож и, зарычав, метнул в Диго. Аргосец успел уклониться, краем глаза заметив, что летящий нож вонзился в руку Торкиля, а в следующее мгновение короткий аргосский меч свистнул возле головы заморийца, срезав прядь волос и часть уха.

Строй на площадке сломался. К месту схватки уже бежали товарищи заморийца. Им преградил дорогу один из десятников Диго. Блеснули клинки, зазвенела сталь. По рядам наемников прошел неясный глухой ропот. Один из заморийцев упал со стрелой в спине, другому удалось достать ударом широкой сабли стоявшего на пути десятника.

Следующим выпадом Диго отправил своего противника в дом Хозяйки Судеб, развернулся и, сжимая окровавленный меч, гаркнул:

— Назад! Всем стоять на местах, Нергалово семя!

Это подействовало. Схватка прекратилась, не успев разгореться. Диго обернулся к Торкидю:

— Вам бы следовало успокоить их. Объясните, что вы не знаете, куда делся этот проклятый замориец.

— Я-то как раз знаю, — вполголоса ответил Торкиль, усмехнувшись, и, повысив голос, продолжил — Вчера из святилища Митры герцогов Пеллийских исчезли драгоценные вещи: золотые чаши с рубинами, которые, по преданию, держал в руках сам Митра, четыре светильника, диадема, усыпанная камнями и еще многое. И со вчерашнего дня никто не видел заморийца.

Диго обернулся к строю:

— Этот шакал оскорбил Митру!

Ему ответил возмущенный рев. Торкиль все рассчитал правильно. Большинство наемников были выходцами из западных стран, и почтение к культу Митры питалось ими с детства. Обвинив заморийца в краже, он разрешил сомнения и пробудил ненависть к святотатцу.

Торкиль повернулся к Одноглазому:

— А ты, почтенный Диго, тоже можешь не волноваться. Тот воин, что исчез из твоего отряда, — мой брат. Он служил в гвардии Черных Драконов и покинул аквилонское войско, чтобы присоединиться ко мне.

— Не знал я раньше, что он из Драконов, а то не было бы у тебя брата, — холодно ответил Диго.

Махнув рукой в некоем подобии прощального приветствия, Торкиль направился к замку. Диго ошарашено смотрел ему вслед.

— Подводит тебя глаз, — наконец пробормотал он сам себе. Он отчетливо видел, как брошенный заморийцем нож вошел в руку хозяина замка и мог поклясться, что клинок пронзил ее насеквоздь. Но на руке Торкиля не было ни капли крови, ни пореза, словно единственный глаз аргосца ни с того ни с сегоглядел совершенно не то, что происходило вокруг, а то, что проклятый стигиец называл «следами мыслей».

Он повернулся и начал отдавать отрывистые команды, нанося последние штрихи в продуманной системе обороны. Механики проверяли работу камнеметов, отряды заняли свои участки обороны. Со дня на день ожидался штурм, и нужно было организовать оборону так, чтобы в последний момент не возникло неразберихи.

Глава шестнадцатая

Наверное, это был самый спокойный участок границы во всей Западной Марке. Самые кровожадные племена пиктов и в старые-то времена обитали куда севернее. Теперь же, когда стараниями Троцера они были частью уничтожены, а остальные вытеснены вглубь джунглей, Боссонские Топи и земли Марки вздохнули спокойно.

Поселение было молодым — дерн, которым крыли крыши бревенчатых домов, все еще зеленел, а смола так и сочилась из любой щели, стоило солнцу хоть ненадолго пробить толщу свинцовых облаков. Жили тут и боссонцы, чьи деревни оказались сожжены в недавнем прошлом, и которые переселились поближе к королевскому гарнизону, и жители внутренних провинций, откочевавшие сюда, прослышиав о прочном мире на границе, где полно свободных земель.

Костяк же поселенцев составлял гарнизон. Это было одно из тех военных поселений, которыми Аквилония отгородилась от беспокойных соседей. Жители его в прошлом были наемниками. И командир отряда Зорг, в жилах которого причудливо перемешалась кровь едва ли не всех хайборийских племен и народов, — лет пятнадцать назад не рискнул бы перейти границу Аквилонии, ибо немедленно был бы казнен за прошлые свои подвиги. Однако новые времена в королевстве породили новый тип офицера, а некогда могучий воин теперь едва ли не ежедневно ослаблял пояс и с грустной улыбкой созерцал, как растет у него совершенно мирное брюшко. И в движениях бывшего солдата удачи больше не чудилась его ратникам кошачья грация. Жирком подернулись некогда могучие мускулы, откуда-то взялась одышка. А в дни, когда Зорг вдруг отправлялся на площадку посреди поселка, желая поразмаяться, стоило ему помахать мечом — на лбу мгновенно выступала испарина. Он не печалился, а лишь удивлялся, откуда берется столько влаги в некогда худощавом и жилистом теле, из которого испепеляющее шемитское солнце некогда не могло выдавить и капельки драгоценного пота.

В тот день, вопреки всему вышесказанному, командир гарнизона рано утром подпоясался перевязью с мечом и в сопровождении верного оруженосца направился к ручью, чьи заросшие гниющим на корню тростником берега являли собой границу королевства и пиктских земель. Зорг прошел сквозь распахнутые ворота своего поселения, обругав часовых, которые нагло спали в лопухах, пнул подвернувшуюся под ноги собачонку, увязавшуюся было следом, и принял лениво ворочать мозгами.

Служба Аквилонской Короне в этом тишайшем затоне была совершенно безопасна, почетна, однако не приносила особой материальной выгоды. А за годы полуразбойного существования Зорг привык к смене нищенского и роскошного бытия, и нынешнее его положение — нечто среднее меж этими двумя — весьма его тяготило. Именно поэтому он, получив письмо от своего давнего дружка Диго, с кем огнем и мечом прошелся не по одному городу и не одной державы, сразу согласился на несложное дело, сулящее приличный доход. Речь шла о том, чтобы пропустить в пределы королевства отряд наемников и небольшую орду пиктов. Зачем Одноглазому аргосцу понадобилось это, Зорг не уловил, но решил не вдаваться в подробности.

«Троцеро, и даже не он — будет главнокомандующий Короны отвлекаться на каких-то дикарей, как же — жди! Просто ретивый капитан из Западной Марки поймаёт пиктов на равнине и сотрет в порошок, силами одного или, в крайнем случае, двух полков. Всех-то дел.

Видно, правду говорят — тронулся аргосец умом, помоги ему Митра, славный был товарищ».

Далее мысли Зорга потекли по более приятному руслу. Он вспомнил, какой дивной красоты ожерелье и здоровенный, впору самому королю, кубок прислал ему посланец Одноглазого в уплату за эту пустяковую услугу. Каменья были такой редкой огранки и величины, что Зорг с завистью подумал, уж не ограбил ли его бывший сотоварищ храм какого-нибудь мелкого божка. Аргосец запросто мог обчистить и святилище самого Митры, в этом Зорг нисколько не сомневался, но предпочитал думать, что дело касалось какого-нибудь полузабытого чужеземного бога.

Наконец они вышли к топкому берегу. У брода скучала стража. Воины, прекрасно осведомленные о почти ритуальном характере этого поста, потягивали пиво на травке, доспехи же вместе с оружием были свалены безобразной кучей в нескольких десятках шагов от них.

Зорг постоял некоторое время, убеждаясь по колыханию ветвей на той стороне ручья, что ожидаемый отряд друзей аргосца уже находится в оговоренном месте, и сказал, обращаясь к своим ратникам:

— А знаете ли вы, пивные бочонки, Нергаловы ублюдки, что эти лесные дебри не шутят? Встать!

Тroe воинов поспешно вскочили, кинулись к доспехам и оружию, недоумевая, какая муха укусила сегодня командира. Зорг взмахнул в воздухе красной тряпицей, и ни один из них не добежал до цели. Над рекой, словно прошипел дракон, и три мертвых порубежника ткнулись замертво в топкую землю, обливаясь кровью. Пикты пропиливали в своих грубых тяжелых стрелах особые щели, так что стрела в воздухе шипела змеей, наводя ужас на врагов. Помощник Зорга наклонился над одним из погибших, потрогав окровавленный каменный наконечник, торчащий из ужасной раны на шее.

— Что же это, командир... нападение?!

— Да, мой друг, — спокойно сказал Зорг, всаживая человеку кинжал точно под левую лопатку, в щель между пластинами панциря. Тот беззвучно упал. На лице его застыло безмерное удивление.

Меж тем с противоположного берега в реку вступили всадники. Их было немного, десятка три закованых в броню конников. Вслед за ними ручей вспенили десятки весел. Зорг спокойно смотрел, как несколько сотен смуглых воинов, голых по пояс, в устрашающих татуировках и нелепом одеянии переправляются на аквилонскую землю в лодках, сделанных из кожи неизвестных цивилизованным людям зверей. На берег выбрался командир отряда, о котором упоминало послание Диго.

— Мы свяжем тебя и бросим на берегу. Плату ты уже получил, твой гарнизон мы трогать не будем. Советую забыть о письме.

— Я уже забыл. Только — зачем все это?

— Не твое дело. Скоро ваша Западная Марка будет жужжать, как развороженный улей. Толстозадые аквилонцы, поди, уже забыли, с какой стороны за меч браться, так мы им напомним. А до остального тебе дела нет. И моли Митру, чтобы в Тарантии не докопались, что один из пиктских отрядов прошел через твой участок границы.

Зорг сплюнул. Ему очень хотелось поставить юнца на место — тот явно решил, что имеет дело с обычным продажным порубежником, привыкшим гонять новобранцев, да сражаться с мелкими бандами дикарей. Однако эти мыслишки быстро вымыло из его головы.

Два криволапых пикта, от которых невыносимо воняло тиной и прокисшим потом,

грубо повалили его на землю, затягивая узлы, и принялись пинать.

— Эй, эй, полегче, вы, животные! — закричал Зорг, корчась от особо удачного удара под ребра.

— Заткнись. Таких, как ты, у нас принято скармливать собакам — ты недостоин даже погребения, — на вполне сносном аквилонском, проговорил один из пиков.

Наконец, дикари притомились, плонули пару раз на охажущего в грязи Зорга и припустили за своими. Некоторое время бывший наемник лежал и стонал, затем за него принялись комары и пиявки.

— Так недолго и помереть. О, Митра Милостивый, что за смерть для воина.

— Никогда больше не именуй светлое божество, предатель.

Не веря своим ушам, Зорг поднял распухшие от укусов и кровоподтеков веки и увидел несколько человек, заслонивших от него солнце. Наконец он смог разглядеть молодого губернатора Чохирь, одной из провинций Западной Марки, знакомого командира одного из боссонских отрядов и еще несколько аквилонских офицеров. Он открыл было рот, но не найдя, что сказать, покрепче стиснул зубы.

— Оставайся ты воином, я приказал бы добить тебя. Пики и боссонцы испокон века прибегают к различным уловкам здесь, на границе, чтобы причинить урон врагу. Но ты подло убил своих собственных воинов, с которыми сидел у костра и делил хлеб, которые прикрывали тебя от стрел. Ты сдохнешь, как собака, без погребения, прямо здесь.

— Откуда вы взялись, будьте вы прокляты! — прохрипел Зорг, припоминая слова, сказанные дикарем.

— Не ты один получаешь послания. Я тоже со своими офицерами, получил недавно сообщение от графа Троцеро. Так что я ожидал набегов из пиктских пущей. Твой дружок Одноглазый пытается напакостить Золотому Льву, и денег у него, невесть откуда, едва ли не больше, чем в казне королевства. Однако все, кому он предложил подняться против власти Тарантии, отвергли его. Так что можешь умереть с мыслью, что ты — единственная подлая тварь на всей западной границе.

Губернатор отошел, не слушая хриплых проклятий, чтобы отдать приказ своим людям готовиться к атаке. Боссонские стрелки уже крались вслед за пиктами, охватывая их колонну, прижимая к частоколу гарнизона. Видимо, верные своей звериной натуре, дикари все же решили вырезать поселение, а офицеры — хайборийцы не смогли их удержать.

В гарнизоне засуетились, лишь только далеко в лесу вдруг раздался призывный сигнал одинокой трубы. Ей там совершенно не полагалось быть, однако она там была, и над утренним лесом несся знакомый всем сигнал: «К оружию!».

Порубежники забегали, вооружаясь, стражники едва успели захлопнуть створки ворот, когда из лесу появилась воющая толпа пиков. Дикари неслись, потрясая боевыми топориками и короткими копьями со страшными зазубренными наконечниками из грубого болотного железа. Каменные наконечники впились в сырье бревна стен, дождь из стрел хлестнул по бойницам угловых башен, а ратники все гадали, что же стало с их командиром, и не он ли, умирая в неравном бою, подал сигнал. Еще больше они поразились, когда в спины атакующим полетели боссонские стрелы, а затем вылетела немногочисленная конница, над которой реяли знамена королевства, Западной Марки и Чохирь.

Этот бой, в котором была перебита большая часть воинов одного из непримиримых дикарских племен, так же как и еще несколько схваток в землях Марки, разразились почти одновременно с началом мятежа ордена Блистательных далеко на востоке, и вести о них

достили ушей Конана весьма поздно.

В то время, когда он во главе своей дружины метался по пеллийским лесам и горам, киммериец еще не знал, что граница довольно легко выстояла, не потребовав ни одного полка из внутренних провинций. Ни одно мирное селение не было разорено, ни один гарнизон не был полностью уничтожен. А тело молодого губернатора Чохиры, героя Марки, было доставлено в столицу, когда шакалы еще не успели растащить останки Зорга из-под стен самого мирного участка границы.

Глава семнадцатая

С тех пор как Армледер не видел брата, его внешность и манеры изменились — в них появилось что-то величавое, словно Торкиль уже считал себя королем. Впрочем, из слов его следовало, что он не сомневается в успехе мятежа и радуется, что брат, наконец, присоединился к нему.

Армледер пришел к Торкилю, поняв, что иначе он ничего доподлинно не узнает. Вначале он собирался потребовать объяснений, но быстро понял, что вряд ли таким путем заставит брата разговориться, и решил действовать иначе. Явившись к брату, Армледер рассказал, что, заподозрив его в причастности к заговору, собирается отговорить от этого, но, увидев размах приготовлений, понял, что именно к этому стремился и сам. Брать он не умел, и проницательный человек сразу же раскусил бы эту нехитрую уловку, но Торкиль, находившийся в пленах своих мечтаний, поверил и принял излагать величественное будущее нового государства ордена Блистательных, которое станет, используя поддержку Турана, неуязвимой цитаделью Истинного Знания в самом сердце погрязшего в невежестве хайборийского мира.

Сидевший напротив брата Армледер пропускал его слова мимо ушей. Кивая, говоря, улыбаясь, он не спускал глаз с собеседника и все сильнее убеждался в том, что перед ним — главное лицо заговора, виновник смертей, за которые он поклялся отомстить. От попытки поговорить с братом по-другому, приставив кинжал к его горлу, удерживало гвардейца только присутствие Хвата, недвижимо стоявшего за креслом Торкиля. За время разговора туранец ни разу не шелохнулся, не проронил ни звука, но Армледер понимал, что от его взгляда, скрытого за змеиным шлемом, не ускользнет ничего из происходящего.

— Наконец-то мы воссоединились с тобой, брат, — торжественно сказал Торкиль. — Вскоре мы будем связаны с тобой еще более тесными узами. Крепок ли твой дух? Готов ли ты принять посвящение во имя тех, кто Вовне и Внутри Нас?

— Что? А, да-да, готов. — Задумавшийся Армледер не сразу сообразил, что брат закончил изливать поток красноречивых слов и обращается к нему. — Готов, — повторил он, — Во имя... Тех...

— Кто Вовне и Внутри Нас, — завершил за него Торкиль ритуальную фразу. — Ты примешь посвящение в великий день, день накануне Появления. С этого дня и до дня Посвящения ты не должен видеть никого, кроме братьев Ордена, а на третий день состоится Таинство. За это время я успею познакомить тебя с деталями Учения.

Торкиль поднялся и налил два кубка вина из стоявшего на маленьком столике кувшина.

— Выпьем за наше соединение, — провозгласил он, — и пойдем. Ты, наконец, отдохнешь в покоях, достойных тебя.

Он осушил кубок и поднялся. Армледер последовал его примеру. Торкиль проводил его в небольшую опочивальню и прикрыл дверь. Армледеру наконец-то представилась возможность поговорить с братом наедине, отбросив притворство. Он повернулся к нему. Торкиль, насмешливо улыбаясь, легонько прикоснулся рукой к плечу старшего в роду герцогов Пеллийских.

— А теперь ложись! — приказал он.

Армледер почувствовал, как внезапно на него навалилась усталость, отяжелели руки, налились свинцовой тяжестью ноги. Глаза слипались, словно он провел неделю без сна. Не

было сил сдвинуться с места, пошевелиться, поднять руку. В оцепенении он увидел, как Торкиль вышел за дверь, а капитан, шатаясь, добрел до постели и рухнул на нее.

* * *

Армледер лежал в полузыбытии. Он проклинал брата, ухитившегося подсыпать ему что-то в вино, лишившее его сил. Он смотрел на подвешенный под потолком комнаты матовый, серебристый предмет, напоминающий по форме яйцо, и странные, отрывочные видения вихрем проносились перед его внутренним взором. Он увидел Торкиля, склонившегося над старинным манускриптом. Брат оторвал голову от свитка и произнес, глядя в глаза Армледеру:

— Ты видишь меня. Перед Посвящением ты должен узнать, какое великое будущее вскоре ожидает нас с тобой. Сейчас я отворю для тебя ворота времени: ты увидишь предысторию событий и то, что еще случится.

Перед взором Армледера возник сияющий хрустальный шар, завертелся, брызгами разбрасывая вокруг сверкающие искры, и лопнул. Пеллиец словно очутился внутри. Его окружало призрачное серебристое сияние. Потом оно начало рассеиваться, превращалось в туман, сквозь который проступали, пока еще неясные, очертания.

Он увидел брата, чертившего на полу причудливые фигуры и произносившего заклинания. Торкиль был облачен в темный балахон, и его полы развевались в такт движениям рук. Затем словно ослепительный луч вырвался из ладоней Торкиля.

... Темный подвал скучо освещали чадящие факелы. Мелькали неясные тени людей, слышался скрежет железа по камню. Внезапно кирка одного из рабочих пробила стену. Появился Торкиль. Расширив отверстие, люди почтительно расступились, и брат шагнул в дыру, из которой струился прозрачный мертвенный свет. Армледер успел заметить полого спускавшийся по спирали вниз коридор.

Затем перед его взглядом промелькнуло и тотчас же исчезло причудливое сооружение, сплетенное из множества извивающихся линий, с изогнутыми колоннами. Казалось, человеческие руки не могли создать ничего подобного, настолько чуждое впечатление оно производило, словно пришелец из иного неведомого мира...

Заискрился сияющий туман, видение растаяло. Армледер увидел пеллийский замок, на главной башне которого развевался незнакомый ему флаг. По двору шествовала процессия, возглавляемая Торкилем, на голове которого возлежала блестящая корона. Придворные окружили короля. Армледер вознесся выше. С высоты птичьего полета он видел новое королевство, раскинувшееся на части земель, принадлежавших раньше Аквилонии и Немедии.

... Мрачные неприступные замки возвышались на обрывистых холмах. В них обитали хозяева страны, те, чьи решения управляли людьми, что трудились на полях, выращивали скот, стучали молотами в мастерских.

Правители страны — обитатели замков — разительно отличались от других людей, населявших страну, будто они были другой расой. Их слово стало законом для всех остальных. Обычные люди молились в святилищах Асуры; правители творили мрачные колдовские обряды в глубоких подземельях. Они презирали своих подданных, которые, в свою очередь, боялись своих владык. И надо всеми властвовал единственный человек —

Торкиль Пеллийский. Армледер видел Торкиля на троне, и рядом с ним неизменно находились еще два человека — Хват в чешуйчатом змеином доспехе и он сам, Армледер...

... Он увидел, как государство постепенно расширяется, становится сильнее и перед ним трепещут Немедия и Аквилония, Коф и Офир. И лишь единственный союзник — Туран — по-прежнему крепок. Его правители надеются вскоре захватить западные страны, но они не знают черных замыслов Торкиля, мощь которого хоть и не явно, но намного превосходит силу Турана. Мощь его — не в оружии и численности армии; мрачные тайны темных учений и древняя колдовская Сила, истоки которой находятся в подземельях родового замка, питают власть Торкиля...

... Медленно тянулись войска через опустевшие земли. Уже пали немедийские твердыни, а гордый Золотой Лев Аквилонии трепетал перед Серым Змеем и Черным Волком Пеллийских земель. И теперь в битве должны были столкнуться две державы, бывшие недавно союзниками в борьбе против старого хайборийского мира. Приближался час Великой Битвы.

И когда он настал, земля вздыбилась под копытами турецких коней. Тысячами гибли туранцы в открывшихся под ногами провалах, ведущих в самое сердце земли...

Затем видение стерлось, затушевалось. Армледер чувствовал, что близок к безумию. Человеческий разум был не в силах вместить все эти чудовищные картины. Вновь возникло лицо Торкиля.

— Ты видел, брат. Ты видел, какое будущее я приготовил для нашей с тобой страны. Теперь отдохни, наберись сил. Позже я приду к тебе и отвечу на твои вопросы. А теперь спи!

Видение исчезло, лопнуло, рассыпавшись на множество осколков. Армледер закрыл глаза, в тщетном желании забыться сном и хоть на время избавиться от привидевшегося. Но разум его лихорадочно пытался собрать воедино разрозненные образы, осмыслить. Вновь и вновь человек пробовал уснуть, но в памяти опять вставали обрывки промелькнувших видений. И вдруг что-то новое стало представлять пред ним. Поплыли стены, зашевелились, оживая, странные картины, никак не связанные с предыдущими видениями. И отчего-то Армледер знал, что не магия Торкиля посыпает ему эти картины.

Это был не сон и не явь. Армледер понимал, где он находится, отчетливо различал предметы в комнате. Он видел, как вошедший человек рассматривает его, бессильно лежавшего на кровати, и усмехается плотно сжатыми губами, но тело Армледера оставалось скованным незримыми цепями.

Мир был юным и свежим. Первые люди вошли в этот чудесный мир, созиная, и разрушая, и снова двигаясь вперед, учась на собственных ошибках. Росли города, раскинулись пашни, тучнели стада. Но страшная катастрофа обрушилась на человечество, стирая его с лица земли. Выжили лишь жалкие остатки, вернувшись к полудикому существованию, утратив память о своем великом прошлом.

И долго, еще очень долго молодая земля выплескивала на поверхность таящиеся в ней силы. Люди оказались не в силах бороться со стихией, и тогда в мир пришли другие существа, созданные повелителем Тьмы. Они стали хозяевами земли в те ужасные дни. Часть той Силы, что колеблет миры, они были лучше приспособлены к жизни во времена катастроф. Забавляясь, их хозяин выпускал в мир все новые и новые полчища чудовищ ужасного обличья, огромной силы, но лишь с зачатками разума. Дальнейшая судьба этих созданий его не волновала — выживут сильнейшие.

Но была любимая Тьмой раса — люди-змеи. Они стали наиболее могущественными

существами среди сонма чудовищ, ибо разумом намного превосходили остальных. Создатель, кроме того, наделил их способностями к тайным наукам, и воздвигнутая ими империя, занимавшая почти всю планету, стала гнездилищем сил мрака и чудовищной некромантии.

Они покорили людей и обратили в своих рабов. На многочисленных алтарях люди-змеи приносили страшные жертвы своему богу, питая его человеческими мучениями, страхом и болью. Много веков продолжалось рабство, но нашелся среди людей один, имя которого забылось, что поднял восстание против кошмарных созданий.

Долгое время длилась война. Так велика была накопившаяся в людях ненависть, что они уничтожали не только самих людей змей, но и разрушили их города, не оставляя от них камня на камне. Лишь одних существ ненавидели они сильнее — таких же людей, как они, предавшихся Змеям.

Люди победили. Оставшиеся в живых порожденья Тьмы вместе со своими приспешниками скрылись в отдаленных землях мира. После войны мир лежал в руинах, так же как после катастрофы. И люди начали создавать свою цивилизацию, стерев память о страшных временах.

Но спустя многие годы люди-змеи вновь начали появляться среди людей. Хитростью и коварством, с помощью магии принимая человеческий облик, они стремились вернуть некогда утерянную власть. За время изгнания возросло их могущество в тайных науках, и вновь многие из людей, прельстившись этой силой, стали союзниками порождений мрака.

Кулл, король Валузии, посвятивший свою жизнь борьбе с ними, нанес людям-змеям последнее поражение, изгнав их с поверхности земли. Они укрылись в подземных лабиринтах, но и там преследовали их воины Кулла...

Видение оборвалось. Картина поблекла и стерлась. Армледер вновь очутился в замке, в комнате, куда его привел брат. Очертания предметов вокруг стали отчетливыми. Армледер попробовал шевельнуться, но понял, что по-прежнему находится под действием подсыпанной братом отравы. Руки не слушались его.

Он был беспомощным, как младенец. Послыпался тихий шум. Дубовая панель в стене отошла в сторону, и из потайного хода в комнату вошел человек. Тяжелые шаги эхом отдавались от стен. Неторопливо он прошел на середину комнаты и повернулся к лежавшему.

Армледер почувствовал, что беззвучный крик ужаса замер на его губах. Напротив кровати стоял убитый им гигантский чернобородый замориец. Голова его наклонилась набок. Жуткая усмешка играла на губах. Горб на спине, казалось, еще больше увеличился, придавая ему сходство с крылатой обезьяной из кошмарных видений. Сцепив руки на животе, из которого вчера вывалились внутренности, он, не мигая, смотрел на своего убийцу.

Глава восемнадцатая

Десяток воинов, отправленных Конаном вместе со стигийцем, укрылся в распадке, оставив своего пугающего предводителя посреди небольшой поляны. Расположенный неподалеку замок Блистательных еще и не был виден за густой стеной леса. Несколько раз мимо прошли дозоры мятежников, однако им не удалось обнаружить отряд аквилонцев.

— Вжимайтесь в грязь, словно змеи, увидавшие на траве тень сокола, — прокаркал аквилонцам колдун. — Я мог бы некоторое время укрывать вас с помощью магии, но для поиска подземных ходов понадобятся все мои силы. Кроме того, мы находимся вблизи мощного источника Сил. Лучше не рисковать попусту.

Воины не стали вникать в темные речи чернокнижника, но скрылись с глаз долой. Сторонний наблюдатель вряд ли смог бы определить, кого они больше боялись: мятежников — людей из плоти и крови или похожего на живого мертвеца служителя Сета. Оставшись один, стигиец немного постоял неподвижно, затем начал как бы приплясывать и извиваться. Плащ его скрывал движения. Под черной тканью словно бились, стремясь вырваться из плена, невидимые птицы. Вскоре колдун начал что-то завывать, постепенно переходя на крик. Звуки мало напоминали человеческую речь или песню, скорее рокот небольшого водопада, или шуршание пустынных барханов. Верхушки деревьев вокруг поляны начали раскачиваться, хотя ни малейшего ветерка не было вокруг. Птичий гомон в лесу испуганно смолк. Сухая листва одновременно в трех местах взметнулась и закружилась смерчами вокруг некроманта. Тот издал несколько пронзительных воплей и быстро-быстро забормотал, сплетая длинные пальцы перед остановившимися глазами. Рядом с ним упала мертвая птица, но стигиец не обратил на нее ни малейшего внимания. Из чащи показался енот. Зверек царапал сгустившийся воздух когтями и верещал. Какая-то сила тянула его в центр поляны. Три смерча окружили беспомощного енота, миг — и он уже тоже закружился и заплясал по поляне, затем упал мертвым. Странно колыхавшиеся деревья замерли, колдовской ветер стих, и сухая листва осыпалась на тушку зверька...

Раздался неприятный чавкающий звук, земля слегка шелохнулась и поглотила добычу. Стебли трав сплелись, словно змеи в брачном танце. Стигиец едва успел сбежать с холма, верхушка которого вдруг вздрогнула. Затем по ней прошла судорога. Целый пласт почвы с хлюпаньем отвалился, будто поддетый невидимой лопатой, обнажая недра земли. В комьях чернозема шевелились, как водоросли на дне реки с сильным течением, бело-желтые корни, кишащие насекомыми.

Пахнуло могильным холодом, но это не смущило стигийца. Он смолк и подошел к разверстой в теле холма ране. На дне глубокой ямы виднелось несколько почневших, полусгнивших досок.

— Хвала Мировому Змею, сил могло и не хватить. Так, есть и ловушка... однако совершенно топорная или, вернее, весьма и весьма старая, поставленная в те времена, когда adeptы Сил тонкое искусство заменяли грубой мощью.

Продолжая бормотать, некромант полой плаща провел над ямой, задев едва заметные нити лунного света, оплетавшие вход в подземелье на манер паучьих тенет.

Раздался неожиданный металлический лязг и как будто перезвон колокольцов. Ткань плаща стала обугливаться и съеживаться, на лбу стигийца появились капли пота.

— Ну, нет... экая жалость, даром пропадает такая сила, но ничего не поделаешь,

придется отпускать, иначе я разбухну и лопну...

С легким шипением паутина истаяла и исчезла, а над ямой на мгновение вспыхнуло радужное пятно, рассыпавшееся на тысячи алмазных брызг. Эти живые капли, сверкая всеми мыслимыми и немыслимыми цветами, осыпались в траву. Стигиец упругой походкой прошелся по поляне, причем на мертвенноной маске его лица играла кривая улыбка... Казалось, он стал на голову выше, а на бледной коже даже заиграл нездоровий румянец.

— Сет, ради одного этого стоило пробираться по глухим землям и общаться с варварами. Кто бы мог подумать — Древние разбрасывались Силой, словно, играясь... Да, верно говорят Скрижали — «ткань мира тогда была гуще». Но — за дело. Или я первым доберусь до ключей чистых, незамутненных Сил, или какой-нибудь болван из Блистательных разберется, наконец, кто исподволь питает их дурацкие затеи. Трудно сказать, что будет. С перепугу он может уничтожить Спящих. Ну, конечно, не уничтожить, а намертво замуровать. Или — стать для них вместилищем. Тогда служители Сета будут иметь серьезную проблему — скитающийся по миру болван, из которого бьют фонтаны чистых энергий Тьмы, против которого бессильно любое искусство высших магов. Нет, таких всплесков Силы в нашем солнном мире допустить нельзя. Сет один знает, что вторгнется в наш мир в попытке уравновесить столь мощный сгусток тьмы и чем это закончится для всех нас. Скорее всего, мир разлетится в клочья.

Продолжая бормотать, стигиец направился к месту, где его ждали аквилонцы. Он привел воинов к яме и, указывая на нее, сказал:

— Вот вход в подземелья, пролегающие под замком. Немедленно шлите гонца к Конану. Это ключ к победе над мятежом. А мы пока постараемся проникнуть внутрь.

— А куда ведет этот лаз? В замок? — спросил десятник, с недоверием взглядываясь в развороченную земную толщу.

— Под замком должна быть древняя сокровищница. Не знаю, есть ли из нее ходы в саму цитадель.

Стигиец соврал и попал точно в цель. При слове «сокровищница» воины отбросили все сомнения и, толкаясь, полезли в яму. Известие о том, что встреча противником может и не состояться, вселило в них мощный заряд мужества. Вскоре, не успел еще посланный за королем гонец умчаться достаточно далеко, кляня судьбу и представляя себе груды древнего золота, гнилые доски уже валялись под ногами некроманта.

— Эй! А здесь светло, — раздался удивленный возглас десятника.

Действительно, из зияющего прохода струился искрящийся голубоватый свет, не яркий, но достаточный, чтобы видеть сырье стены и неровный земляной пол под ногами. Стигиец пожевал губами, глядя, как тает подземный свет при столкновении с лучами солнца на поверхности, и спрыгнул вниз. Там он догнал командира аквилонцев и сказал:

— Отправь двоих своих солдат наверх — пусть замаскируют вход. Если нас здесь замуруют... Не забывай, дозорные врага шныряют по лесу совсем близко.

Десятник немедленно отдал необходимые распоряжения, и вскоре маленький отряд углубился в расширяющийся ход. Лаз был широким, по нему могли идти в ряд трое вооруженных ратников. Он неуклонно понижался и заворачивал вправо. Идти становилось все труднее. Каких-либо ступеней не было, словно не для людских ног был прорыт этот ход, и если б не похожие на змей корни, в беспорядке торчащие из пола, воины давно уже, потеряв опору, кубарем катились бы в неизвестность. Свет, тем не менее, не исчезал. Напротив, чем дальше они уходили от поверхности и солнечного света, тем освещение

становилось ярче. По коридору гуляли странные волны и воронки зеленоватого света, собираясь в ярчайшие комки, он искрился, обтекал людские тела, давая доспехам тусклый отблеск. Лица, аквилонцев, казалось, подернула трупная зелень. Не было видно и теней. Тень отбрасывал только стигиец, причем только его тело — словно по земле за ним крался прозрачный скелет. А вот плащ жреца этот свет поглощал и пропускал сквозь себя.

Наконец, спуск прекратился, и они вошли в огромный грот, загроможденный гранитными обломками, меж которыми струилась вода. С потолка свисали красные, черные, золотистые и серебряные каменные сосульки, даже целые застывшие водопады. В одном месте, приблизительно в полете стрелы, было видно какое-то строение, полностью поглощенное каменными потеками, скрывавшими его форму. Добраться до негоказалось невозможным — вокруг разлилось настояще подземное озеро с матово-черной водой, в которой отражались какие-то мелькающие тени, хотя искрящийся над водоемом воздух оставался чист и недвижим.

Стигиец неподвижно стоял, настороженно поводя бритой головой, в ожидании неведомой опасности. Он немало пространствовал по делам ордена по подземным городам и дорогам, прорытым подо всеми городами и храмами Стигии еще в незапамятные эпохи могущественными существами. Маг знал: лишенный солнечного света мир продолжает свое прозрачное существование, и тот факт, что его хозяева многие столетия назад поглощены неумолимым временем, еще не значил, что катакомбы не населены.

— Стоять! Сомкнуть щиты! — заорал вдруг десятник, разглядев неясное шевеление за гранитными обломками.

Воины немедленно сгрудились вокруг своего командира и стигийца.

— Тихо вы! — прикрикнул на них колдун, старательно вслушиваясь в грозную тишину.

Вскоре до их ушей долетело слабое, но быстро приближающееся поскрипывание, словно кто-то водил железом по камню. Вот покатился с грохотом гранитный обломок, раздался всплеск. Воины принялись вразнобой бубнить кто молитвы, кто проклятия.

— Вот оно... — Голос десятника выдавал смертельный ужас, охвативший человека при виде подземного жителя. Действительно, меж глыбами мелькнуло стремительное тело, и охотник из недр земных предстал перед взором своих жертв, взгромоздясь на синеватый валун. Это был черный ящер размером с добrego теленка, бесхвостый, с короткой мощной шеей, на которой раскачивалась из стороны в сторону приплюснутая маленькая голова. Видимая часть брюха и шея его отливали грязно-желтым цветом, выпуклые глаза не имели зрачков: прозрачные, с напоминающими бельма гнойного цвета пятнами. Ящер высунул раздвоенный язык и зашипел.

Стигиец перевел дух и опустил напряженные руки вдоль тела.

— Наверное, если поискать, мы найдем какие-нибудь щели и проходы на поверхность, в лес. Иначе, что бы он тут ел. Не бойтесь, я быстро с ним договорюсь. Подобные ему встречаются в древних развалинах. В Черных королевствах невежественные дикари порой даже поклоняются этим зверям, считая их отприсками Великого Змея из Мировой Бездны. Но это, конечно, дикарское суеверие. Они зовут их «глубинными волками».

Некромант спокойно протолкнулся сквозь замерших в напряженных позах аквилонцев и направился к ящеру. Тот, завидев движение, резко повернулся, отчего валун качнулся, взметнув каскад черной воды. Колдун на ходу вдруг зашипел, взметнул руками: его плащ вдруг распахнулся, словно громадные черные крылья, и оглушительно хлопнул. Ящер вздрогнул и попятился. Колдун все наступал — он уже подошел к подножию синего камня и

неожиданно легко вскочил на его гребень.

«Глубинный волк» шипел, терзал гранит когтями, но пятился. Вот он уже вынужден был соскользнуть к воде. Тут стигиец что-то негромко повелительно сказал и уставил на ящера палец.

Что-то полыхнуло, своды пещеры наполнились грохотом, а зверюга подпрыгнула на месте и скачками, боком, умчалась к озеру, откуда раздался оглушительный всплеск. Колдун повернулся к своим перепуганным спутникам.

— Очень впечатлительное животное. Они за века отупели, охотясь в темноте на случайно забредших с поверхности животных и абсолютно слепых рыб. Когда-то, я слышал, они были королями джунглей, расстилавшихся там, где сейчас пустыни и степи. Владыки Пифона Ахеронского даже использовали их в качестве боевых зверей. Сейчас же это редкие и донельзя жалкие твари, месяцами глощающие старые кости, ловящие мошек или летучих мышей в ожидании случайной добычи.

Выслушав все эти малопонятные речи, десятник сплюнул. Он терпеть не мог змей, жаб, пауков, тем более, если они вдруг по попустительству Митры вырастают до таких размеров.

— По крайней мере, можно идти, не опасаясь, более подобных тварей. Обойдем это озеро, кажется, вон там я вижу вход в галерею. А магии тут никакой нет: «глубинный волк» давно сбежал бы на поверхность и умер от солнечного или лунного света, будь здесь хоть легкий след колдовства.

— А что так? — спросил один из ратников, все еще содрогаясь при одном только воспоминании о ящере.

— Я же сказал: они совершенно отупели и одичали.

Косясь в сторону озера, отряд прошел вдоль стен до конца грота, вздрагивая всякий раз, как раздавался всплеск волн или обиженное шипение «волка». Показался низкий вход в другой лаз. Без сомнения, сюда ящер протиснуться бы не смог. Стигиец разглядел мраморную пластину с диковинными символами и помрачнел. Он ожидал увидеть кхарийские письмена, оставленные здесь века и века назад владыками Пифона Пурпурного, столицы Ахерона, а эти символы он опознать не смог.

— Хозяин Мировой Бездны, вразуми меня, с чем же связались тупоумные Блистательные? На что набрел проклятый Торкиль, в каких безднах времени коренится голая Сила, давшая ему покровительство? Будь это какой-нибудь демон или древний слуга Змея, это я бы уже знал наверняка...

Аквилонцы шли все медленнее, зачарованно разглядывая каменные своды и стены, идеально гладкие, светящиеся, без единой трещинки или украшения. Пол, неудобный для ходьбы, закруглялся по краям, словно ход в логово гигантского червя.

— Неужто моя догадка — не бред усталого некроманта? — Стигиец на мгновение остановился и раскинул руки, словно стараясь впитать в себя что-то из окружающего давящего безмолвия, что могло дать отгадку. — О, Сет! Еще до того, как возвели первый храм Тебе, пока молоды были Валузия, Грондар и Атлантида, уже тогда в толщах земли и скал, у корней гор были прорыты подобные ходы и убежища, откуда на жалких людских владык смотрели жадные глаза врагов рода человеческого... да-да, я помню Скрижали. Но те, древние, ушли, погибли, покинули наш мир еще до того, как в Бездне зашевелился наш Повелитель, а землетрясения и вулканы начали разрушать старые Империи. Древняя, первая раса, возлюбленные дети Тьмы, — их нет. Они исчезли уже при владычестве Ахерона, когда жалкие хайборийские орды, нищие и дикие, только начали проникать в нынешние земли.

Бормотания колдуна были прерваны животным криком ужаса, вырвавшимся из глотки воина, идущего впереди отряда. Вслед за воплем раздался звук падающего тела, и лязнули о каменный пол доспехи. Резко вскинувший голову десятник успел увидеть неясный сероватый вихрь, пронесшийся по стене.

Какому существу могла принадлежать эта чудовищная бесформенная тень? Служивый, обнажив меч, пробежал по коридору вперед, до поворота. Везде было пусто, ни единого живого существа, ни звука, только зеленоватый свет искрился больше обычного, да у ног товарищей лежал мертвый воин. Глаза его едва не вылезли из орбит, лицо искажено нечеловеческой мукой, на шее — багровая полоса, как от веревки, а кости все словно переломаны или растворились вмиг. Тело лежало бесформенной грудой тряпья.

Стигиец почувствовал, что и его начинает охватывать страх. Его, видевшего такие картины, от которых простой смертный превратился бы в соляной столп.

Он сказал, чувствуя, что голос предательски дрожит:

— Вперед пойду я. Держитесь вместе, ни в коем случае не растягивайтесь по туннелю, никуда не сворачивайте и, главное, не кричите. Только в Мировой Бездне знают, что выползет на ваш крик.

И они пошли дальше. Проход раздавался, но стигиец, не колеблясь, свернул вправо. Колдун почуял слева недобroe присутствие: в голове будто проскреблись холодные пальцы, с его чувствами слился мучительный, нечеловеческий голод, голод того духа, что скрывался за следующим поворотом в том проходе. Древняя, неутолимая жажда крови лишенной плоти нежити. Однако в подземных лабиринтах из черного камня под пирамидами Кеми и Луксура встречались твари и поопаснее. Все гробницы и катакомбы, стоявшие еще до того, как ныне сущие народы обосновались на новом месте, кишили подобными тварями, и некроманты Стигии умели с ними обращаться. Сзади раздался крик — шедший последним аквилонец угодил в объятия смерти. В тот же миг черный колдун произнес краткое заклятие, запечатавшее духа в плenу из плоти, которой он так жаждал.

— Вставай, вставай, — сказал десятник, помогая подняться своему солдату. — Это все детские страхи, приятель. Меч подбери, разиня, и больше не ори, а то придется тебе зубы выплевывать.

Молодой воин растерянно озирался, потирая быстро набухающий болью висок, гадая, что это на него накатило, а стигиец, не меняясь в лице, внутренне ликовал. Случившееся было редкостной удачей. Видно, много веков этот подземный город не посещал ни один маг. Обычно, алкающие плоти, гораздо осторожнее, и чуют посвященного в таинства за сотню шагов. Теперь вечно голодное исчадие мрака, наконец, получило некое подобие воплощения. Когда же человек умрет, то эта сущность будет верным слугой и помощником, а вернее сказать — рабом стигийца. Конечно, потребуется много времени и усилий — создания Тьмы подчас бывают весьма строптивыми. Но через несколько лет он безропотно будет исполнять повеления своего хозяина, сберегая его время и магические силы.

«Все складывается удивительно удачно. Вначале примитивный «засов» на входе, подпитавший меня не хуже, чем ночь в объятиях сна Черного Лотоса, чью пыльцу теперь доставать все труднее и труднее, теперь — в нужном месте и в нужное время подвернувшись «страж мертвых». Если же мне воистину удастся обнаружить следы Древней Расы Тьмы, то в черном городе Кеми кое-кому, у кormила власти придется потесниться. А говорят, что «связаться с Конаном — значит связаться с поражением».

В месте, где коридор внезапно расширялся, стигиец помедлил, разглядывая

окаменевшие потеки на стенах. Без сомнения, это была слизь, в тонкой пленке которой сверкали бирюзовые чешуйки. Колдун еще раз уверился в своих догадках. По крайней мере, один из представителей древнейших хозяев Земли проползал тут века назад. На мгновение ему стало жутко. Все же он был человеком, хотя и некромантом. Стигиец встречался, сражался и повелевал бесплотными духами, свергал демонов в нижние миры, сам бывал одержим какой-нибудь тварью из бездны. Мог вселить в другого смертного порождение Тьмы из свиты Сета, если на то была воля Мирового Змея.

Эти же существа не были людьми, животными или бесплотными демонами. Это было «иное», неизмеримо пугающее и могущественное. В истребительной войне с этими тварями человечество выжило и постепенно заселило Землю, в самых древних своих легендах и преданиях не вспоминая о том ужасе, который крался за ними по джунглям, подстерегал в пучинах гибых болот, нападал из-под земли. Твари, чьи громадные постройки, давящие, угловатые, огромные, непривычные глазу, тысячи лет назад уже поросли буйными травами, покрылись водой и жадным песком пустыни. Перед глазами стигийца пронеслись сотни и тысячи людских рек, текущих по развалинам циклопических сооружений. Скрижали Магов повествовали о том, что юные народы не селились вблизи построек древних государств Темной Расы, только века спустя на поросших бурьяном курганах взметнулись столицы и города Валузии, ее соседей. Владыки людей, обнаружив случайно подземные лабиринты под своими цитаделями, спешили замуровать их, страшась могильного холода и осязаемого зла, сочившегося оттуда и осквернявшего солнечный свет. Пикты и атланты — тогда еще могучие юные народы, насмерть дрались с выходцами из бездн, уже не ведая, что это донельзя искаженные подземным существованием первые хозяева их земель.

Великий король Кулл, правитель Валузии в пору ее расцвета, посвятил свою жизнь уничтожению этих существ, посягнувших на власть в мире людей. Когда же старый мир рухнул в пучину катастроф, его святыни и твердыни обрушились в прах. Пикты и атланты опустились едва ли не до уровня стадных животных, а новые народы — хайборийцы, гирканцы, стигийцы пришли, что бы стать хозяевами, даже осколки былых народов, сохранившие подобие цивилизации — народ «земри» и кхарийцы мрачного Ахерона, — уже не ведали о Темной Раке.

Некромант тряхнул головой и вновь двинулся вперед — не ему, служителю Бездны, бояться Мрака. Он шел, вспоминая слова своего учителя: «Идущий против Света не может страшиться Тьмы».

За очередным поворотом открылся огромный грот, еще сильнее подавляющий своими размерами, чем первый. По подсчетам стигийца, они сейчас находились точно под замком, если только его не подвело отточенное в лабиринтах под Луксуром чутье. Свод терялся где-то вверху, там свет сгущался в некое подобие мерцающих облаков. Вдали слышался грохот водопада, воды которого вливались в настоящую подземную реку, стремительно катившуюся меж высоких каменных островов. Стигиец первым запрыгал с камня на камень, стремясь добраться до возышения и оглядеться. Из воды выпрыгнула большая блеклая рыба с выпученными глазами и пастью, полной острых шилоподобных зубов. Она не смогла ухватиться за плащ и упала на мокрые камни. Шедший следом десятник пнул рыбу, пытаясь сбросить в воду, однако зубы ее тут же впились в сапог. Ругаясь, словно погонщик молов из южного Шема, аквилонец разжал ей зубы кинжалом и, взяв за хвост, разбил голову о ближайшую скалу. Остальных воинов тоже атаковали из-под воды, но ориентировавшиеся на звук рыбины, выпрыгивая, бились о щиты, зубы их скользили по доспехам, и они падали

обратно. В одном месте из воды высунулась здоровенная змеиная голова на длинной шее, и воины поспешили взобраться повыше на камни.

— Жуть, какая. Мы словно при входе на Серые Равнинны, куда не достигает свет Митры, — невнятно пробормотал один из ратников, нервно пробуя пальцем острие меча и косясь на резвящегося в реке водяного змея, погнавшегося за прыгучими рыбами.

— Кажется, наш колдун завел нас в гости к самому Нергалу, — сказал другой. Стигиец мгновенно ощерился:

— Не именуй его при мне, глупец. Если вы все немедленно не заткнетесь, я загоню вас в Огненную Бездну, пусть при этом придется обрушить эти каменные своды себе на голову!

Аквилонцы примолкли. Маг огляделся, прикидывая, где им ловчее пересечь поток, и вдруг увидел на плоском большом камне-острове груду человеческих костей и кучку праха, явно бывшего некогда одеждой. Немедля он бросился туда, вступив в поток по колено, борясь с сильным течением и уклоняясь от выпрыгивающих рыб. Воины всей гурьбой устремились за ним, еще не разглядев, что именно привлекло внимание некроманта, но боясь остаться в этом царстве камня и воды без поводыря.

Стигиец наклонился над останками. При одном прикосновении кости рассыпались. В каменном углублении виднелась бурая пыль — это было оружие, не выдержавшее испытание временем и сыростью. На черепе зияла пробоина, послужившая причиной гибели человека, а рядом лежало орудие убийства. Некромант поднял его и повертел в руках. Это был дротик, деревянная часть которого сгнила несчетное число лет назад. Сохранился только наконечник из черного вулканического стекла очень тонкой работы и костяная трубка, служившая рукоятью. Вот она и привлекла внимание колдуна. Рисунок по кости был странен — сплошные извины, черточки, круги, выполненные очень тщательно, некогда прочерченные в кости канавки заполняла краска и металлическая проволока. Человеку трудно даже представить такое изощренное искусство со столь странным чувством прекрасного. По всей видимости, это были именно узоры, а не письмена.

Еще труднееказалось представить руку, под которую сделали эту рукоять. Стигиец сжал ее, пытаясь расположить пальцы в искусно выполненных выемках и канавках. Ничего не получилось. Держать было совершенно неудобно, а прицельно метнуть такое длинное оружие — тем более. Тут была необходима кисть побольше, с очень длинными пальцами, еще лучше, если бы этих пальцев оказалось на пару-тройку больше, чем у людей.

«Похоже, я на правильном пути. Или милость Сета и все мое искусство меня оставили, или сюда не приходил ни один человек, по меньшей мере, веков десять. Ведь даже доски на входе, скрепленные грубым, но щедрым заклятием, уже рассыпались на поверхности в прах. Я слышал о многих древних тварях, еще о множестве узнал из наскальных барельефов под центральным храмом Кеми, но ни одно из них не смогло бы изготовить столь совершенного оружия, да еще затейливо украсить».

Вслух он, конечно же, ничего не сказал. Продвигаясь дальше, маленький отряд еще не раз и не два наткнулся на останки, изрядно, правда, искромсаные подземными тварями. Несколько раз стигиец брал с мокрых холодных камней и прятал под плащ то детали дротиков, то столь же изящный, но неудобный для человека искривленный каменный кинжал с ограненным самоцветом в костяном эфесе, то пару неимоверно тонких каменных браслетов. Его спутники нашли несколько золотых украшений валузийских времен, как определил стигиец по чеканке.

«Сет, ну почему нет у тебя таких слуг среди воителей, как этот Конан или древний

король-легенда Кулл. Ведь, похоже, он достал своих ужасных врагов даже в недрах земли. Видно, не все легенды о той эпохе — пустые басни».

Стигиец поминутно встречал оплавленные камни, искривленные каменные сосульки и иные следы магических ударов. Теперь у него не осталось сомнений: они идут по полю древнего сражения. Но большую часть ратного поля поглотила вода и известковые окаменевшие наплывы.

Сверху, из-под невидимых каменных сводов, упала вниз крылатая тварь. Она атаковала молча, сложив кожаные крылья и распахнув клыкастую пасть. Десятник, вовремя оглянувшись, упал на колени, взмахнув над собой мечом. Удар, впрочем, не достиг цели. Неведомая птица уже ударила когтями в спину одного из воинов. Когти прорвали плащ, но скользнули по кольчуге, удар же был настолько силен, что аквилонца бросило вниз. Он ударился о камни и упал в воду. Там его схватила следующая тварь, летевшая следом за первой. Схватив истошно вопящую жертву, птица поволокла его к дальним отвесным скалам.

— Будь прокляты все сокровища! — вскричал седоусый ратник, опуская поздно вскинутый лук. — Эй, стигиец, поворачиваем назад, пока нас всех тут не пожрала эта нечисть.

— Верно, — осторожно поддержал его десятник, растирая ушибленное колено. — Король приказал нам сопровождать тебя до хода в замок. Но хода-то нет, цитадель над нами, а к сводам может взлететь только сам Митра в своей огненной колеснице.

— Хорошо, — согласился стигиец, видя, что иначе они повернут назад и без него. — Мы дойдем сейчас во-он туда, где река уходит в толщу скалы. Если не пройти там человеку, придется вам штурмовать стены цитадели в лоб, а я вернусь к моим изысканиям лекарственных трав и изготовлению приворотного зелья.

Ворча, воины согласились на последний рывок. Больше оплошностей они не допускали. Ринувшихся, было, снова птиц они пошибали стрелами или приняли на копья, а высунувшегося из воды змея вмиг изрубили мечами и топорами.

Стигиец не обращал на схватку, кипевшую вокруг, ни малейшего внимания, а сосредоточился на отточенных годами занятий некромантией ощущениях. А они говорили ему, что маг приближается к месту сосредоточия Сил. Кто-то необоримый сплел в узел непокорные стихии, из которых соткано вещество мира. В этом невидимом коконе покоилось нечто, скрытое не только от взгляда смертных, но и от адепта Мирового Змея, за которым стояло могучее многовековое искусство черной магии. Стигиец чувствовал, как капля за каплей из него вытекает жизненная сила. Нет, в недрах замковой скалы не угнездился гигантский древний упырь.

«Этим» не нужны были жалкие силы мага. По сравнению с мощью кокона его искусства просто не существовало. Это частицы могущества, из которых стигиец годами ткал свой волшебный каркас сил, почувствовав более могучее вместилище, стремились слиться с бьющими ключами чистых Темных энергий, не обремененных жалкими заклинаниями, сплетенными человеком. С удивлением стигиец почувствовал, как покидает тело аквилонского воина плененный им дух, устремляясь в невидимую воронку. Такого просто не могло быть, но так было. А кокон этот находился в нескольких шагах от стигийца, за гранитной стеной, под которую, пенясь, уходил холодный поток. Колдовским зрением колдун видел, что под толщей воды сидит «глубинный страж», намертво преграждая проход к кокону. Существо не было посажено здесь на магическую цепь. Просто это древнее, известное из преданий и видений Черного Лотоса существо, вольготно расположилось рядом с бьющим

ключом сил.

Хищная тварь приспособилась за века получать жизненную энергию, не охотясь и не убивая. Но сунься кто в воду, «страж» решит, что это нападение, и неминуемо вступит в бой. А под водой этот прозрачный спрут был опаснее десятка голодных акул.

«Наверняка сверху, из цитадели, есть вход к «этим». Не знаю, как Торкиль взломал защиту, наверняка тут не обошлось без желания самого кокона, но мне туда дорога одна — из замка. Если Темные, по крайней мере, несколько из них, живы, то разбудивший их станет обладателем неслыханной мощи. Интересно, правильную ли я сделал ставку в этой игре. Может быть, мое место — рядом с Блистательными? Вначале — рядом. И ближе к «этому», чему нет названия. Теперь я понимаю, куда делся Звездный Вестник. Примерно туда, где оказался бы я, попытавшись применить Искусство рядом с коконом. По открытым каналам вошло бы столько стихийной мощи, что меня бы разорвало в клочья. Значит, мятеж, даже гирканское нашестье, — все это вместе с планами ордена полная чушь для отвода глаз. Игру ведут «эти», вернее, они спят, уж тут-то я не могу ошибиться, а их защитные барьеры и вуали по-своему тасуют фигуры, дергая за ниточки. Так ярмарочный фокусник поступает со своими куколками. Кажется, Мировой Змей любит меня, предоставляя неясную, грозную и пугающую возможность изменить судьбы мира».

Продолжая размышлять, стигиец отдал приказ возвращаться назад. В сотне шагов от гранитной стены ему стало легче. Чтобы убедиться, он изменил полет одной из рыб, бросившейся на него. Тварь перекувырнулась в воздухе, вильнула и схватила за плечо десятника. Тот с проклятиями стряхнул рыбу с доспеха и ускорил шаг. Значит, все верно. Чем ближе к источнику чистых древних сил, тем незначительней более позднее Искусство управления Тьмой. Большее поглощает меньшее, сильный пожирает слабого. В мельтешении жалкой жизни этот принцип зачастую нарушается, в мире же холодных магических линий — ... непреложный закон.

В туннеле-проходе между первым и вторым гротом десятник неосторожно наступил на выступающий камень. В тот же миг бесшумно повернулась на невидимых петлях каменная глыба, и на них кинулся странного вида зверь. Он был покрыт плотной чешуей, с когтистыми мощными лапами, имел при этом птичий клюв и короткие кожаные крылья. Змеиный хвост хлестал из стороны в сторону, сбивая с ног.

Зверь стоил отряду двоих, но был повержен опытными воинами. Разглядывая мертвое чудище, стигиец полностью уверился, что имеет дело с силами из пучин времен, — страж был точной магической копией древних грифонов, использовавшихся на полях сражений древнего мира.

Когда они выбрались из узкого прохода в следующий грот, впереди послышались крики, замелькали человеческие фигуры. Десятник немедленно расположил своих людей за камнями, готовясь дорого продать жизнь свою и оставшихся ратников.

— Стигиец, с тебя будет толк в сражении? — спросил он у спокойно стоящего со скрещенными на груди руками волшебника.

— Я кое-что могу, хотя и не являюсь воином. Но мне кажется, что это не мятежники. Мне кажется, я различаю бас короля... ага, а вот это определенно рев «глубинного волка». Ну, конечно — Конан не смог пройти мимо несчастного слепого ящера.

Аквилонцы и их спутник двинулись вперед, а вскоре действительно разглядели своих товарищей по оружию. Северяне недовольно оглядывали грот, как две капли воды похожий на описания чертогов Хозяйки Смерти — богини Хель, а над иззыхающим «волком» гордо

стоял Конан, вытирая полой плаща окровавленный меч.

— Кром, а вот и наши разведчики. Я смотрю, стигиец, что ты не очень-то бережешь аквилонских солдат. С тобой был десяток.

— О, да, повелитель Аквилонии. Этот лабиринт упокоил души нескольких храбрых мужей, и все мое искусство оказалось в ряде случаев бессильным перед безымянной напастью.

Стигиец был подчеркнуто сдержан и любезен. Конан вопросительно вскинул брови, загоняя меч в ножны:

— Значит, тут поистине вход в преисподнюю, раз некромант, чувствующий себя, как дома в гибких подземельях Кеми, откуда в молодости я едва унес ноги, оказался бессильным пред здешними обитателями. Впрочем, оставим пустую болтовню. Ты нашел прямой путь в замок?

— Нет, король. Ходы в глубь земли, без сомнения, есть, но идут они со стороны замка, отсюда же можно пройти лишь через сонмы чудовищ и голодных духов до гранитной скалы. Если глава Блистательных и знает способ пройти сквозь нее, то скромный служитель Мирового Змея бессилен.

— Прах тебя подери, чернокнижник. А я уже мечтал ворваться в замок и покончить с мятежом силами своей дружины, утерев нос Конну, Троцеро и немедийцам. Значит, предстоит долгая осада или кровопролитный штурм. А что, никак нельзя пробиться сквозь ту стену?

— О, нет. Своды, без сомнения, обрушатся и погребут под собой дерзких, рискнувших тревожить корни скалы. Кроме того, как я и ожидал, здесь находится небывалый источник магических сил, столь мощных, что мое искусство бессильно. Силы, которые управляют мятежом и Орденом Блистательных, настолько древние и могучие, что неосторожная попытка взлома может вызвать катастрофу в материальном мире, а также небывалую волну в... сокрытых от смертных пластиах мироздания.

— Как всегда, когда имеешь дело с магией. Много пустых и темных слов — и никакого толка. По крайней мере, скажи мне: Торкиль может спустить на нас каких-нибудь демонов или, там, огненную реку, тайфун, мор?

— О, нет, не думаю. Для большинства подобных действий нужно до тонкости изучить искусство черной магии, будучи под покровительством одного из темных орденов и его владык из Мировой Бездны. Торкиль же — удачливый, но безграмотный человек, по недосмотру Владыки Мира наткнувшийся на источник энергий, мощь которого превышает силу его воображения и скромных умений. Как бывает в подобных случаях — не он управляет Силой, а стихийные энергии играют им, словно водоворот — щепкой. Кроме того, как я уже имел сегодня случай заметить, что хоть я и не воин, но обезопасить нашу армию от любых демонов, чье появление не совпадает с тайными планами Змея, я смогу.

— Остается надеяться, что Сету совершенно нет дела до Блистательных и того, что они нашли в этой темной сырой дыре. Пора выбираться на поверхность, а то у меня начинают ныть старые раны и болеть зубы. Чего доброго, разыгрывается ревматизм.

— Одно слово короля, и я приготовлю отвары...

— Кром, уж лучше мучиться от ломоты в костях, чем пить твои зелья, стигиец. Уж не сочти за обиду.

Они принялись выбираться. Стигиец был только рад невежеству Конана в делах древней истории и магии. Он до сих пор не решил, верны ли его догадки о Темной Расе,

представители которой, быть может, совсем рядом дремлют многие века, закрывшись от времени вуалью из колдовской ткани и изначального, предвечного мрака.

«Коль скоро Древние пробуждаются, шевелясь в своем тяжелом сновидении, колесо мира движется неумолимо к Последней Битве, в которой сойдутся в оставшиеся мгновения Времени те, кто видел зарю мироздания. Что значит все черные ордена по сравнению с расой служителей Изначального Мрака? Не следует ли мне припасть к искре чистого Зла, отбросив суетные проблемы политики? Какая разница, кто правит в дряхлеющих странах хайборийского мира Аквилония или Гиркания? На развалинах людского мира начинают распахиваться темные крылья Мировой Бездны, и от самого фундамента мироздания тянутся наверх первые всходы, просыпаются поглощенные временем...»

Стигиец был в мучительных сомнениях, когда они вышли на поверхность. Совсем недавно пустынная поляна теперь стала местом лагеря аквилонского войска. Всюду раскинулись палатки, горели костры — Конан больше не таился от Блистательных, — и столбы дыма, вероятно, хорошо были видны с башен пеллийской цитадели.

Конан кивнул Иллиаху, указывая бровями на стигийца. Может, старый король не был силен в оттенках волшебных энергий, но предательство чуял за лигу. Этот дикарский инстинкт остался с ним на всю жизнь, не раз спасая Конана в самых гибких переделках.

Погруженный в тяжкие раздумья смуглокожий южанин, в странно шевелящемся в безветрии плаще, и не заметил, что вокруг него расположились пять или шесть мрачных северян, посматривающих на него, как на ядовитую змею. Сам же король немедленно двинулся в центральный шатер. Там он увидел полководца Троцера, Конна, нескольких Черных Драконов и Хольгера.

— Так, клянусь бородой Крома, Военный Совет в сборе. Отлично, рассказывай, Троцero. Мне вас порадовать нечем — из-под земли мы Блистательных не достанем.

— Мой король, — старый граф нетвердой походкой обошел брошенную прямо на землю карту, — основные планы мятежников потерпели крах. Они рассчитывали занять вот эти замки на наших землях, поместье наместника, переправы и броды. Участники мятежа из числа знати арестованы, разумеется, кроме тех, кто находится в цитадели, летучие отряды — уничтожены.

— Что на немедийской стороне? — спросил Конан, беря из рук одного из Драконов и опрокидывая себе в глотку кубок с вином.

— Барон Оливей, действуя чрезвычайно энергично, изолировал друг от друга несколько очагов мятежа. К нему из столицы прибыл кавалерийский полк во главе с членом бельверусского военного совета, якобы для усиления границы, на самом же деле — с целью разоружить гарнизон, а затем присоединиться к мятежу. В заговор посвящены лишь некоторые офицеры полка и указанный вельможа. Прибывший гонец сообщает, что этой ночью Оливей окружит место расположения прибывшей кавалерии и проведет арест выявленных Блистательных.

— Хваткий малый. Троцero, ты выпестовал не только ряд неплохих вояк Аквилонии, но еще и великолепных врагов! Клянусь синюшными телесами Хель!

Граф поморщился, видя, что Конан выпивает залпом еще один кубок, и дипломатично заметил:

— Немедия сейчас не враг Золотому Льву, а в некотором смысле даже союзник.

— Ну, нет, я никогда не забуду Год Дракона. Руки пока что у Бельверуса коротки, и все тут. Эти Блистательные — для них тоже заноза в боку. Но погодите — вот если зашевелится

Гирканы, они будут стоять в стороне, а то и попользуются царящей неразберихой. Тот же Оливей решит оттяпать у нас провинцию-другую, если дела у степняков пойдут хорошо.

— Отец, у тебя совершенно неверные представления о немедийской аристократии. Никогда держава, в которой почитается Митра, не пойдет на сговор с восточными шакалами, дикарями и варварами, почитающими демонов и созвездия!

Конан, как обычно, не преминул защитить цивилизованного соседа Аквилонии.

Конан расхохотался:

— С ахеронским демоном они почему-то вступили в сговор. А если говорить о дикарях, то гирканцы — сущие неженки по сравнению с нашими боссонцами и гандерланцами, не говоря уже о северянах, вроде меня или вон Хольгера. Бросим болтовню. Троцеро, я понимаю так: план мятежа оказался мастерски задуман, и лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств удалось погасить неначавшийся пожар. Теперь необходимо осадить и взять саму цитадель. Мне кажется, что моей дружины и Черных Драконов на это хватит. Что с Тураном, есть ли угроза с востока? Когда я собирался лезть в эту крысиную дыру, ты ждал гонцов.

— Да, мой король. И ненапрасно. Во-первых, предстоит еще выяснить, откуда у Блистательных такая прорва золота. Я пока готов только признать, что в военном и политическом смысле выступление мятежников было подготовлено превосходно. На наших западных границах планировались выступления пиктов и наемных ватаг, которые должны были приковать основные силы аквилонского войска к Западной Марке, в то время как здесь зрели баронские выступления, а гирнская конница собиралась затопить равнины южных соседей.

— Неужели недоношенный сынок Эйольва-Валана, этот магистр самозваный, или разбойник Хват могли составить столь безупречный и тайный замысел. Хвала Крому, значит, не все еще обветшало в мире!

— Нет, мой король. Наконец мы располагаем точными данными о составе мятежников. Военная часть была разработана известным вождем наемной дружины Диго Аргосским. Сейчас он со своим отрядом находится в цитадели.

— Славный малый. Троцеро, ты утверждал, что Аквилонской Короне служат все толковые наемники. А самого-то талантливого проглядел!

Троцеро замялся, вспоминая, какое издевательское письмо он получил от Диго в ответ на свое предложение получить прощение всех грехов вместе с королевским указом о назначении командиром в порубежный гарнизон Западной Марки. Но он быстро нашелся, семенящей походкой направившись к дальнему углу карты:

— Однако наместники западных областей и войска уже оповещены, и серьезных неприятностей не предвидится. Сила мятежников была во внезапности нападения, теперь они лишились этого преимущества. Флот Аквилонии вскоре войдет в устье реки Хорот, дабы вынудить Зингару и Аргос не давать убежища смутьянам. А военные отряды мятежников будут отброшены в дикие джунгли или уничтожены без участия основных сил.

— Отец, нам нужно твое согласие, и тогда полки Аквилонии немедленно выступят к гарнизонам на реке Красная, которую гирканцы, какой бы дорогой они бы нишли, не минуют. И получат хороший урок.

Конан обошел карту, что-то ворча себе под нос, но, не найдя изъяна в плане главнокомандующего и сына, кивнул головой. Приказ и королевская печать были под рукой, и вскоре гонец с усиленной охраной направился в Тарантию.

— Отец, ты, наверное, захочешь возглавить войска королевства? — спросил Кони.

— Пожалуй, нет. Мне почему-то кажется, что мой сын, разумеется, пользуясь мудрыми советами графа, сам может разгромить зарвавшихся гирканцев. Они не ждут столкновения со всем нашим бронированным воинством. Если я правильно мыслю, гирканцы собираются продемонстрировать Офиру, Кофу и Нему, кто настоящий хозяин на востоке, и поддержать мятеж. А в случае удачи сделать новоявленное государство ордена Блистательных своим вассалом, на страх Немедии и Аквилонии. Так вот, разбейте им морду в кровь и преследуйте хоть до пустынь на границе с Тураном, чтобы все знали, кто действительно хозяин хайборийского мира.

— А ты, отец?

— Меня очень занимает этот Торкиль, еще больше — Диго. Хочу посмотреть на последнего «пса войны», решившего бросить вызов сильнейшим державам мира. Это как блеск бриллианта в куче дерьяма современности! — При этих словах Коны закатил глаза и тихо вздохнул. — А больше всего мне интересен змееныш Хват, или как там его на самом деле. Моя дружина, Драконы — вполне хватит на осаду. Что ж, все свободны.

Глава девятнадцатая

Диго не мог понять, на что надеется хозяин замка. Почтовые голуби давно принесли вести о том, что аквилонцам во главе со своим престарелым королем и его сыном, удачно дополнившим безрассудную отвагу отца расчетливостью, удалось без особых трудностей подавить начинавшийся мятеж.

На месте Торкиля аргосец сейчас думал бы не о том, как продолжить начатое, а о том, как избежать сокрушительного поражения, которое было лишь вопросом времени. Конану с небольшим отрядом удалось прорваться через все засады, и хотя у него недоставало сил для штурма, их вполне хватало для длительной осады пеллийского замка.

Когда Диго обсуждал с главой провалившегося мятежа положение дел, он тщательно объяснил ему сложившуюся ситуацию, и был уверен, что последует приказ начать переговоры. Однако Мастер не обратил на слова наемника ни малейшего внимания. Его вела непоколебимая уверенность в успехе, которому не в силах помешать никакие препятствия.

Диго испытывал двойственные чувства: с одной стороны, он испытывал удовольствие от настоящего дела, — столкновения с сильным и достойным противником, но с другой — отсутствие реальных шансов, победу тревожило Одноглазого.

Сидя в своей комнате, он пытался понять, что же движет Торкилем. Поведение хозяина замка чересчур напоминало действия безумца, не замечающего ничего, кроме своих собственных домыслов. Достаточно вспомнить о том, как он вел себя на плацу во время стычки с заморийцем — не испытывая ни малейшего страха, не пытаясь уклониться от ножа, словно ему заранее было известно чем кончиться дело.

Вспомнив об этом случае, Диго недовольно скривился. Он отчетливо видел, как нож вонзился в руку Торкиля, но из раны не текла кровь. Единственный глаз ни разу не подводил аргосца. Диго вскочил и принял расхаживать по комнате. Если герцог не безумец, то, значит, здесь замешана магия. Об этом говорил и проклятый стигиец, при воспоминании о котором аргосца до сих пор передергивало, как от вида смертельно опасной змеи. Магию — во всех ее видах — он считал отвратительным занятием, противным Митре и всем светлым богам. Сама мысль о том, что приходится служить поборнику темных сил, вызывала в нем сильное желание первый раз в жизни нарушить закон наемного братства и увести своих ребят подальше от этого Митрой оставленного места.

Вечером в его комнату зашел хозяин замка. Торкиль расспрашивал об организации обороны и о настроении солдат.

— Больше всего меня беспокоят пикты, — говорил Диго. — Они, пожалуй, больше всех в драку лезут — аквилонцев они терпеть не могут, а срубить пару голов для них — все равно, что моряку в бордель после плавания сходить. А по ночам их лучше и вовсе не видеть. Вчера проснулся ночью, пошел караулы проверять, вдруг слышу: воет кто-то посреди двора. Подошел поближе — и тут передо мной вскакивает с земли птица, размером человеку по пояс будет. Сначала я решил, что пора мне пить бросать: накануне перебрал вина здешнего со своими аргосцами, а когда повнимательнее пригляделся, вижу: это вождь пиктов, весь в перьях и разрисованный всеми красками. Я его чуть сразу же за стену не выкинул: пусть там аквилонцев пугает.

Торкиль коротко рассмеялся, а Диго с каменным лицом продолжал:

— Вот этот вождь мне и начал рассказывать, что он чувствует, будто в стенах замка что-

то бродит, шуршит и спать не дает. Причем это не крысы и вообще неживое что-то, а какие-то упыри, ожившие мертвецы. И поэтому они, пикты, решили к своим богам обратиться, за помощью и защитой. Дарфарцы тем же самым занимались по ночам, пока я их вместе со зверями не отправил в засаду ожидать Конана. Не армия, а собраще дикарских богов...

— Да, пожалуй, пиктов тоже стоит отправить за пределы замка, — небрежно бросил Торкиль, — такие следопыты больше пригодятся в засаде, чем на стенах.

— Бойцы в засады уже назначены, — коротко ответил Диго, который терпеть не мог, когда наниматели начинали ему указывать, как правильно воевать.

— Поступай, как знаешь, — ответил Торкиль, направляясь к двери. — Если что понадобится, обращайся в любое время. Если я буду не в Зале Советов, ты найдешь меня в подвале замка, в святилище Ордена. Младшие братья получили приказ пропускать тебя в любое время.

Как только Торкиль вышел из комнаты, Диго вспомнил, что хотел спросить, будет ли Армледер участвовать в обороне замка, и бросился вслед за Великим Мастером. Он выскочил в коридор как раз в тот момент, когда герцог подошел к стене и нажал на панель, которая отошла в сторону, открывая потайной ход.

Инстинктивно он притаился. Торкиль скрылся в яме, и панель бесшумно скользнула на место. Выждав несколько мгновений, Диго последовал за хозяином замка.

Панель отошла в сторону, и перед ним открылся черный проем. Осторожно, словно крадущийся леопард, Диго скользнул в потайной ход. Он не знал, зачем это делает, но что-то гнало его вперед. Этот замок нашпигован странностями, как кусок боссонской колбасы — салом. И надо было выяснить, с какими неожиданностями здесь может еще столкнуться честный наемник.

Через несколько шагов он остановился. Впереди коридор резко сворачивал, и из-за поворота слышались голоса. Не производя ни малейшего шума, Диго присел и осторожно заглянул за угол. Он увидел узкую винтовую лестницу, по которой спускались двое.

Первым был Торкиль, облаченный в длинный расширенный непонятными фигурами балахон. За ним почтительно следовал слуга, державший перед собой факел.

Повернувшись на очередном изгибе лестницы, он заслонил своим телом огонь. И тут Диго похолодел, охваченный ужасом, которого не испытывал даже тогда, когда клин тяжелой конницы врезался в строй наемников, и одно из копий лишило его глаза. Фигура слуги, державшего факел, не отбрасывала тени!

— Что же это такое? — пробормотал он, уже зная ответ.

Богам было угодно засунуть его именно туда, где он меньше всего хотел бы оказаться, в замок некроманта, в подчинении которого находятся ожившие мертвецы. Ни разу за свою бурную жизнь аргосец не сталкивался ни с чем подобным.

Осторожно, производя шума не больше, чем падающий с дерева лист, он вернулся в свою комнату. Увиденное оказалось хуже самых мрачных его предположений. Но что бы ни творилось в этом богами проклятом замке, не стоило показывать своей осведомленности, пока он не решит, что же делать дальше. Не решил он этого и вечером, когда отправился проверять расставленных на стенах часовых. В свете заходящего солнца ему даже начало казаться, что единственный глаз вновь сыграл с ним злую шутку.

Схватка на площадке началась внезапно, и, если бы Диго не подоспел вовремя, унесла бы добрый десяток человек. Сиреневый нордэйхмский пес — ужас снежных пустынь, — спокойно лежавший у стены казармы, внезапно набросился на одного из замковых слуг,

носивших еду в казарму, где размещались пикты, ваниры и асиры, — дикии прекрасно уживались друг с другом. Собака вцепилась в горло слуге и рвала его, издавая одновременно яростное рычание и жалобный вой. Казалось, что пес бросился в схватку от невыносимого страха. Человек делал бесплодные попытки выбраться из-под навалившегося на него зверя, но вскоре затих. Пес, задрав морду кверху, завыл — жутко и жалобно. Этот вой часто можно услышать в заснеженных пустынях Ванахейма перед битвой. Ваниры говорят, что собаки, предчувствующие свою смерть, поют свою прощальную песнь.

Для этого пса песнь действительно оказалась прощальной. Сухо щелкнул арбалет, и короткая толстая стрела погрузилась в шею пса. Спешившие на выручку товарищу слуги отомстили за его смерть.

Почти одновременно мелькнул в воздухе нордхеймский топор, и арбалетчик упал с размозженной головой. Одетые в волчьи шкуры, ваниры бросились на обидчиков. Вслед за ними выскочили асиры и пикты. Дикии не были вооружены, но одного их вида хватило бы, чтобы обратить слуг в бегство. Однако челядинцы не побежали. Еще раз щелкнул арбалет, и тяжелая стрела вошла в грудь пиктскому вождю.

Пикты завыли и бросились вперед. Приземистые воины с перьями в волосах горели жаждой мести. Слуга, державший арбалет, был убит мгновенно. Один из пиктов высоко поднял его отрезанную голову, с которой капала кровь. Второго слугу исполосовали кремневыми ножами. Лишь решительный окрик Диго предотвратил дальнейшее избиение.

Вместе с подошедшим Торкилем им удалось успокоить дикарей, горевших жаждой мести. Хозяин замка пообещал пиктам щедрую виру за убитого вождя, но Диго мог поклясться, что во взгляде Торкиля, когда он смотрел на погибшего, мелькнуло удовольствие.

Вечером на замковом дворе запылал погребальный костер. По своему обычанию, пикты провожали на Серые Равнины погибшего вождя — далекого потомка прославленного Брула-копейщика.

Глава двадцатая

Наверное, подсыпанное зелье продолжало действовать. Но видение было настолько реальным, что не вызывало ни малейшего сомнения. Он чувствовал даже исходивший от заморийца запах — запах крови и смерти. Армледер закрыл глаза и вновь открыл их. Видение не исчезало. Некоторое время аренджунец безмолвно рассматривал гвардейца, затем почему-то поклонился. В поклоне проскальзывало почтение и благодарность. Замориец отвернулся и вышел из комнаты тем же путем, которым попал сюда.

Разум человека не мог перенести кошмарного видения, и Армледер погрузился в спасительный сон. Разбудило его легкое прикосновение. Выбравшись из плена мрачных видений, он рванулся, сев на кровати. Оцепенение прошло. Тело двигалось так же легко и послушно, как обычно. Перед ним стоял один из замковых слуг, видимо, тоже из Посвященных, и почтительно протягивал перед собой поднос, уставленный разнообразной едой и питьем.

— Прошу вас отведать, господин. Вскоре состоится Посвящение, а сейчас пожалует Великий Мастер и ответит на ваши вопросы, убедившись в вашей решимости стать на Великий Путь.

Внезапно Армледер почувствовал зверский голод. Забыв об осторожности, он набросился на еду. Холодное мясо и лепешки показались ему самым вкусным что он пробовал в жизни. Он плеснул себе в кубок вина из принесенного слугой кувшина, но вовремя вспомнил о подсыпанном ему зелье и удовольствовался чистой водой из второго кувшина. Только здесь он полностью осознал слова слуги. Сегодня — Посвящение! Значит, он провел в этой комнате целых два дня, ведь Торкиль говорил, что Посвящение состоится на третий. Одурманенный вином, он потерял чувство времени. Два дня он беспомощно лежал здесь, наблюдая колдовские картины.

Армледер резко вскочил, опрокинув столик, на котором стоял поднос. Осколки посуды рассыпались по полу, заблестело разлитое вино. Появился слуга, вытер пол, подобрал осколки и вновь выскользнул за дверь.

Армледер лихорадочно расхаживал по комнате, пытаясь понять, что же ему теперь делать. Надо постараться узнать у Торкиля, что происходит в мире, ведь мятеж уже должен был начаться. И, пожалуй, рано говорить с братом, приставив кинжал ему к горлу, — необходимо проникнуть в подвал и посмотреть на таинственное подземное святилище. Что-то подсказывало Армледеру, что ответ на все вопросы он сможет получить лишь там.

Когда открывшаяся дверь впустила в комнату Торкиля, Армледер был готов к разговору с братом. Он спросил, когда наступит то великое будущее, которое он видел, и неизбежно ли оно. Значит ли это, что теперь ему можно ничего не опасаться в битве, поскольку он видел себя в будущем. Торкиль ответил, что показанное было не будущим, которое увидеть нельзя, поскольку его еще не существует, а видением мыслей, планов, которым не в силах ничего помешать.

— А как идут дела сейчас? — поинтересовался Армледер. — Наверное, провинция уже у нас в руках?

Торкиль несколько помрачнел:

— Этому варвару откуда-то стало известно о наших планах. Им удалось подавить восстание немедийских баронов и отбить атаку на поместье наместника. Сейчас он

пытается штурмовать замок. С горстью воинов он пошел напрямик через горы, угодив прямо в расставленные Диго ловушки.

Теперь он стоит под стенами, но не решается штурмовать, понимая, что мы полностью уничтожим его армию. Правда, у нас недостаточно сил, чтобы одним решительным ударом покончить с этим ублюдком. Но у меня есть в запасе кое-что, Варвар не уйдет отсюда живым!

— Туранцы? — лениво поинтересовался Армледер.

— Не только, — загадочно произнес Торкиль, — подожди, и все узнаешь. Увидишь своими глазами. — Он замолк, не желая открывать брату ничего сверх того, что уже было сказано.

Вялым голосом Армледер проронил несколько ничего не значащих фраз, восхитился великим будущим, ожидающим страну под их властью, затем притворился, что хочет спать.

— У тебя очень крепкое вино, брат, — произнес он, зевая, — после него тянет в сон. Я хотел бы отдохнуть перед церемонией.

Торкиль вежливо попрощался с братом до встречи на Посвящении и вышел.

* * *

В подвале замка Торкиль готовился к ритуалу обращения. С помощью пяти младших Посвященных он облачился в длинный балахон, на котором были вышиты существа, не принадлежащие к пантеону ни одной из известных религий. На черном фоне извивались зеленые, серые и синие полузмеи-полулюди, скалились клыки свиньи с человеческим туловищем, волчья морда была увенчана козлиными рогами. Сплетавшиеся между собой странные кривые линии, образующие изображения, казались нанесенными не человеческой рукой — так неестественно они выгибались.

Один из Посвященных поднес Торкилю тиару Великого Мастера Ордена Блистательных, высеченную из куска обсидиана, и увенчанную камнями, напоминающими изумруды. Подобные камни давно уже исчезли с поверхности земли, и лишь в мрачном лабиринте пещер под замком сохранились эти свидетели давно ушедших эпох.

Взяв в руку каменный жертвенный нож, Торкиль сжал другой рукой горло приготовленного для жертвоприношения петуха и прикрыл глаза, готовясь к ритуалу. Сейчас младшие Посвященные введут его брата... вернее, того, кому предстоит стать его братом.

На его губах зазмеилась пугающая улыбка...

* * *

Впоследствии Армледер с трудом мог вспомнить первую часть церемонии Посвящения. Вокруг собрались члены ордена, горел светильник, распространяя вокруг чад, смешанный с ароматом благовоний, что обычно сжигались в храмах Асуры.

Младшие Посвященные начали причудливый танец. Затем на него набросили покрывало, и Армледер предстал перед Великим Мастером Ордена, который отработанным жестом сорвал ткань, демонстрируя тем самым, что новый Посвященный избавился от иллюзий. Коротким жертвенным ножом Торкиль срезал прядь волос с головы брата — это

символизировало признание новым Посвященным того, что подлинная жизнь начинается лишь после смерти тела. Остального Армледер не запомнил — идиотские пляски начали его раздражать, и он перестал обращать внимание на то, что творится вокруг.

Все происходящее больше всего напоминало вечеринки у какой-нибудь знатной дамы в Тарантии, на которых восторженная хозяйка — большая любительница необычных культов и вообще всего необычного — показывает гостям свои достижения в познании бестелесного мира. Наконец Великий Мастер громогласно объявил, что ритуал завершен. Младшие Посвященные заторопились к выходу. В святилище осталось всего несколько человек. Армледер огляделся вокруг и поразился царившей здесь роскоши: повсюду были расставлены отлитые из золота статуи, разбросаны дорогие ткани. На стенах в беспорядке висели ожерелья из крупных драгоценных камней, сверкающих и переливающихся самыми различными оттенками. На алтаре стояли золотые чаши, также украшенные камнями невиданных размеров. Больше всего это напоминало храмовую сокровищницу какого-нибудь древнего знаменитого храма, и у Армледера появилось подозрение, что Торкиль совершил святотатство, разграбив одно из великих святилищ.

От этих мыслей его отвлек голос обращавшегося к нему брата:

— Завершена первая часть церемонии. Сейчас мы с тобой спустимся вниз, к сердцу горы, и там ты пройдешь второе, истинное Посвящение, которого удостоены лишь немногие. Там ты обретешь ответы на все свои вопросы и приобщишься к вере и ощутишь присутствие Тех, Кто Вовне и Внутри Нас. И станешь истинным адептом Храма Ночи.

Он кивнул стоявшему неподалеку человеку, тот зажег факел, прошел за алтарь и, откинув занавесь, открыл проход в высеченный в скале коридор, в конце которого виднелась винтовая лестница, уводящая вниз, как выразился Торкиль, «к сердцу горы».

Глава двадцать первая

Они спускались долго. Шедший сзади Армледера Посвященный нес факел, и блики плясали по стенам уходящей глубоко под землю шахты. Неровное пламя факела выхватывало из тьмы причудливые каменные узоры, известковые наплывы, казавшиеся мордами чудовищных созданий. Пламя плясало, дробилось на вкраплениях слюды, и чудилось, что звери ожидают, движутся, а стены начинают сжиматься, грозя сдавить дерзких, осмелившихся нарушить их вековой покой. Лестница оборвалась на небольшой площадке, от которой отходило несколько туннелей. Армледер решил, что они уже находятся в самом центре горы.

Торкиль жестом отоспал наверх человека с факелом. Теперь их окружала кромешная тьма, лишь высоко вверху подрагивал огонек в руках поднимающегося человека.

— Следуй за мной, — зазвучал голос Торкиля.

Они шли по длинному туннелю. С изумлением Армледер заметил, что через небольшие промежутки на стенах закреплены факелы, в которых ровно горел огонь. Света вполне хватало, чтобы различать окружающее.

— Здесь, в Храме Ночи, обитают пришедшие к единению с Теми, Кто Внутри, — сказал Торкиль. — Они не появляются на поверхности до поры, но вскоре наступит их час — тогда, когда придут те, Кто Вовне.

На сей раз Армледер понял, что за ритуальными словами, которые он считал лишенными всякого смысла, кроется что-то вполне реальное. Ему даже показалось, что он улавливает их смысл, но полностью осознать его не может. Вскоре он перестал понимать, сколько они прошли — десяток шагов или не одну сотню. Казалось, что воздух вокруг сгустился и замер, и Армледеру с трудом удавалось преодолевать его сопротивление.

Неожиданно Торкиль остановился. Армледер почувствовал это и замер рядом. Стояла полная тишина, и, словно рождаясь из тишины, черпая из нее силы, мерно зазвучал глухой голос Торкиля, нараспев произносящего слова на незнакомом Армледеру языке. От самих звуков у гвардейца пошел мороз по коже.

Они принадлежали иному, нечеловеческому языку, и гортань произносивших их существ была устроена иначе. В них слышался шелест чешуи по камням и шипение древних змей, свист отравленной стрелы истон жертвы, зловещий шорох листьев давно исчезнувших растений и чавканье болотной грязи. Лишь человек, в погоне за темным могуществом отрещившийся от своей природы, мог произнести их. И настолько древними, мрачными были эти звуки, чудовищным, кощунственным язык, что даже сейчас, через многие тысячелетия после того, как он звучал на поверхности земли, любого случайно услышавшего звуки его человека охватывало отвращение.

Торкиль отсек голову черному петуху, окропил кровью себя и брата. Казалось, он видел в темноте не хуже, чем при свете. Затем произнес еще несколько слов.

Медленно раздалась скала, а в щели забрезжил мертвенный голубоватый свет. Они вошли в открывшийся проем, очутившись в большой пещере.

— С сегодняшнего дня проход останется открытым навсегда! — торжественно провозгласил Торкиль. — И когда завтра по нему двинутся Восставшие, мы будем готовы принять их.

Армледер тем временем рассматривал подземный зал, на пороге которого они стояли.

Зрелище, открывшееся перед его глазами, поражало воображение. В самом сердце скалы был высечен огромный гrot. Свод его терялся далеко вверху. Стены были покрыты известковыми потеками, что, слившись воедино, образовывали причудливые колонны. Казалось, игра природы создала замысловатые изображения, заполнившие пещеру. Но присмотревшись, можно было заметить, что все эти прихотливые узоры на стенах и спускавшиеся колонны — не дело природных сил. Это был результат долгого труда неведомого мастера, статуи, лишенные формы. Но чьи руки могли создать подобное?

Армледер вспомнил свои недавние видения, поведавшие о прошлом величии змеиной расы. Было что-то узнаваемое в этих колоннах — такими же непонятными и пугающими были виденные Армледером храмы, поднимающие к небесам короткие искривленные шпили. По колоннам тянулись письмена. Буквы представляли собой переплетения кривых, неестественно изогнутых линий. Настолько чуждым был создавший их разум, что человеческий глаз не мог уловить логики, завершенности в этих сплетениях.

Торкиль быстро прошел через гrot, петляя между колоннами одному ему известным путем. Армледер старался не отставать от брата, отложив все вопросы на будущее.

Посреди пещеры колонны расступались, образовывая круглую площадку. На ней стоял каменный стол, словно выраставший из пола. И этот стол, и вся площадка была сплошь завалена разнообразными золотыми предметами. Такого количества золота Армледеру прежде никогда не доводилось видеть. Мельком он подумал, что братец ограбил еще и аквилонскую казну. Торкиль остановился.

Я привел тебя сюда, чтобы ты знал, что поможет тебе продолжить наше дело, если меня не будет рядом. Безгранична моя вера в Тех, Кто Внутри и Тех, Кто Вовне Нас, но предугадать ничего нельзя, и даже я не ведаю предстоящего завтра. Возможно, варвары, что стоят под стенами, подожгут замок, и я погибну в огне. Здесь, брат, — произнес он, указывая на рассыпанные по полу чаши, кубки, ожерелья, — хранятся сокровища, принадлежавшие служителям Асуры. То, что ты видел наверху, где проходила церемония, — лишь малая часть. Многое пришлось истратить, но и оставшегося хватит на великие дела. Но пойдем дальше. Я хочу показать тебе то, ради чего привел сюда, открыть главную тайну.

Целеустремленность Торкиля показывала, что впереди ожидает что-то гораздо более важное и величественное, чем этот гrot-колоннада. Он быстрым шагом пошел сквозь колонны, будто чутьем узнавая проход в их переплетении.

Внезапно перед ними открылся проход в стене — черный причудливый проем. Торкиль, замедлив шаг, двигался вперед медленно, опустив голову, словно приближался к святыне, величие которой подавляет любого человека, дерзнувшего нарушить ее покой.

Туннель был широким. Вернее, даже не туннель, а подземный проход, напоминающий дорогу где-нибудь в скалистых горах. Только вверху виднелось не небо, а мрачный гранитный свод, и освещался проход не скучными лучами солнца, проникающими сквозь нагромождения скал, а истекающим неизвестно откуда призрачным голубоватым сиянием. В этом сиянии тень Армледера исчезла, а тень Торкиля плыла и изменялась, то темнея, то, наоборот, бледнея.

Двою последних отпрысков знатного рода герцогов Пеллийских шли по ровной дороге, повторяющей плавные изгибы туннеля. Справа возвышалась скала, изрезанная многочисленными трещинами и расселинами, казавшимися проходами в другие части подземного лабиринта. Из некоторых проходов доносились чавкающие и хлюпающие звуки, смутно угадывалось какое-то шевеление в полутиме, будто ворочалось огромное создание,

одно из тех, которые давно уже исчезли с поверхности земли, оставив после себя только страшные предания о владыках ночи, монстрах, пожирающих одиноких спутников в пустынных местах. Слева дорога ограничивала тихо текущая, почти неподвижная вода широкой подземной реки.

Они едва успели сделать несколько десятков шагов по туннелю, как из очередной расселины выскочило на дорогу угрожающего вида существо. Оно было невысоким — примерно по грудь человеку, — но массивным. Бочкообразное тело поддерживали короткие толстые лапы, туловище оканчивалось раздвоенным змеиным хвостом, задранным кверху, как у скорпиона, а голова напоминала конскую морду, покрытую чешуей, с широкой пастью и торчавшими желтыми клыками. Семеня на приземистых ногах, чудовище устремилось к ним, а голодный блеск его глаз недвусмысленно говорил, что оно приближается далеко не с добрыми целями.

Армледер рванулсь вперед, вырывая из ножен кинжал. Это оружие, конечно, вряд ли могло причинить вред твари, и капитан надеялся только на чудо. Но, прежде чем он успел приблизиться к чудовищу, Торкиль шагнул вперед, протянул руки и шепотом произнес несколько слов. С его ладоней полились языки холодного синего пламени, заплясавшие перед мордой зверя. Существо попятилось, приселло на задние лапы и, повизгивая, бросилось в расселину. Армледер проводил его взглядом, не вполне доверяя своим глазам.

В наступившей тишине отчетливо прозвучал голос Торкиля:

— Это ларк, одно из созданий, которое считается вымершим. На поверхности земли его уже не встретить, но в подземных глубинах до сих пор живет множество таких, как он. Когда-то они были преданными псами своих хозяев, но те покинули мир, а ларки живут собственной жизнью, охотясь на мелких обитателей подземелий. Обычно он не нападает на людей, но сегодня что-то выгнало его нам навстречу. Его вполне можно убить обычным оружием, и, возможно, ты бы справился сам. — Торкиль ехидно ухмыльнулся. — Но я просто прогнал его с дороги с помощью магии, которой он послужен. Это та же магия, с помощью которой хозяева ларков управляли ими. Сегодня он больше не беспокоит нас.

Армледеру хотелось задать брату множество вопросов, но он решил подождать до тех пор, пока не увидит сердце горы, к которому так упорно стремился Торкиль. А тот, словно предчувствуя слова, готовые вырваться из рта Армледера, начал говорить, бормоча себе под нос, но так, чтобы мог слышать и его спутник:

— Сейчас ты узнаешь то, что отличает истинных Посвященных Храма Ночи от остальных людей, прозябающих во мраке невежества. Ты увидишь источник Силы, дарующей нам вечную жизнь и возможности, которых лишены другие; и ты приобщишься к тайнам, отведав из этого источника. Окружающие слепы и глухи, а после того, как ты откроешь свой разум Тем, кто Вовне и Внутри Нас, ты поймешь, насколько мы превосходим остальное человечество. Но прежде я хочу показать тебе наше воинство, с которым мы сможем направить живущих к великой Истине.

Торкиль, свернув в одну из расселин, уверенно зашагал вперед. Здесь голубоватый свет сгущался, темнел, и вскоре на стенах появились редкие факелы.

Армледер пытался понять, кто же так тщательно следит за огнем в подземелье. Недавние слова Торкиля о том, что здесь обитают какие-то «воссоединившиеся», ничего не объясняли, а лишь запутывали их веяло мраком и страшными тайнами, от которых любой человек, находящийся в здравом уме, старается держаться подальше.

Туннель внезапно оборвался, закончившись самой обычной дубовой дверью, за ней

открылась большая, погруженная в полумрак, пещера. В неясном свете трудно было разглядеть детали, но постепенно глаза Армледера сбыклись с освещением, и тогда открывшееся буквально парализовало его. Огромный подземный зал заполнили каменные саркофаги, в которых лежали человеческие тела.

— Простецы считают, что это некрополь, устроенный мною для погибших слуг. Но это не могила, а колыбель. Их время пока не пришло, — вполголоса говорил Торкиль, — но вскоре после Прихода все они восстанут для новой жизни.

Словно в тумане старший брат двинулся вслед за Торкилем, который продолжал что-то говорить. Но смысл его слов не доходил до помутившегося сознания Армледера. В одном из саркофагов, лежавших неподалеку от входа в пещеру, он узнал старого Хойси. Глаза конюха были открыты. На мгновение Армледер решил, что стариk чудом остался в живых и его перенесли сюда, чтобы вылечить неведомым способом. Но в следующее миг глаза того, что было некогда человеком по имени Хойси, распахнулись и холодный взгляд остановился на Армледере. В нем не осталось ничего человеческого. Это были глаза мертвеца — тусклые и безжизненные. И Армледер понял, куда исчезали люди из замка, — погибших оживляла нечеловеческая воля, используя тела, чтобы появиться в мире людей, не вызывая подозрений своим обликом. Неведомая магическая сила придала им подобие жизни, и Торкиль был командиром армии мертвецов, готовой подчиниться своим хозяевам.

— Сейчас они еще слабы, — зазвучал в ушах голос брата, — но завтра новые хозяева получат полную власть над этими телами, и в мир придет новая раса — Раса Господ.

Глава двадцать вторая

Как и предполагал Конан, Диго оказался грозным противником. Первый нанес удар именно аргосец. Не успели Конн и Троцеро покинуть лагерь в сопровождении того самого полувильда, которым командовал несколько дней назад Армледер, как часовые забили тревогу.

— Кром, этот малый мне нравится все больше и больше! — воскликнул киммериец, вылетая из палатки с мечом в руке.

Диго вовсю использовал остатки отряда Хвата, великолепно знавшие особенности местности. Разбойники змеями пробрались по заросшим оврагам, звериным тропкам, через, казалось, гиблое болото и кинулись на часовых, завывая, словно звери. Не успела северная дружина отбросить в топи разношерстный сброд, среди которого, то там, то здесь мелькал Змееныш, как последовал удар с другой стороны лагеря. Из чащи огромными прыжками неслись здоровенные зверюги.

«Тигры, тигры», — пронеслось среди аквилонцев.

Ройл, отчаянно сквернословя, созывал боссонцев, но тигры устремились не к палаткам, а прямо к коновязям. Обезумевшие от ужаса кони, обрывая сырмятные ремни, с жалобным ржанием уносились в чащу.

Прыжок зверя Иллиах невозмутимо принял на щит. Удар оказался силен, и юного киммерийца, словно пушинку, швырнуло под ноги короля. Взревев не хуже самого белого людоеда, Конан бросился через тело своего телохранителя и встретил ударом меча новый прыжок тигра. Мощный удар с двух рук угодил в оскаленную морду, тигр рванулся, выбивая оружие, и рухнул на короля. Вскочивший Иллиах поднял меч, но стоял в полной растерянности — оба врага катались по траве, перемазанные кровью друг друга, и трудно было разобрать, где человек, а где зверь. Конан, левой рукой отстранивая клыкастую морду, рвал бок тигра кинжалом, но короткий клинок никак не мог добраться до сердца. Когти же людоеда в нескольких местах прорвали кольчугу, словно гнилую мешковину, и погрузились в плоть. Наконец Иллиах улучил момент и бросился на спину зверю, падая тяжестью всего тела на выставленный меч. Раздался рык, переходящий в какое-то бульканье. Конан с трудом сел. К нему уже бежали другие телохранители, но он остановил их движением руки и поднялся, опираясь на руку Иллиаха.

— После боя надо будет проверить, целы ли кости.

Меж тем нападение успешно отбили. Видя, что панику в рядах аквилонцев поднять не удалось, вожаки мятежников подали сигнал к отступлению. Под прикрытием тучи стрел, бивших из всех укромных местечек леса, разбойники Хвата и загонщики оставшихся в живых тигров отошли по болоту, куда даже следопыты Ройла не рискнули соваться в погоню.

Урон был невелик, если не считать разбежавшихся и разорванных тиграми коней. Конан буквально скрежетал зубами от досады, посыпая добрую половину гвардейцев собирать скакунов, — оставалась вероятность внезапного возвращения Змееныша с подмогой.

Остальная часть воинства аквилонцев немедля выступила вокруг болота.

Следующий сюрприз ждал аквилонца в лесистом ущелье. Оно словно создано было самой природой для засады, так что, посовещавшись с Ройлом, Конан двинул вперед спешенных гвардейцев, а северяне стали взбираться на угрюмые, заросшие кустарником и соснами склоны по обе стороны от тропы. Не успел авангард сделать и сотни шагов, как

раздался надсадный вой, и залп из нескольких баллист накрыл латников. Два или три десятка каменных обломков величиной с лошадиную голову выкосили передние ряды гвардейцев, потом из-за деревьев хлестнули стрелы.

— Неплохо он тут все подготовил, Нергалово отродье. Ведь не мог же он знать, что мы пойдем именно этим ущельем. Значит, все пути к цитадели дадутся нам нелегко.

Это заключение Конана прервали громовые вопли, стократ усиленные эхом. Это Хольгер и Эгиль, каждый во главе своего отряда, ударили по склонам вниз, обойдя стрелков Диго поверху. Те, приняв бой, были сброшены на тропу, где разъяренные ратники буквально искрошили их. Пока ваниры не добрались до следующего лесистого взлобья, на склонах которого располагались баллисты, на аквилонцев, скученных на тропе, обрушился еще один водопад камней, прошибавших щиты, крушивших кости. У самого выхода из теснины из-за деревьев снова кинулись тигры, громадные черные псы в устрашающих шипастых доспехах, а по склонам на тропу покатились заблаговременно подготовленные бревна и камни.

С огромным трудом, неся большие потери, аквилонцы пробились на равнину. Здесь открывалась возможность сомкнутым строем ударить на растрепанные отряды мятежников и нанести им решающий удар. Однако с фланга, со стороны болота, ударили лучники Хвата, ломая строй врага. Когда Змееныша и его шайку оттеснили, лучники Диго, не дожидаясь слаженного удара бронированного клина, кинулись наутек. Тут появилась долгожданная конница — части гвардейцев удалось вновь обрести своих скакунов.

— Рубите их! Гоните к замку, топчите и рубите, чтобы ни один не ушел! — кричал Конан вслед вылетающим на равнину и разворачивающимся веером всадникам.

Однако Диго был не так уж прост. Ударившая в галоп конница, вдруг стала замедлять свой бег, потом поток Черных Драконов стал раздаваться в стороны.

Им навстречу из лесистого островка двинулось серое чудовище. Из укрепленной на спине башенки били арбалетчики, редкий в Аквилонии зверь трубил, подняв хобот, поддевая бивнями коней и затаптывая ногами-колоннами сброшенных с седел всадников. Под прикрытием бешеного зверя пехота мятежников отступила без особых потерь. Драконы пытались поразить колосса, однако трудно было заставить коней приблизиться к беснующемуся монстру. Перед боем, как это принято в Вендии и Кхитае, боевому слону давали выпить целое ведро крепчайшего вина, отчего и без того не склонный к чувствительности зверь совсем не реагировал на стрелы, впивающиеся в его толстую шкуру.

— Конан, отдай команду строю рассыпаться, иначе эта тварь вытопчет их всех! — крикнул Ройл, стараясь попасть слону в маленькие красные глазки.

Рядом с ним посылали стрелу за стрелой боссонцы. Король бросился вдоль строя влево, Иллиах — вправо, выкрикивая команды. Спешенные драгуны и северяне немедленно рассыпались. Слон бестолково завертелся, трубя и взмахивая огромными серыми ушами. Защитные щоры на глазах мешали ему разглядеть добычу, а лучники, наконец, сбили погонщика.

— Кром, я, кажется, начинаю тухо соображать. Щиты! Конечно же, щиты! — Конан подозвал к себе одного из Черных Драконов.

Вскоре кавалеристы стали на всем скаку проноситься мимо слона, бросая тому под ноги свои черные треугольные щиты с острыми закаленными умбонами.

Серый гигант несколько раз, пытаясь погнаться замельтешащими вокруг аквилонцами, наступил на стальные шипы и заревел, пританцовывая. Стрелы и копья, что метали в него на полном скаку гвардейцы, все больше и больше беспокоили животное. Наконец, не выдержав

боли, слон, грузно топая и отчаянно трубя, устремился вдаль.

— Победа, мой король! Противник бежит, — отрапортовал Ройл.

Конан смерил его убийственным взглядом.

— Болван, какая же это победа. Пехота врага ушла безнаказанной, нанеся нам чувствительные потери. Они были нас, как лесничий уток на пруду, на выбор! А основные силы Диго даже не пустил в ход. Представляю, какую рожу скрочит Конн, когда узнает, что добрая половина гвардейского полка полегла по этим лесам, так и не ударив толком по противнику.

Аквилонский отряд двинулся дальше. Невдалеке от просеки в изломанном кустарнике, где израненный серый гигант нырнул под сень деревьев, они нашли разбитую от удара о землю башню. Стрелки, видно, разбежались или присоединились к разбойному отряду Змееныша.

Следующая теснина далась войскам короны с еще большим трудом. Здесь были и волчьи ямы с заостренными кольями на дне, и баллисты. Кроме того, у лучников Ройла кончились стрелы, а подбирать их в ходе боя было некогда. У Диго же между замком и засадой разъезжали конники, подвозя стрелкам целые вязанки стрел, дротиков и прочей летучей смерти, буквально затмившей небо над ущельем. Пущенный в обход отряд ваниров напоролся на тяжелую пехоту Диго, и утомленные боем северяне были отброшены с большими потерями. А конница напоролась на замаскированные волчьи ямы. Только к вечеру измученные войска короны очистили ущелья и холмы на пути к цитадели от засад и дозоров мятежников. На равнине Диго открытого боя не принял, берег людей. Его отряды спешно вернулись в укрепление.

— Он знает, что делает. Змееныш остался где-то у нас в тылу. К началу нашего похода сил у меня было больше, чем у мятежников, но теперь, после этой кровавой каши, наши отряды примерно равны. Ну, может, на один-два десятка аквилонцев все-таки побольше. Но посмотри-ка, Ройл, какой мощный замок. Блистательные времена даром не теряли. Для открытого штурма надо иметь, по крайней мере, двойное превосходство в силе.

— Если пригнать сюда баронские дружины, отряд телохранителей наместника, в конце концов, попросить Оливея...

Ройл не успел договорить, как Конан схватил его за шею, сдавил и легко оторвал от земли. Затем слегка встряхнул и отбросил от себя. Лицо боссонца стало землисто-серым.

— Про Немедию лучше забудь, если не хочешь, чтобы твой король собственноручно задушил тебя. Бестолковые ратники здешней знати горазды только шитые золотом мундиры таскать, да деревенских красотов по сеновалам валять. У Диго — настоящие волки. Конечно, открытого боя он не выдержит — нет у него кавалерии, тяжелой обученной пехоты — сотни полторы человек. Кроме того, мои северяне и Черные Драконы — лучшие в мире бойцы. Но вот эти стены, метательные машины, рвы...

Конан тяжело засопел. Вскоре он написал бумагу наместнику с требованием снабжать его войско провизией и стрелами. Велел гнать к цитадели коней, кроме того, требовались лекари и плотники.

Стигиец, все время сопровождавший короля, был мрачен и молчалив. Его совершенно не интересовала битва, реки крови вокруг, свист стали. Направленные в него стрелы сгорали в воздухе или вспыхивали зелеными болотными огнями, коснувшись плаща, а мысли колдуна были далеки от людских сражений. Время от времени он принимался что-то бормотать на неизвестном аквилонцам наречии, а глаза его вспыхивали желтым огнем, словно у волка.

Глава двадцать третья

Благородный Эолабар Бан неожиданно возник на площадке, когда Диго муштровал десяток пиктов, пытаясь научить их действовать в бою слаженно, единым строем, а не ввязываться в отдельные схватки. Один из отрядов его наемников изображал нападение, а пикты должны были, сохраняя строй, отражать его. Диго с удовольствием отметил, что уроки не прошли даром — они уже не рвались вцепиться в глотку ближайшему из нападающих, а вполне сносно держали строй, ощетинившись короткими толстыми копьями с кремневыми наконечниками.

При виде знакомого чешуйчатого доспеха одноглазый наемник настолько растерялся и даже забыл прикрикнуть на пикта, вырвавшегося из строя в привычную схватку один на один с врагом.

— Откуда он здесь взялся, — вполголоса пробормотал Диго, — он ведь командовал теми, кто должен трепать тылы аквилонского отряда?

Пикт, украшенный татуировками, покрывавшими все его тело, проскочил между копьями нападающих и с диким воплем метнулся к десятнику. Он словно забыл, что это не настоящий бой, и маленький топор в его руке взметнулся над головой. Десятник, сухощавый офицер, успел отразить удар щитом, а стоявшие рядом схватили дикаря. Тот вырывался из рук, что-то громко орал на своем языке, видимо призывая на помощь богов своего племени, но постепенно успокоился, боевое исступление покинуло его, и он знаками показал, что готов вернуться в строй.

Тем временем Эолабар подошел к Диго и негромко принялся докладывать (признав Диго командующим войсками мятежников, турецкий ни разу не пытался показать, что он один из нанимателей Одноглазого, а был неизменно подчеркнуто вежлив, держа себя как младший офицер со старшим):

— Аквилонцы укрепились в лагере перед замком. Последние наши атаки приносят все меньше результатов — у них хорошо поставлены караулы. Я пытался проникнуть к палаткам, чтобы сразиться с королем, но не удалось — наткнулся на гвардейцев и ушел с потерями. Сейчас оставил командование на одного из местных и явился узнать о наших дальнейших действиях.

Он выжидательно замолчал. Диго пристально посмотрел на него, а затем неожиданно спросил:

— А как вам удалось проникнуть в замок?

— Это не составило труда. Обойдя позиции аквилонцев, я пробрался к угловой башне, и после условного сигнала замковые слуги сбросили мне веревку. Уверен, что Конан до сих пор уверен, что атаман местных разбойников находится у него в тылу.

— Гм, — неопределенно хмыкнул Диго.

Он был далеко не в восторге от того, что замковые слуги в ответ на неизвестные ему сигналы бросают веревки из башен неизвестно кому. Хват заметил это и продолжил:

— Таким образом я пробирался в замок еще тогда, когда грабил купцов на здешних перевалах и хотел появиться в замке, не привлекая лишнего внимания. Забыл предупредить.

— Гм, — вновь хмыкнул Диго. — Ну что ж, пойдемте, покажете мне на карте, где разместились аквилонцы.

Он отдал несколько коротких распоряжений и вместе с Эолабаром двинулся в сторону

замка. Войдя в комнату, туранец снял шлем и бережно, словно величайшую реликвию, положил на стол. Диго впервые смог рассмотреть его лицо. Где-то в душе он был готов к тому, что увидит перед собой нечеловеческую маску, отмеченную печатью колдовства или не лицо адепта темного искусства — такое, как у лысоголовых служителей Сета, но перед ним стоял совершенно обычный человек.

Лицо ничем не выделялось среди тысяч других лиц, виденных аргосцем: нос с небольшой горбинкой и разрез глаз намекали на туранское происхождение, однако если бы Диго не знал об этом из рассказа стигийца, то принял бы этого человека за уроженца восточных провинций Офира или Кофа, где тоже часто попадались горбоносые — результат соседства с королевством Ездигерда. Темные, почти черные, волосы также не были чем-то редким в хайборийских странах, так же как и рисунок узких плотно сжатых губ.

Заметив внимание Диго к своей внешности, Хват усмехнулся. Его узкое лицо оставалось непроницаемым, и лишь слегка приподнятые уголки губ обозначили улыбку.

— Да, я туранец, — ответил он на невысказанный вопрос Диго. — Знаю, что вы, хайборийцы, считаете каждого из нас шпионами, думающими только о том, как бы открыть дорогу на запад степной коннице... Нет, я не читаю твои мысли, — добавил он, заметив недоуменное выражение лица Диго, — действительно, что еще может делать туранец там, где готовится мятеж, который подорвет могущество двух самых сильных хайборийских держав. Я и был шпионом, причем лучшим в своей стране. До моего повелителя, короля Ездигерда, дошли слухи о возникновении Ордена Блистательных, и я отправился сюда, чтобы в нужный момент, когда силы Аквилонии и Немедии будут заняты подавлением мятежа, подать сигнал армии Турана. Но то, что я увидел здесь, заставило меня забыть о своей службе. Я прошел Посвящение, став одним из Блистательных, и верен только ордену. Я говорю это для того, чтобы избавить тебя от сомнений, потому что чувствую недоверие. Поверь, что для него нет оснований. А теперь можно поговорить и о расположении аквилонцев.

Туранец умолк, раскладывая на столе карту. Диго также молчал, пытаясь переварить услышанное и понять, зачем Эолабару нужно было все это рассказывать.

Через некоторое время беседа незаметно соскользнула с военных проблем на более общие темы. Диго, подливая собеседнику вина, осторожно пытался перевести разговор на странности поведения хозяина замка. Однако Эолабар ловко переводил беседу на другое, едва только приближался к этим темам. Вскоре Хват поднялся:

— Прошу извинить, но сегодня был тяжелый день, и у меня просто раскалывается голова. Да к тому же в последнее время сны начались какие-то странные...

Диго проводил его до двери и учтиво попрощался. Этот человек вызывал у него какое-то смешанное чувство уважения и неприятия. Диго не мог объяснить, в чем причина этого, — он всегда ценил в человеке, прежде всего качества хорошего солдата и бойца (а этого у Эолабара было в избытке), но в то же время его поведение, скользящие движения и змеинообразный облик вызывали у него ощущение соприкосновения с чем-то чуждым, возможно, даже нечеловеческим.

* * *

Хват впервые в жизни чувствовал себя смертельно усталым. Это была не усталость

человека, проведшего день в седле или сражавшегося без отдыха, — к ней он привык, и она вызывала у него лишь приятную расслабленность. Теперь же ему казалось, что он тратил волю, и его поступками управляет кто-то другой. Постоянно хотелось спать, но сон не приносил облегчения — его преследовали странные сны, стирающиеся из памяти после пробуждения. Долгое время он жил с единственной мечтой — отомстить за своего родича Керим-Шаха, в смерти которого он винил Конана. Много усилий приложил он, чтобы проследить путь варвара от Химелийских грр до аквилонского престола. Туранец отрекся от имени своего рода и теперь уже даже не мог вспомнить его. Годами он учился фехтованию у лучшего мастера в мире и добился того, что Розиль Великолепный назвал его своим лучшим учеником. Когда король Ездигерд повелел ему отправиться в пеллийское герцогство, он был счастлив, как никогда в жизни: наконец-то ему представилась возможность скрестить клинки с Конаном или хотя бы с его сыном.

Он прошел Посвящение и занял одну из высших степеней в иерархии ордена Блистательных. Поначалу он считал забавы хозяина замка причудой аристократа, но затем, к собственному удивлению, понял, что увлекается идеями Торкиля и превращается в его верного последователя. И теперь лишь изредка он вспоминал о своей цели — убийстве Конана.

— Проклятые сны, — бормотал он, укладываясь в кровать, — может быть, сегодня они не будут меня преследовать. Я готов молиться Эрлику, чтобы обрести покой хоть на несколько дней.

Он закрыл глаза и мгновенно уснул. Эту способность Хват выработал в себе за долгие годы, проведенные в опасных странствиях, когда от отдыха зависела его жизнь. Но сейчас сон не приносил отдохновения.

Перед глазами встала церемония Посвящения в Орден, затем возник глубокий подземный лабиринт. Он почувствовал, как тело наливается чужой Силой, точнее, подчиняется чужой Силе, завладевшей им. Он лежал на теплых камнях и грелся в послеполуденном солнце, скользил среди скал, преследуя беззащитную дичь. Он был одним из хозяев мира, которым никто не мог противостоять. Они жили на бескрайних болотистых пустошах, усеянных папоротниками и яркой травой, а вечерами отдыхали на нагретых солнцем камнях теплых серых скал.

В полнолунье на вересковых пустошах они проводили богослужения, в круге своих любимых детей появлялся Дагон, и на каменных алтарях в муках умирали принесенные Ему жертвы. Долгие века продолжался сладкий сон-воспоминание.

Он был завернут в нежные шелковые ткани, покой охраняли силы, неведомые никому из живущих. Вверху был незыблемый свод пещеры, и ничто не могло, проникнув в убежище, беспокоить спящих. Магический кокон надежно защищал от вторжения. Но прошли века, внезапно что-то нарушило покой, разорвав магические нити, и сон изменился.

Теперь перед ним возникли картины избиения его народа. Люди — ни на что не годные твари, тысячами умиравшие на алтарях — преследовали возлюбленных детей Дагона, и не было места на земле, чтобы укрыться от них. Всюду таилась опасность, а чтобы спастись, нужно было восстановить защиту.

Его тело пронизали незримые токи Силы и устремились наружу из кокона, а за ними вслед устремился его дух, чтобы найти для себя вместилище. Магическим зрением он увидел человека и вошел в его тело. Человек был силен, сломить его волю было непросто, но теперь он полностью овладел им.

По телу Хвата пробежала крупная дрожь. Открыв глаза, он немигающим взором уперся в потолок. В голове бушевал вихрь чужих мыслей и желаний. Теперь он знал, кто он и что ему нужно делать.

* * *

В оцепенении Армледер шел вслед за Торкилем. Они вышли к широкому проходу, миновали его и опять вступили в зал, заполненный лесом извивающихся причудливых колонн. Он был похож на предыдущий, но здесь количество колонн оказалось гораздо меньше, и сквозь них просматривалось свободное пространство колоссальной пещеры.

Если первый гrot, заполненный колоннами, поражал, то второй подавлял. Призрачный голубоватый свет разливался в воздухе, в нем проскачивали небольшие искорки. Казалось, что светится сам воздух — сияние медленно двигалось, образовывало струи, завихрения, небольшие смерчи. Но вместе с тем воздух оставался прозрачным, и все пространство огромного подземного зала легко просматривалось.

Вдалеке Армледер едва разглядел противоположную стену. Где-то высоко над ним возвесился потолок грота. А в центре зала стояло то, что приковывало внимание сильнее всего.

Огромное, исполинское сооружение высилось перед ним. Сзади его огибало широкое спокойное озеро, а с противоположной стороны, по всей видимости, располагался главный вход — там виднелся большой черный провал, дыра, ведущая в никуда.

Сооружение было увенчано коротким причудливо изогнутым шпилем, который почти достигал свода пещеры. Само сооружение, хотя оно и было, несомненно, созданием чьих-то рук, не было похоже на здание.

Ни одному строителю, каким бы извращенным не был его ум, не пришло бы в голову создать что-либо, совершенно лишенное какой-либо симметрии, порядка, даже законченности. Искривленные галереи, скрученные линии стен, лестницы, изгибающиеся под немыслимыми углами, мелкие выступы, которыми были покрыты стены: все производило впечатление неестественности.

Но в то же самое время оно подавляло своим величием — не только размерами, но и грандиозностью замысла, великолепным выполнением всех, даже самых мельчайших деталей. Сооружение было испещрено множеством небольших отверстий входов. Каждый вход представлял собой проем, ведущий в черноту. Армледер заметил, что в некоторых из них коридор сразу же резко сворачивает. Похоже, что внутри находится целый лабиринт искривленных, извивающихся туннелей.

Оно состояло из нескольких ярусов, незаметно переходивших друг в друга. Стены каждого имели округлую форму, и все покрывал какой-то неизвестный материал. Больше всего облицовка напоминала чешую — словно тысячи чешуек облепили колоссальное сооружение. Они, поблескивая матовым перламутровым цветом, переливались.

Первый ярус с одной стороны был низким, будто незаметно вырастал из пола пещеры, а на противоположной стороне поднимался высоко, закрывая второй ярус, и оставалось непонятно, где проходит граница между ними. Третий ярус с одной стороны выступал вперед, нависая над нижними, а с другой — становился гораздо уже предыдущих. Они громоздились все выше и выше, крыши одного яруса служили балконом для верхнего, кое-где они сливались.

Вид сооружения и исходящая от него чудовищная аура были отталкивающими, жуткими. Люди казались непрошенными гостями в этой зале, и первым побуждением Армледера было бежать отсюда, забыв увиденное. Но Торкиль уверенно шел к входу, приходилось идти вслед за ним.

Вблизи можно было рассмотреть мелкие детали, неразличимые раньше. По стенам сверкали многочисленные драгоценные камни, рассыпанные словно наугад, без симметрии и порядка. Черный провал входа ограждали с двух сторон колонны, напоминающие два хищных змеиных зуба. И это помогало понять, что вход представляет собой изображение раскрытой змеиной пасти, готовой схватить любого, кто приблизится. Это мавзолей древних властителей мира, — раздался рядом голос Торкиля, исполненный глубокого и неподдельного почтения.

Голос его нарушил тишину, царящую в пещере. Струи воздуха потекли быстрее, мерцающие огоньки заплясали на стенах усыпальницы, то затухая, то вспыхивая ярче, а потом закрутились в вихре.

Армледер чувствовал, что вокруг собираются невидимые колдовские нити. Даже воздух сгустился и насытился текущей от мавзолея Силой. А Торкиль продолжал размеренно вещать:

— Здесь покоятся последние из великих повелителей мира, Те, Кто Извне сизошли к своим слугам и стали Теми, Кто Внутри. Сегодня — последний день их заточения — день Накануне. Завтра же, в полночь, свершится великое Действие, и в мир вернутся его хозяева. Те, кто отвергнут, будут покорены, а те, кто падет ниц перед ними, возвысятся. Но особая милость Хозяев сизойдет на тех, кто принял их еще до прихода. Мы, Блистательные, станем превыше всех пред ними. Пойдем же туда, где находится средоточие Силы. Ты кроме меня единственный, кому дарована такая честь. Прими же в себя Тех, Что Вовне!

Он шагнул вперед, прошел между змеиных зубов. Армледер, превозмогая страх, сделал один шаг... второй... В голове его взвихрились причудливые образы, складываясь в обрывки видений. Полыхал огонь на жертвеннике змеевидных, обильным потоком лилась человеческая кровь. Восставали из пепла древние города, овеянные холодной жутью построенные на человеческих костях. Поднимались из склепов короли змеиного народа, поднимались для того, чтобы ввернуть себе власть над миром. В усмешке одного из них Армледеру почудилось что-то знакомое.

Он пригляделся. Стоявший впереди Торкиль нетерпеливо сделал приглашающий жест. Его длинная гибкая рука, скрытая под широким плащом, мелькнула, словно хвост змеи в густой траве. Армледер смотрел на брата и видел, как знакомые черты расплываются, обнажая его подлинный лик. Словно человеческая плоть кусками отваливалась и вместо лица человека возникла морда змеи.

Армледер перевел глаза вниз. Теперь он понимал, что отображала тень Торкиля, которую тело брата отбрасывало в этом мертвом голубоватом свете. Увиденное им существо должно было отбрасывать именно такую тень.

Гулко стучала в ушах кровь. Окружающее подернулось туманом безумия — человеческий мозг не в силах был вместить ужас происходящего. Давно уже мертвые люди-змеи, извечные враги человеческого рода, исчезли с поверхности земли, даже легенды о них постепенно забылись, стали казаться пустыми рассказнями. И вот теперь они снова готовятся к возвращению, хотят ворваться в мир, вновь подчинить себе человека...

Армледер шатался от нахлынувшей волны омерзения, смешанного с ужасом и

ненавистью. Скалились зубы Торкиля — того существа, что было Торкилем, а теперь, отдав свою душу новым хозяевам, превратилось в отвратительное подобие человека.

— Откройся навстречу неизбежному, брат! Не мешай Тому, Кто Вовне, войти в тебя! — звучал в ушах глухой голос Торкиля.

И уже не в ушах, а внутри головы эхом вторили ему невнятные слова. Тихий шипящий голос медленно цедил их одно за другим на древнем змеином языке, и с ужасом Армледер чувствовал, что понимает обращающегося к нему.

— Не противься, отдай мне себя. Ты сам пришел к порогу моего жилища. Шагни дальше. Здесь тебя ждет то, о чем ты и не мечтал. Твое тело наполнится новой силой. Ты станешь непобедим и грозен. Все враги рассыплются перед тобой. Сделай шаг. Приблизься ко мне, откройся мне, и я войду в тебя. Ты станешь...

Превозмогая завораживающий шепот, Армледер шагнул к Торкилю. Он сумел сосредоточить взгляд. Теперь пред ним вновь было знакомое лицо брата. Чудовищный змеиный образ исчез, сполз с него, словно змея сбросила шкуру. Но тень, медленно извивающаяся у его ног, была тенью змеи.

— Будь ты проклят! — крикнул Армледер и выхватил кинжал. — Отправляйся к своим хозяевам!

Он нанес молниеносный удар, от которого не было спасения. Кинжал распорол балахон Торкиля и глубоко вонзился в тело. Армледер отскочил назад, снова полоснув по начавшей расплываться и терять четкие очертания фигуре. Клинок прорезал длинную полосу на груди брата. Торкиль пошатнулся.

— Еще мгновение, и он упадет, — отметил про себя Армледер.

Но Торкиль устоял и медленно начал выпрямляться. Из длинной раны сочилась вязкая зеленоватая жидкость. Лицо превратилось в змеиную маску. Он провел рукой по груди, посмотрел на ладонь и развернулся к Армледеру.

— Ты хотел убить меня! — загремел голос, который не походил ни на голос Торкиля, ни на другой человеческий голос.

Стремительно, как атакующая змея, Торкиль бросился на своего брата. Армледер получил сокрушительный удар в грудь, но успел ответить с быстрой леопарда. Словно когтистая лапа хищника, сверкнул его кинжал, а на горле Торкиля появился глубокий разрез, почти отделивший голову от туловища. Но и это не остановило его.

Как молотобоец, размеренно и сильно он наносил удары. Лицо Армледера превратилось в кровавое месиво. Последнее, что аквилонец увидел сквозь застилающий глаза туман, — это быстро затягивающаяся рана на шее Торкиля. В бешенстве он нанес наугад еще несколько ударов кинжалом, понимая, что бессилен против создания, вселившегося в тело его брата.

Глава двадцать четвертая

Барон Оливей был старым служакой. Даже ветераны немедийского воинства с трудом могли припомнить сражения, в которых не гремело имя воинственного вельможи. Многочисленные походы, изнурительные осады и кровопролитные битвы приучили его к определенному распорядку, каковому Оливей неуклонно следовал уже и сам не помнил столько лет. Распорядок этот был донельзя прост — отсутствие явного для подчиненных плана дня и ночи.

Никто из офицеров, оруженосцев или простых ратников не мог сказать заранее, что будет делать на биваке их командир: или вдруг уляжется спать посреди дня, подложив под голову изукрашенное жемчугом седло, дар самого короля, или бросится к обозной страже проверять, не затупились ли тут мечи и не ослабли ли тетивы луков. Он знал наизусть не одну сотню имен простых воинов и, обходя посты, мог запросто вспомнить имя часового. А тут уже — горе нерадивому, почет и слава прилежному. Оливей в гневе был страшен, но никто не мог пожаловаться на скудность его похвал и наград.

Сейчас была бархатная ночь. Лиловые облака плыли по темным небесам, словно воинство призраков обезжало свои бесплотные владения, любуясь яркими звездами и полной луной, чей молочно-белый свет изливался на отдыхающую земную твердь. Пограничный гарнизон Немедии спал в зыбком лунном свете, спал и палаточный лагерь, раскинувшийся прямо под укрепленными стенами. Несколько дней кровавой неразберихи вокруг мятежа Блистательных были позади. Прибывшие из Бельверуса войска готовились тронуться в обратный путь, а седые ветераны посмеивались в усы на вопросы новобранцев о странных и бессмысленных маневрах. Десяток наскооро сколоченных виселиц, на которых болтались тела мятежников и их самых ярых приспешников, сейчас были пусты и чернели в серебристой тьме, словно гнилые зубья. Прохладный ветер шевелил обрывки веревок, да примостившиеся под обозными телегами псы все еще помнили, под какими кочками и корягами они зарыли последние косточки, принадлежавшие некогда Блистательным.

Меж палаток шатались подвыпившие маркитантки, возле двух-трех угасающих костров слышались песни, брань и какая-то возня. Угрюмо таращились во тьму часовые, кутаясь в плащи при малейших порывах пробирающего до костей ветра, порывами налетавшего с пограничного кряжа. После третьей стражи полог шатра дежурного офицера внезапно откинулся, и внутрь шагнул барон Оливей, полностью вооруженный, в рыцарской броне, разве что не было на нем латных перчаток, тяжелого шлема и массивных набедренников из вороненой чешуйчатой стали. Барон довольно крякнул, разглядев, что молодой капитан при свете ламп вперил глаза в карту. Все было ясно: юный дворянин коротал время самой тяжелой, предутренней стражи, подсчитывая, через сколько дневных переходов он окажется в столице. Коротко кивнув, барон опустил полог и ухмыльнулся, гадая, что является причиной такого усердия: желание не заснуть и не осрамиться перед своим полком, скорее начало приема в бельверусскую академию, куда рвалась вся молодежь Немедии, или то миловидное лицо.

«Пожалуй, все-таки дело в юбке, — заключил барон, перешагивая через растянувшегося прямо поперек прохода меж палаток ратника, от которого разило, словно от бочонка с прокисшим пивом. — Не станет даже очень франтоватый капитан надевать в ночную вахту кружевной воротник поверх кольчуги. Не иначе — прихорашивается, готовя своей подружке

удар в самое сердце. Как же! Юный воин возвращается из дальнего, по меркам столицы, похода, с синими кругами под глазами от неустанныхочных бдений, на лихом жеребце, и весь в кружевах!»

Оливей невесело засмеялся, припоминая, каким было его возвращение из первого похода. В родной замок рыцаря привезли со вспоротым животом, из которого то и дело норовили выпасть кишкы. Помимо этого в южных песках молодой барон подхватил весьма стойкую лихорадку, на поверку оказавшуюся куда более опасной для жизни, чем шемитский топор, ударивший точно между нижним краем кирасы и широким боевым поясом. Эти думы так отвлекли немедийца, что он даже не заметил стайку ярко разодетых девиц, при виде командира гарнизона юркнувших куда-то в лабиринт меж шатров и телег. Вот и южная оконечность лагеря. Барон перебрался через неглубокую канаву, в которую сотни грубых сапог и конских копыт превратили некогда весьма живописный ручей, по местным преданиям пользовавшийся славой целебного, двинулся сквозь папоротник, чьи темные верхушки шевелил ветер. Плащ барона мгновенно намок от росы, отяжелел, прилипая к плечам и остудив кольчугу.

Оливей поежился, кляня себя за то, что не надел под доспех рубаху из тончайшей верблюжьей шерсти, трофея давнего и славного похода к турецким рубежам.

Впереди, в серых шевелящихся тенях, что-то тускло блеснуло. Оливей замер, положив руку на рукоять кинжала, второй рукой разведя перед собой влажные ветви. Нет, ему не показалось. Вот под неосторожной ногой захрустел прошлогодний мох, треснула ветка. В свете выглянувшей из-за туч луны барон разглядел человека, пробирающегося туда же, куда шел и сам немедийский вельможа — к ближайшему дозору. Оливей взгляделся в незнакомца, гадая, трубить ли ему тревогу, благо миниатюрный серебряный свисток, известный своими пронзительными трелями, висел на поясе, или догнать смутную тень. Через некоторое время, когда в глазах от напряжения задрожали слезы, немедиец приглушенno вздохнул, скорее удивленно, чем удовлетворенно. Он узнал ночного скитальца. Это был его собственный оруженосец. Весьма исполнительный малый, храбрый, но не до безрассудства, в меру рассудительный, он сопровождал барона вот уже добрых пять лет. Парень мог бы сделать карьеру легче и вернее в столице, но оставался на порубежье, избегая монаршего гнева из-за давней дуэли, пустой повод которой молодой дворянин не мог вспоминать без черной ругани. Оливей тихо пошел следом, гадая, что бы мог делать его верный и молчаливый помощник в этой части лагеря, обращенной к самим горам спавшей вдали Акилонии. Луна вновь пропала. При свете звезд колыхание папоротников и редких деревьев казалось барону волнами подступившего вдруг со всех сторон древнего Хаоса. Он ориентировался только по слабому блеску конического шлема оруженосца, полагаясь на свое знание местности. Несколько раз он терял преследуемого из виду, один раз оступился и едва не покатился кубарем в какую-то яму, где слышалось ворчание какого-то лесного зверя не из самых крупных. Выбравшись из папоротников, Оливей заметил, что потерял из виду своего порубежника. Приглушенно ругаясь, барон долго брел в потемках, пока не увидел вдали фигуру оруженосца, а рядом с ним — двух арбалетчиков из дозора. Они о чем-то переговаривались.

«Митра Милостивый, а сплетники тридцать раз правы! — не без удовольствия подумал немедийский вельможа, — мальчишка во всем мне подражает. Вот и сейчас, видно, пошел обходить посты. Забавно, клянусь честью. Ну и ладно. Не буду мешать».

Оливей некоторое время постоял за деревом, любуясь красотой луны и звезд, затем,

когда оруженосец двинулся назад к лагерю, пошел вслед за ним, подсмеиваясь.

Возле ямы, куда чуть не свалился барон, оруженосец слегка замедлил шаг, а Оливей двинулся быстрее, намереваясь окриком предупредить юношу об опасности. Как раз в этот миг луну закрыли облака. Оруженосец оглянулся по сторонам, явно встревоженный хрустом ветвей, поднятым Оливеем, а затем, повинуясь, вероятно, какому-то темному инстинкту, вдруг совершил несколько скользящих длинных шагов и прыгнул. Оливей так и застыл на месте, раскрыв рот. Он был уверен, что юноша понятия не имел о предательской яме — с того места, где оруженосец вышел из папоротниковых зарослей, ее совершенно не было заметно в траве, и малый неминуемо должен был свалиться туда если не переломав себе ноги, то по крайней мере, вымазавшись грязью и мокрой глиной. Никогда еще за юным дворянином не водилось такой странной прыти, кроме того, барону показалось, что прямо перед прыжком глаза оглянувшегося оруженосца стали неестественно огромными, блестящими.

— Митра и все благие боги, кажется, возраст берет своё, и воображение начинает играть со мной злые шутки!

Барон последовал к яме и попытался перепрыгнуть ее. Но даже точное знание того, где именно разверстая яма скрывается в густой траве, не помогло ему. Сапоги заскользили в жиже, и барон с омерзением обрушился в холодную грязь, стукнувшись загривком о какой-то корень. Посылая проклятия, он возился в луже, как кабан в тростниках, когда услышал приглушенные шаги. Видно, шум падения погнал горящего служебным рвением оруженосца назад. Барон уже поднялся на ноги, и на устах его свивалась приличествующая данной нелепой ситуации фраза, смесь иронии, сквернословия и приветствия, когда темная фигура нависла над краем ямы. Из горла Оливея послышался сдавленный крик, какой-то хрюп и бульканье. Он замахал перед лицом ладонями, силясь стереть ясно видимый в звездном свете на фоне лилового неба силуэт. Силуэт этот никак не мог принадлежать человеку. Из-под капюшона виднелась удлиненная голова рептилии, перед грудью свисали не руки, а жалкие подобия — тонкие и короткие лапы с когтями. Глаза горели болотными огнями, вперяясь в самое сердце барона, глядя в то же самое время мимо и сквозь него.

Оливей замер, не в силах пошевелиться, а кошмарная тень колыхнулась и сгустком тьмы поплыла вниз по склону без единого звука. Не в силах сносить жадный взгляд бестии, Оливей опустил глаза, отрешенно наблюдая, как из-под плаща твари мелькают самые обычные, тысячу раз виденные щегольские кавалерийские сапожки оруженосца, меся чавкающую глину. Внезапно стало светлее — краешек луны показался из темных туч, и тускло, словно погруженные в болото, сверкнул доспех на груди твари. Холодной, словно камень, щеки немедийца коснулся раздвоенный язык, но человек ничего не почувствовал. Волосы на седых висках колыхнулись от зловонного дыхания, но все чувства Оливея словно были выпиты из него. Только сердце стучало громко, отдаваясь в виски, а барон с ужасом чувствовал, как вся жизненная сила начинает изливаться из него, втягиваясь в огненные воронки глаз страшилища.

Все вокруг казалось погруженным в некий омут. Умерли звуки леса, звоночных насекомых, журчание воды, слабый шум, доносившийся со стороны лагеря. Осталось только слабое змеиное шипение и стук сердца старого вояки. Барон не мог пошевелить головой, как и всем телом. Поэтому он не увидел, а каким-то предсмертным чутьем представил, как чешуйчатая лапа тянется к шее, зеленоватый коготь отгибает стальную пластину у горла и впивается в одревесневшее тело. Опущенные книзу глаза немедийца отрешенно наблюдали,

как льется в лужу под ногами его кровь. Алые капли, не долетая до грязи, распадались в воздухе на блеклые брызги. А тварь, стоявшая рядом, перестала шипеть и заурчала, забулькала. Все в бароне кричало, билось, тело пронзала дрожь, но дрожь эта не могла перейти в движение руки к клинку. Он был здесь, и в то же время его уже не было. В чудовищной болотной мгле, которую распространяла вокруг себя эта тварь, существовала только она и ей подобные. А еще — чужая кровь, и древняя, мучительная жажда этой крови. Даже звук и цвет вытеснялись, уступая место шевелящимся сгусткам слабо мерцающей тьмы, клочьями плывущей вокруг.

Клубящийся мрак поглотил яму, где замерли друг подле друга тварь и ее жертва. Сквозь гул, стоявший в ушах, барон разобрал короткий свист и звук негромкого удара. В следующее мгновение его рука, дрожавшая долгое время в страшном напряжении, устремилась к кинжалу и нанесла удар раньше, чем Оливей успел осознать происшедшую с ним перемену или поднять глаза на своего мучителя.

Змееподобное чудище корчилось с короткой стрелой в горле. Немедийский кинжал с нечеловеческой силой прорвал кольчугу и буквально вспорол тело твари. Рука Оливея онемела от удара, но он стоял, расширенными от ужаса глазами глядя, как извивается демон. По его змеиной голове, мерзким лапам и изуродованном туловищу шли волны предсмертных конвульсий, сменявшиеся зеленовато-синей призрачной рябью. Светящиеся глаза потухли, а вместе с ними исчезла и сила, сковывающая немедийца. Барон с проклятием отшатнулся, упал в грязь, видя, как помутнел и исчез жуткий облик змея, уступая место искаженному мукой бледному лицу оруженосца.

— Хвала Асуре, его больше нет в нашем мире. К сожалению, то же верно и для этого злосчастного юного воителя.

Голос, старческий, несколько насмешливый, раздался прямо над головой Оливея. Ему ответил второй, более густой и сильный, но принадлежавший, без сомнения, человеку тоже преклонного возраста: — По крайней мере, уважаемый, вы убедились в правоте моих слов и силе моего искусства. Отбросили вы теперь черные подозрения относительно моего тайного коварства, которые на протяжении всего нашего путешествия распространялись от вас по округе, словно волны от камня...

— Разрази меня гром, кто вы такие? — взревел барон, наконец, обретая дар речи.

Он принял на дне грязной ямы более или менее подобающую его сану позу и грозно поглядывал на странных собеседников. Два мирно беседовавших старика только сейчас удостоили его взглядом и словом. Один из них — тот самый стигиец, что оказался втянутым в пограничные дела двух хайборийских королевств и древних сил Первозданной Тьмы против своей воли, протянул Оливею свою белую руку, помогая выбраться из ямы, со словами:

— Мы не более чем два выживших из ума старика, служители скромных божеств, которые едва не опоздали со своим вмешательством в здешние запутанные дела.

— Стигиец? Помилуй, Митра, я скорее принял бы смерть от этого зверя, чем по доброй воле принял помощь от чернокнижника!

— По меньшей мере, барон, это невежливо. Кроме того, существо, что овладело телом сего юноши, — совсем даже не «зверь», как вы изволили выразиться, а нечто большее и худшее, чем все чернокнижники нашего умирающего, дряхлого мира. Воистину, Разрушение и Последние Времена наступают, если Темная Раса вновь разгуливает по поверхности земли. Мне, недостойному служителю Асуры, доподлинно известно, что этот змей не позволил бы вам «принять смерть» — ни сейчас, в этой яме, ни когда бы то ни было. Вы стали бы вечным

вместилищем этих сгустков предвечной злобы, лишенной тел в незапамятные времена королем Валузии Куллом...

— Видимо, я пьян или у меня жар. Стигиец и жрец забытого культа рука об руку спасают меня от собственного оруженосца, ставшего, Нергал знает чем, да еще потчуют бредовыми рассказнями.

— Барон Оливер! — торжественно обратился к немедийцу лысый стигиец, несколько наигранно взметнув руками, от чего плащ его черными крылами взмыл за спиной, придав чернокнижнику вид жутковатой темной птицы. — Я не прошу от вас благодарности или почтительных слов в адрес моего Истинного Хозяина, Мирового Змея, во имя которого я совершаю все действия, а не ради спорных достоинств какой-то там «жалости» или «человеколюбия». Но как спаситель вашей жизни и, более того, всего вашего бессмертного существа, о котором все варвары имеют весьма превратные представления, просил бы вас не именовать при мне бледную тень Сета, которую иные недоумки и недоучки...

— Это проклятого Нергала? — ошарашенно спросил Оливей, глядя на извивающийся плащ.

При этих словах стигиец зашипел так жутко, что немедиец едва не полетел назад в грязь, отшатнувшись от рассерженного жреца, как от клубка змей, а жрец Асуры засился невеселым смехом. Однако он быстро остановился и, взяв Оливея за локоть, сказал:

— Мой барон, ввиду чрезвычайной опасности, грозящей всему человечеству, равно как и вашему королевству, я вынужден просить вас впустить в лагерь немедийских войск моих воинов. — Каких воинов? Зачем? С каких это пор жрецы Асуры разгуливают по Немедии в сопровождении военных отрядов?

— Барон, вы человек военный, и не вам задавать столько бессмысленных вопросов в момент крайней опасности. В вашем лагере находится, по меньшей мере, несколько подобных напавшему на вас... кхе... демонов. Обстоятельства не позволяют мне разъяснить вам их сущность, которую я и сам разумею с огромным трудом.

— Я немедленно подниму войска...

— И будете мертвы или, что еще хуже, окажетесь неодушевленным вместилищем существ Темной Расы. — Стигиец цедил слова не без злорадства. — Дело в том, что на вашем месте сейчас находится другой Оливей, поддельный. Как, смею предположить, и на месте ваших офицеров.

— А... да? Что-то не верится. О, Митра, что за дикая ночь? Но Блистательные разгромлены, их замок осажден аквилонцами...

— Дно Мира не осадить всем людским армиям, даже если они смогут проникнуть туда. Из Бездны, куда Кулл Валузийский некогда загнал Темную Расу, есть выходы повсюду. Требуются всего лишь людская воля, которая пробудит их и призовет в нужном месте к поверхности земли. Таковая воля нашлась у Блистательных. Они свое дело сделали. Теперь настал черед их истинных хозяев вновь заявить права на сей мир.

— Я ничего не понимаю из ваших путаных речей. Однако эта тварь, кстати, она, кажется, испарилась из доспехов моего несчастного оруженосца. А вместе с ним — и мой прекрасный верный кинжал... Хорошо. Зовите своих воинов, и мы вместе отправимся в лагерь королевских войск. Там посмотрим, есть ли в вашей Мировой Бездне такой наглец, что посмеет именовать себя Оливеем. Если все это — наглая ложь, прикрывающая контрабанду...

Услышав, что его приняли за контрабандиста, невозмутимый с виду стигиец согнулся

пополам и не столько засмеялся — этого он делать не умел, а хрюпло закаркал. А жрец Асурь поднял вверх свой не большой резной посох, конец которого вдруг засветился, словно живая звезда. Такой же блеск появился в дальней роще, затем еще один и еще. Целый рой живых огней двигался к ним из зарослей. Предупреждая вопросы Оливея, жрец негромко заговорил:

— К сожалению, ваши часовые в этой части лагеря оказались уже одержими существами из Бездны, и на них я израсходовал весь свой запас стрел из Небесного Серебра. Те три десятка воинов, которые сейчас будут тут, — наша храмовая стража. Борьба с тварями из глубин — прямая их обязанность.

— Однако любопытно будет посмотреть, как они будут справляться с Темной Расой. — Стигиец не скрывал недоверия, разглядывая приближающийся отряд людей, одетых в длинные, на первый взгляд очень неудобные одежды, словно сотканные из серебристых нитей не толще паутины. В руке у каждого был невзрачный посох и полотняный мешочек с невидимыми в ночном полумраке письменами.

— Нам обоим, любезный, предстоит не только наблюдать этот, не скрою, спорный случай применения магических сил в бою, но и поучаствовать. Конечно, храмовая стража никогда не имела дела со столь древней силой, но некоторые тщательно хранившиеся валузийские манускрипты в храме...

— Что общего между служителем Сета и Асурь? — пробормотал Оливей, косясь на груду хлама, оставшуюся от его оруженосца и твари на дне ямы.

Меж тем отряд храмовой стражи Асурь собрался, и странная процессия двинулась к лагерю. Ответил стигиец, задумчиво скребя бритую голову:

— Видимо, предсказанные смутные времена наступили, если возможен столь противоестественный союз. Дело в том, что в наш мир вползает столь чужая ему сила, что пред ней бледнеют полярные крайности ткани современного нам мироздания, именуемые привычными терминами Свет и Тьма. Удайся главе Блистательных его затея — пробудить Темную расу и выпустить ее на волю, человечество, — все народы обитаемого мира, все без исключения, утерявшие знания древности, постепенно исчезнут с лица земли. А вместе с людьми уйдут из мира и все боги, ибо Детям Предвечного Мрака нет нужды в символах, вере и богах. Зеленая слизь покроет алтари, густой туман расстелется по полям, черная тайнопись природы, равно как светлые эманации, окажутся вытеснены чистым мраком, в котором будут бродить, пожирая друг друга, Люди-Змеи, Нетопыри, Черви Земли и иные представители Первой Рассы...

Его перебил жрец Асурь, причем в довольно резкой сварливой форме:

— Нет предела стигийской лукавости, воистину! Это служители Сета забеспокоились, что на их место придут самые любимые дети Бездны и у Змея отпадет надобность в приспешниках-людях. Жрецы светлых богов будут сражаться с Темной Расой в любом случае, пусть даже победа над ней стоит неимоверно дорого — полного ухода из мира светлой магии и чистого, не замутненного некромантией волшебства!

— Свет — еще более лукавая штука, чем Тьма! Ха. Или я не знаю, что ваши оракулы возвестили: или весь мир окажется проглощенным Бездной, или же до срока грянет Последняя Битва; и в мир ворвутся, чтобы отвратить приход Древнего Мрака, такие силы, что ни Асуре, ни Митре, ни более мелким светлым богам уже не будет места в Грядущем! Именно по этой причине я и обратился за помощью именно к вам, а не в далекую Стигию.

Оливей слушал эту перепалку без особого интереса, сразу же поняв, что ничего не

поймет из слов двух, без сомнения, безумных старииков. Однако тревога его нарастала. Лагерь сворачивался. Повсюду бродили заспанные воины, в ручье купали коней, слышался характерный для выступающего в поход воинства звон, гомон и ругань.

— Что такое? Эй, лучник! Чем занят лагерь?

Заспанный и полуодетый немедийский солдат хлопал глазами и бормотал что-то о приказе барона Оливея немедленно выступать в столицу. Он клялся и божился, что сию минуту видел барона на коне, в полном доспехе и в сопровождении старших офицеров, требовавших немедленного выступления.

— Ну — что я говорил? — прокаркал стигиец.

Жрец Асуры только тряхнул седой шевелюрой, отдавая приказ своим воинам. Храмовая стража встала полукругом, обращенным к центру гудящего лагеря. Посохи засияли в свете бледной предутренней луны, а из полотняных мешочеков повалили струйки сизого дыма, которые стелились по земле, словно впитывались в нее. Стигиец презрительно сощурился, скинул с плеч свой плащ. Под ним он оказался только в коротких кожаных штанах. Тело его было телом весьма сильного молодого человека, что неприятно поражало рядом с морщинистой шеей и немолодым лицом. Плащ, вместо того чтобы упасть вниз, вдруг вздулся, словно пузырь, заискрился и медленно поплыл к палаткам.

Оливей смотрел на все это, гадая, кто же выглядит страшнее — его невесть откуда свалившиеся союзники или та тварь в лесу. Уже не один десяток солдат остановился и с недоумением рассматривал процессию, вынырнувшую из леса. Барон вдруг понял, что вызывает не меньшее удивление, чем храмовая стража, чернокнижник, его плащ и жрец Асуры. Еще бы! Ведь совсем недавно барон Оливей пролетел со своей свитой по лагерю и умчался в пограничную крепость. Многие из тех, кто стоял теперь напротив них, разинув рты, могли это подтвердить даже перед статуей Митры или даже под пытками! Плащ меж тем принял форму человеческой фигуры, с той лишь разницей; что рукава были пусты, и головы на положенном ей месте не было.

— В чем дело, что развязали рты? Сотник, почему не выступаем?

Меж палаток и телег протиснулся один из главных помощников барона, командир его небольшой конной дружины. Увидев Оливея, он замер. Оливей окликнул его, но офицер в тот же миг развернулся и побежал, толкнув по дороге двоих-троих из зазевавшихся ратников.

— Стой, стой! — закричал, было, барон, не успевший даже удивиться странному поведению своего помощника, когда вдруг увидел краем глаза, что среди храмовой стражи произошло движение.

Служители Асуры что-то завопили вразнобой, поднимая мешочки, из которых посыпались неестественно длинные и какие-то медленные искры. Вокруг убегающего из земли взметнулись дымные столбы, он закричал и остановился, словно пойманный в невидимые тенета. А плащ стигийца повис над визжащим человеком и стал медленно опускаться.

— Митра Треславный! — вырвалось из уст барона, когда на его глазах буквально воюющий от страха офицер вдруг странно задергался, по нему пошла знакомая Оливею рябь, а на месте головы показалась змеиная морда.

Стоявшие поотдаль воины стали разбегаться, а плащ обрушился на тварь сверху, причем у всех присутствующих появилось внизу живота неприятное ощущение, какое бывает при внезапном падении. Когда трепыхавшаяся в безветренных сумерках ткань накрыла шипящего человека-змея, почва под ногами вздрогнула, словно на землю обрушилась целая скала или

началось землетрясение.

Оливей выхватив из ослабевших рук одного из своих воинов обрюдоострый топор, бросился к месту падения плаща, а стигиец не успел его остановить. Что-то крикнул жрец Асуры, и дымные столбы пропали, втянувшись в землю. Барон остановился, опасливо поддел угол затихшего плаща концом окованной рукояти топора. Под ней ничего не было.

— Милейший, мы откровенно мешаем друг другу. Наши методы, мягко говоря, различны, — раздался над ухом немедийца скрипучий голос жреца, обращенный, вероятнее всего, к стигийцу. — Вот, например, сейчас, я с уверенностью не могу сказать, сбежал ли он вглубь, когда мы убрали барьера...

— Нет, клянусь Сетом. То есть вы мне, конечно, несказанно мешаете, но молот Глубин достал бы его и внизу, разве что вход в их усыпальницу находится поблизости, а мы знаем, что это не так.

— Страшно другое,уважаемый. В лагере начался нешуточный переполох, эти твари разбегутся...

— Или, что еще хуже, начнут внедряться во всех подряд. Помилуй меня Черный Судья Мировой Бездны, не можем же мы перебить всех немедийцев в округе. В Стигии меня бы дурно поняли...

— Как так перебить всех немедийцев? — взревел барон, взметнув топор, словно собираясь рубить всех подряд.

— Будем надеяться, что до этого не дойдет, — вмешался жрец.

Его молчаливая свита двигалась внутрь лагеря стройным клином. Странно смотрелся воинский строй, в котором шли на первый взгляд, абсолютно невооруженные люди, к тому же необычно одетые. — Барон, я быстро попытаюсь ввести вас в курс дела.

— Уж будьте любезны. — Оливей был взбешен, а в таком состоянии он становился смертельно опасен.

Однако двух старых магов, казалось, совершенно не волновал барон и его состояние. Беседа велась для видимости, а на самом деле... У обоих на лбу выступил пот, как у людей, совершающих усилия на грани возможного. Они сражались — здесь Оливей ошибиться не мог, он чувствовал запах схватки, — маги бились на свой собственный колдовской манер.

— В вашей палатке сейчас находятся несколько из этих выползней. Они приняли ваш облик и ваших ближайших помощников, равно как, скорее всего, и офицеров из Бельверуса. Предварительно захватив... э... саму сущность этих людей. Вы — счастливое исключение. Они, а не вы, командуют сейчас войсками. Или мы остановим их немедленно, или же эти порождения бездны распространятся отсюда повсеместно, начав со столицы Немедии. Поверьте старому служителю Асуры — у них есть возможности. Их мерзкая мощь почти неодолима...

— Так вперед, убьем их! — воскликнул барон и устремился вглубь лагеря, не особо заботясь, следуют ли за ним остальные, созывая ратников.

Некоторые воины с сомнением перешептывались и оставались на месте, продолжая сворачивать палатки, готовясь к объявленному выступлению. В основном это были солдаты, прибывшие из Бельверуса накануне мятежа Блистательных, которые не видели в бароне Оливе своего непосредственного начальника. Старые же воины пограничной стражи устремились вслед за своим командиром, нисколько не задаваясь вопросами, что, собственно, происходит.

— А как мы определим, немедиец перед нами или демон? — спросил на бегу барон у

поравнявшегося с ним стигийца, плащ которого, уже наброшенный на плечи, разевался, подобно шлейфу из живого мрака.

— Руби всех, кто попытается нас остановить, Сет, Митра и Асуре отберут своих.

— Нергалово отродье, что ты говоришь такое... — возмутился барон, на что стигиец мгновенно отреагировал:

— Не именуй его, или я обрушу Молот на тебя, тупица. Побереги прыть для змеелюдей, я чувствую, что они близко

— Разумеется, вон мой шатер. Верно, сам Митра надоумил меня разбить его посреди бельверусского полка, а не то — пришлось бы штурмовать мою собственную цитадель. Вот бы темные боги потешились.

— Да что ты знаешь о темных богах?

На этом перепалка закончилась, так как оба спорщика окончательно выдохлись от быстрого бега. Кроме того, у палатки их ждали. Свой бег не остановил только сам барон, два мага и храмовая стража. Валившие следом гурьбой ратники замерли, видя, что им навстречу шествует сам барон Оливей, его оруженосец, три старших офицера и толпа самых настоящих демонов.

Глава двадцать пятая

Двое слуг вытащили бесчувственное тело Армледера на замковый двор и швырнули его рядом с колодцем. Один из них наклонился, вытащил ведро воды и окатил гвардейца. Он застонал и открыл глаза. Сознание медленно возвращалось. Армледер жадно втянул холодный ночной воздух. Он разительно отличался от душного зловония подземелий.

«Неужели я еще жив? — пронеслось у него в голове. — Жив и, судя по всему, на поверхности земли».

Перед ним выросла фигура Торкиля, что-то говорившего Одноглазому Диго. Торкиль указал на лежавшего, протянул аргосцу связку ключей и лениво пнул Армледера под ребра носком сапога.

— Он хотел убить меня. Посади его за решетку, пока не придет в себя, — услышал Армледер слова Торкиля. Голос доносился глухо, издалека, словно брат говорил сквозь забрано шлема.

Диго посмотрев на лежавшего капитана, хмыкнул, потом повернулся и подозвал двоих наемников-пиктов.

— В темницу его. Там, за нашей казармой, в стене есть отличная камера

Армледера еще раз окатили ледяной водой, заставили встать на ноги и, подхватив с двух сторон под руки, потащили в указанном направлении. Диго не торопясь последовал за ними, позывая полученной от Торкиля связкой ключей.

Капитан уже полностью пришел в себя. Улучив момент, он рванулся в попытке освободиться, но его охранники отлично знали свое дело, что показала боль в вывернутой руке. Доведя арестованного до камеры, они втолкнули его внутрь. Камера представляла небольшую нишу в крепостной стене, отгороженную толстыми железными прутьями, раздвинуть которые было не под силу даже буйволу.

Одноглазый запер дверь, некоторое время смотрел на Армледера сквозь решетку, затем обернулся к своим подчиненным:

— Идите, найдите Кранка и пришлите ко мне, а я пока что покараулю его. — Подождав, пока пикты отошли на достаточное расстояние, чтобы не слышать разговора, продолжил, обращаясь к Армледеру: — Так ты, капитан, из Черных Драконов. Могу тебе сказать, что раньше я этих хлыщей вообще ни в грош не ставил, а теперь, глядя на тебя, вижу, что ошибался. По крайней мере, капитаны у них толковые попадаются.

Армледер молчал. Говорить что-нибудь было бесполезно, даже если одноглазый наемник поверит ему, то не пойдет против человека, нанявшего его. Он успел приглядеться к Диго и понимал, что для старого «пса войны», как ни странно это казалось аквилонцу, главным были не деньги, а своеобразное представление о чести, основанное на неписанных законах наемного братства. А основным из этих законов была верность тому, кто платит деньги отряду. Бывали случаи, когда командиры наемников шли на верную смерть только потому, что не желали покрыть свое имя позором, — в этом их можно было сравнить с присягнувшими королю воинами и, пожалуй, наемников, нарушивших свою неписаную хартию, было меньше, чем предателей, забывших слова присяги.

Диго присел на корточки и невозмутимо продолжал:

— Что, честь офицера не позволила оставить мятежника в живых? Или узнал, что змееныш — туранский шпион и только ждет случая призвать сюда своих степных братьев?

Если так, то могу тебя успокоить: такого случая ему не представится. А в то, что ты пытался убить своего брата, я не верю. Я видел тебя в схватке и знаю, что ему не удалось бы остаться в живых, да еще при этом без единой царапины. Расскажи, что случилось на самом деле?

Армледер изумленно смотрел на наемника. Он был уверен, что Диго не подозревает о сложных интригах Торкиля. Помимо воли у него вырвалось:

— Да, лучше бы это были туранцы. Они, по крайней мере, люди.

И затем, неожиданно для самого себя, он начал рассказывать Диго обо всем, что произошло с ним в подземельях под замком. Аргосец, слушая его, задумчиво теребил повязку на глазу.

— Клянусь Митрой, Диго, это страшнее, чем можно представить. Его нужно остановить, иначе... я не знаю точно, что он будет делать дальше, но в мир вползет такое зло, которого не было в нем уже многие тысячи лет.

— И что ты собирался делать после того, как убьешь его? — поинтересовался одноглазый аргосец.

— Перебрался бы через стену и направился к Конану, объяснить, что здесь творится. Вам бы остались сокровища, а король разрушил бы замок, уничтожив даже воспоминания об этом проклятом святилище.

Подошедший Кранк стоял неподалеку, краем уха прислушиваясь к разговору. Диго задумчиво смотрел на Армледера, затем решительно поднялся и отпер решетку:

— Если ты говоришь правду, а, похоже, что это так, то мне с моими ребятами нечего здесь делать. Впрочем, нужно еще убедиться в том, что это не бред после выпитого тобой вина. Пойдем. Ты помнишь дорогу в подземелье? А ты, Кранк, всем говори, что Диго повел предателя в пыточную камеру. Если кто-то интересоваться будет, сразу мне передашь. Потом оставь здесь верного человека, собери других десятников, и идите ко мне в комнату.

Ошеломленный Армледер, еще не веря в удачу, выскоцил из камеры. Одноглазый наемник, быстро оглянувшись по сторонам, потащил его, изображая на лице крайнюю свирепость, грубо затолкнул в свою комнату и рявкнул так, что любой услышавший решил бы, что аквилонцу пришел мучительный конец:

— Я же тебе говорил, что делают с предателями, Нергалово семя! — Диго захлопнул дверь и, еще не вполне выйдя из роли, продолжал так же яростно — Вон там твой палаш валяется, ты его в казарме оставил!

Через некоторое время в комнате начали собираться десятники из отряда Диго. Некоторые с радостью приветствовали Армледера, другие, до которых уже дошел слух, что он пытался убить хозяина замка, недоуменно смотрели на арестованного, спокойно сидящего в комнате командира. Однако вопросов никто не задавал — все ждали, что скажет Одноглазый.

Когда, наконец, собрались все, Диго коротко объяснил им, что сейчас всем придется отправиться в подземелья замка.

— Здесь творятся странные дела, — веско говорил Одноглазый. — Наши хозяева не так просты, как кажется. Внизу, я думаю, вы увидите такое, о чем даже не подозревали. А потом уже поговорим поподробнее. По пути всем молчать. Если нас заметить кто-нибудь, сделайте так, чтобы он тоже замолчал. Вопросы — потом.

Диго подошел к стене комнаты и открыл потайной ход.

Во второй раз Армледеру пришлось спускаться по нескончаемой лестнице. По пути они не встретили ни одного человека. Наёмники спускались по лестнице осторожно, не производя ни малейшего шума. Внизу Армледер быстро сориентировался и нашел туннель, ведущий к мавзолею. Ворота, открытые Торкилем с помощью заклинаний, так и остались открытыми, на что он и надеялся. Первые тихие возгласы раздались, когда люди увидели колоннаду, освещенную призрачным, неземным светом. Кто-то вполголоса призвал Митру, кто-то украдкой сделал знак, охраняющий от чар. Армледер чувствовал, что только приказ Диго удерживает некоторых от того, чтобы опрометью броситься наверх. Но когда отряд достиг центра зала, и перед глазами заблестело рассыпанное по полу золото, заискрились драгоценные камни, страх отступил, сменившись изумлением. Даже Диго, знаяший, что Торкиль владеет огромными богатствами, не представлял себе размеров казны герцога. На полу были грудами свалены золотые украшения, драгоценные камни сверкали в голубоватом свете, струившемся словно ниоткуда, в беспорядке были свалены разнообразные чаши, кратеры, кубки.

Ноги ступали по рассыпанным монетам, кто-то поднял ожерелье и рассматривал его, поворачивая перед собой.

— Ты что, нашел клад, капитан, — окликнул Армледера один из наёмников, — и хозяин замка решил отобрать его у тебя?

Вместо Армледера ответил Диго:

— Нет, Нордок, это не клад. Это сокровища хозяина замка.

Раздался общий вздох разочарования. Они бы не отказались от клада, не принадлежавшего никому, но ограбить нанимателя считалось у наёмников одним из худших преступлений.

— Ну и зачем ты нас сюда привел? — недовольно спросил кто-то.

Постепенно все взгляды остановились на Диго.

— Мы еще не пришли, — коротко ответил аргосец. — Капитан, веди дальше.

— Приготовьте оружие и будьте настороже, — сказал Армледер, когда они достигли выхода из пещеры и двинулись по берегу подземной реки, вспомнив чудовище, выскочившее навстречу им с Торкилем.

На этот раз ларк не появился, но когда они почти достигли следующего подземного зала, вода в реке внезапно забурлила, и из нее поднялось черная кожистая тварь. Белесые глаза уставились на людей, и длинные черные щупальца устремились на берег. Один из наёмников вскрикнул, когда щупальце обвилось вокруг его ноги и потащило в воду.

Мгновенно оказавшийся рядом Диго, рубил щупальце мечом, но сталь соскальзывала с кожи, а щупальце неумолимо тащило человека в воду. Армледер оказался единственным, кто сохранил самообладание, — он смутно ожидал чего-то подобного поэтому, вместо того чтобы пытаться отрубить щупальце, выхватил кинжал и метнул его, целясь в глаза чудовища. Бросок был удачным. Осьминог забился от боли. Щупальца разжались, и люди смогли отбежать от берега.

Это происшествие изменило настроение отряда. Все уже свыклись со странным светом, даже причудливые колонны в предыдущем гроте не казались чем-то особенным, но нападение неизвестного обитателя подземных вод показало, что в этих подземельях жизнь

каждого висит на волоске.

Поэтому, когда они оказались перед мавзолеем змеиных властителей, все особо остро почувствовали черную силу и мощь, истекающую из этого мрачного сооружения. Кто-то плюнул, кто-то крепче сжал в руке амулет, охраняющий от чар. И когда Диго отдал приказ возвращаться к сокровищнице, подгонять никого не пришлось.

— Теперь вы видели, какому богу поклоняется хозяин замка, — начал Одноглазый, вертя в руках подобранный золотой кратер. — Вот он, — тут Диго показал на Армледера, — может рассказать кое-что еще. Половина слуг здесь не люди, а мертвецы. Я сам видел таких, что не отбрасывают тени, а капитан говорит: здесь, внизу, в одной пещере лежат целые горы живой падали. Да и сам хозяин — из таких же, если не хуже. Из ран у него течет не кровь, а зеленая слизь, и раны затягиваются сразу же. Все видели, как дерется Капитан. Но он не смог убить его — раны исчезали на глазах. Поэтому я говорю: мой меч не будет служить ему.

Это была ритуальная фраза, означавшая, что наемник отказывается от службы. Но, по законам «псов войны», отказаться можно было лишь до того, как получены деньги, или же в случае, когда наниматель сам нарушает договор. Верность слову была для них главным правилом, и эти слова Диго были все равно, что кружка пива, выплеснутая в лицо.

— Хартия! Хартия! — раздалось сразу несколько голосов. — Ты что, забыл клятву?!

— Кто-нибудь может сказать, что я хоть раз нарушил свое слово? — загремел в ответ Диго. — Да, мы поклялись отдать наши мечи и не жалеть жизни. И мы никогда не предаем людей, которым клялись. Но это не человек. Мы не обманываем людей, но с теми, кто уже не человек, не может быть договора. Кто из вас пошел бы служить Сету? Или вы хотите, чтобы ваши тени не знали покоя на Серых Равнинах?

Наемники постепенно умолкли, обдумывая сказанное; Диго продолжал:

— Капитан рассказал мне об этом там, наверху. Еще он сказал, что завтра все эти трупы оживут. Это и будет та подмога, что ожидают в замке. Я не буду стоять в одном ряду с мертвецами. Поэтому я предлагаю — вот перед нами сокровищница. Пусть каждый берет столько, сколько сможет унести, а на рассвете уходим из замка.

— И далеко мы уйдем? — насмешливо спросил кто-то. — Ты что, забыл, что аквилонцы стоят под стенами? Конан только обрадуется, когда мы сами пойдем ему в руки.

— Ах, да, я и забыл сказать. Сегодня капитан, а он, кстати, действительно капитан, только не немедийской пограничной стражи, а аквилонских Черных Драконов, отправится к своему королю и передаст ему, что мы уходим. Конан, если он не совсем дурак, пропустит нас без боя. Зачем ему подставлять под мечи своих людей, если замок и так будет его.

— А как же остальные? — спросил Кранк, давно уже согласившийся с предложением Диго.

— Здесь что, золота мало? — ответил Одноглазый и, не глядя, пнул ногой подвернувшуюся чашу, стоившую столько, сколько получал весь отряд за неделю службы. — Вынесем сейчас все во двор и всем расскажем. Кто хочет — пойдет с нами, а кто останется — его дело.

На мгновение повисло молчание. Потом кто-то наклонился и начал собирать лежавшие под ногами драгоценности. Один за другим наемники последовали его примеру. Армледер понял, что решение принято.

— На рассвете жди сигнала, — шепнул он аргосцу. — Как только увидишь дым трех костров, можете выходить. Прощай.

— Подожди прощаться, — угрюмо бросил в ответ Диго. — Пойдем, я тебя из замка

выпущу, а то мои часовые еще пристрелят ненароком.

— Ну что, пойдем, что ли? — сказал Кранк, наваливший на себя столько золота, что еле стоял на ногах. Надо всех разбудить, пусть таскают...

Глава двадцать шестая

Первые солнечные лучи начали пробиваться сквозь черноту ночи. На дворе замка лежали груды золота, люди расхаживали, попирая их тяжелыми сапогами, и в неясном утреннем свете эта картина напоминала легенды о счастливцах, попавших в заброшенные сокровищницы древних королей. Несколько повозок стояли, нагруженные золотом, и их окружал десяток наемников, готовых отбить попытку хозяев замка вернуть себе драгоценности. Одноглазый Диго в одиночестве ходил на стене и взглядался вдаль, ожидая условленного сигнала. Когда среди ночи раздался сигнал общего построения, все решили: аквилонская армия пошла на штурм. Диго порадовался, увидев, что за короткое время ему удалось сколотить из разношерстного сброда хорошо вымуштрованную армию. Не было криков и суеты; люди выбегали из казарм собранные, держа наготове оружие. Некоторые сразу же устремились на стены, и пришлось останавливать их на полпути.

Выслушав командира, большинство защитников замка без возражений согласились, что в любом случае нужно уходить. Они сразу же принялись за работу, и вскоре золото перекочевало из подвала на площадь.

Были и такие, кто решил остаться и защищать замок до конца. То, что остались пикты, никого не удивило — им было некуда уходить. Пересечь Аквилонию, когда все войска лихорадочно ищут мятежников, не под силу даже таким мастерам скрытно передвигаться, таясь в лесах. Остались также несколько шемитов, боссонцев. Эта немногочисленная группа собралась у донжона, кто-то побежал будить Торкиля и Хвата. Это слегка беспокоило Одноглазого — неизвестно было, что готовят хозяева. Но еще больше его тревожило отсутствие обещанного сигнала аквилонцев. Диго понимал: если Конан откажется пропустить уходящих из замка наемников, от его отряда останется в лучшем случае немногочисленная горстка уцелевших.

Диго решил ждать ответа до поры, когда солнце поднимется над горизонтом. Подходил конец срока.

— Не захотят пропустить мирно, придется драться, — вполголоса пробормотал он.

В следующее мгновение ему показалось, что эти слова начали осуществляться. Внизу, на площади, раздался шум и звон клинков. Обернувшись, Диго увидел, что остающиеся в замке наемники, предводительствуемые Эолабаром, устремились в атаку на занятых погрузкой. Хвату удалось быстро построить своих людей в ощетинившийся копьями четырехугольник, который угрожающе двинулся в сторону повозок.

Послышились окрики. Стоявшие у повозок часовые, почувствовав опасность, сомкнули ряды. На помощь бросились остальные. В окнах замка появились лучники, засвистели стрелы, направленные в ряды взбунтовавшихся.

Все это Диго отметил краем глаза, поскольку уже мчался вниз по лестнице. Число остающихся было столь малым, что он пренебрег предосторожностями, и его ребятам теперь приходилось расплачиваться за это. Атака воинов Хвата захлебнулась, покатилась назад еще до того, как Диго достиг земли, — слишком неравны были силы. Оставив на земле нескольких раненых, часовые бросились вдогонку. На площади началась свалка. Даже самые опытные из людей Диго с азартом бросились в бой, и Одноглазый оказался единственным, кто заметил, что из дверей замка на площадь неторопливо выдвигался отряд вооруженных людей.

Безумная атака была всего лишь отвлекающим маневром. Эолабар хладнокровно пожертвовал остатками наемников, чтобы ввести в бой своих неизвестных союзников. Его змеиная фигура теперь мелькала впереди нового отряда — ускользнув из самой гущи разгоревшейся схватки, он построил атакующих в каре и уверенно повел их в атаку.

Диго понял, что эти воины и были теми умершими, о которых говорил Армледер. Оживленные чьей-то чудовищной волей, они размеренно двигались вперед, с бесстрастными лицами, остановившимся взглядом. В первом ряду аргосец заметил горбуну, командовавшего заморийцами, что бесследно исчез из своей комнаты.

— Назад! — заорал Диго, вложив в этот крик всю мощь своего голоса.

Еще немного, и задуманная Хватом ловушка должна была захлопнуться. Отряд мертвецов отрезал бы наемников от ворот и от нагруженных повозок, после чего неумолимо двинулся вперед, избивая людей, — разрозненные воины, увлекшиеся дракой со своими бывшими товарищами, не смогли бы оказать никакого сопротивления.

Их спас только вовремя появившийся Диго и отличная дисциплина отряда. Пожалуй, даже воины королевской армии не смогли бы, увлекшись схваткой, так четко отреагировать на команду, как эти наемники. Услыхав голос командира, они моментально бросились к повозкам. Но построиться уже не успевали.

Строй мертвецов настиг бегущих людей, но сокрушительного удара уже не получилось. Рассыпавшись, наемники растянули строй атакующих, превратив бой во множество отдельных схваток.

Это был странный, жуткий бой: раны мертвецов не кровоточили, и даже смертельный удар не мог их остановить. Диго понял, что Эолабар рассчитывал на страх, который вселят эти неумирающие существа в наемников. Уже неоднократно убитые, они поднимались на ноги. Скользя на кусках собственной плоти, падая, они упорно двигались вперед.

Действительно, кое-где сражающиеся опускали оружие, с ужасом глядя на то, как тело с отсеченной головой, прежде чем упасть, еще некоторое время продолжает двигаться и размахивать оружием как разрубленные воины неотступно движутся вперед. Но Диго не чувствовал страха — в нем клокотала ярость. Аргосец бросился вперед, командуя своими людьми так же, как в обычном бою и это подействовало.

Мертвецов было чересчур мало, чтобы одержать победу, к тому же движения их были вялыми, словно у спящих людей. После того как их строй развалился, они стали легкой добычей для наемников — их тела были буквально разорваны на куски.

Диго искал глазами Эолабара, но не мог найти — покинув свое обреченное воинство, турانец исчез в замке.

* * *

— Кром! Вот это бойня! — Конан, подбоченясь, сидел в седле своего громадного черного жеребца.

Рядом, с трудом справляясь с перепуганным конем, был Армледер, вновь облаченный в форму капитана Черных Драконов. Как только ветер пахнул на аквилонцев со стороны замка, лошади почуяли мертвецов, и как взбесились. Драконы вынуждены были спешиться.

— Где этот стигиец? Как раз теперь от него был бы толк. Без некромантии тут не обойтись, — пробормотал Армледер, стараясь удержаться в седле и не упустить ничего

существенного из того, что творилось в замке Блиставельных.

Ворота были распахнуты настежь. Через них выезжали повозки, груженные сокровищами. Лошади и мулы выказывали немалую прыть, стараясь отдалиться как можно дальше от жуткого воинства Эолабара. Бой внутри почти закончился — Диго вырвался из жуткого замка. Его растрепанный отряд беспорядочной толпой вывалил из ворот, и тут же спешно принял строиться при виде нового противника. Аквилонское войско замерло, только ветер шевелил плюмажи на шлемах, да солнце играло на кольчугах, сомкнутых щитах и копейных жалах.

— А хороши! Хороши, разрази меня Нергал! — Конан откровенно любовался мужеством обреченных, с каким маленький отряд «псов войны» сплотился вокруг своих повозок, намереваясь или прорваться через превосходящие силы врагов, или погибнуть с честью.

— Мой король, я уже говорил вам, что столь блистательного офицера я не видел...

— Ладно, ладно, капитан. Я ценю воинское умение и мужество, а кроме того — наглость. Этот Диго-настоящий волк, и не мне, клянусь Кромом, травить его собаками. Пусть уходит. Кроме того, Конн и Троцеро никогда не простят мне, если я положу наши лучшие полки в бесславной стычке. А что до сокровищ... они заслужили их.

Пока продолжался этот разговор, отряд Диго, ощетинившись клинками и копьями, медленно двигался на аквилонцев. По приказу короля штурмовые колонны стали расходиться, давая возможность наемникам пройти. Запела труба, и сверкающие ряды воинов двинулись к распахнутым воротам.

— Капитан, ты знаешь внутреннее устройство цитадели. Веди войска, а я потолкую с этим «псом».

Армледер спрыгнул с коня, который с жалобным ржанием помчался назад, к покинутому аквилонскому лагерю, подозвал к себе командиров отдельных отрядов и двинул войска на штурм оставшейся почти беззащитной крепости. Король же поскакал к наемникам.

Ноздри Конана трепетали, словно он чувствовал опьяняющий запах свободы, мести, радости жизни, глядя на утомленных боем солдат аргосца. Перед его взором пронеслись пальмы далекого юга, виденные им с палубы корсарского корабля, моря песчаных барханов и пыльные развалины чарующих пустынь востока, блеск льда далеких Ильбарских Гор, гулкое эхо ущелий и рокот водопадов. Шум и лязг бесчисленных сражений, запах крови и пота, блеск клинков и ржание коней. Навстречу королю из плотного строя вышел Диго, и киммериец увидел все то, что промелькнуло в его голове, в глубине единственного глаза аргосца.

Они сошлись, и враги, и друзья. Два хищника, одинаково принадлежащие буйному прошлому хайборийской эры, один молодой и полный сил, второй старый, но несломленный. Вдали раздался клич аквилонцев,бросившихся в атаку на последних, живых и мертвых защитников цитадели, но оба не обратили на этот звук ни малейшего внимания. Всхрапнул и дернулся конь киммерийца, но король твердой рукой заставил его сделать шаг вперед, а затем спрыгнул на землю и встал напротив наемника.

Текли мгновения, на стенах крепости шел бой, груженные золотом телеги уходили все дальше, а двое все стояли посреди поля, читая в душах друг друга, словно в странных зеркалах. Потом глаза Конана загорелись. Он рванул из ножен меч, холодным огнем блеснувший в косых лучах солнца. Ни один мускул не дрогнул на лице Диго. Он только завороженно следил, как меч разворачивается рукоятью к нему. Затем сильная рука аргосца

легла на истрепанную кожу рукояти. Заржал конь короля, взрывая копытами землю, а Конан поглядел на жеребца пустым взглядом, словно увидел впервые. Затем он отстегнул потемневшую от времени бронзовую пряжку, и в траву упали потертые ножны.

Нетвердой походкой он направился к коню и вскочил в седло. Не оборачиваясь, киммериец медленно поехал к кучке телохранителей, дожидавшихся его в стороне. Он не видел, как за спиной его меч взлетел острием вверх, а губы Диго прошептали: «Амра...», после чего, немного замешкавшись, одноглазый бросился догонять свой отряд, уже скрывавшийся под сенью леса. Он уносил с собой нечто большее, чем старомодный, излишне тяжелый по хайборийским меркам меч, и чувствовал это. За спиной словно выросли крылья, а плечи слегка дрожали, как под тяжестью невидимой, но ценной ноши.

Король также почувствовал облегчение, будто грузная железная птица, сидевшая на плечах и пригибавшая его к земле, устремилась в неведомое. Он ехал к распахнутым воротам покоренной крепости, размыщляя, как трудно быть героем легенд в пресыщенном и дряхлом мире. Конь шарахнулся в воротах от шевелящегося на земле живого трупа, изрубленного на куски, но еще не оставленного пылающим в нем темным пламенем. Думы короля были далеки от ликующих криков его воинов. Взгляд его еле скользнул по знаменам с золотым львом, взметнувшимся над всеми башнями почти одновременно.

Глава двадцать седьмая

От Конна и Троцеро прибыл гонец с известием о блестящей победе аквилонцев над гирканцами, спешившими поучаствовать в событиях вокруг заговора Блистательных. Не ожидающие встретить основные силы королевства степняки смешались и дрогнули.

Троцеро даже не успел развернуть все полки в боевые порядки — так стремителен оказался бой. Конн во главе пуантенцев в скоротечной схватке буквально стоптал гирканский авангард и бросился развивать успех. На плечах бегущих он врубился в плотные ряды походной колонны противника, причем основной беспорядок внесли не его бронированные рыцари, а в панике отступающие силы авангарда.

Грозная на равнине, маневренная, легко управляемая восточная конница оказалась сбита в огромную кучу и зажата в горной теснине.

Ее предводитель пытался навести порядок, снеся саблей пару-тройку голов нерадивым командирам и начальнику передового дозора. А тут еще таранный удар пуантенцев завяз в хаосе коней, людей и повозок, словно топор в сыром полене, однако к месту битвы подоспели основные аквилонские силы. Гирканские полки, что вырывались из предательской теснины в поле, натолкнулись на несокрушимую стену гандерладских копий, со склонов лесистых холмов по перемещавшейся восточной кавалерии хлестнули боссонские стрелы. Перед тем как Конн разрубил его едва ли не до седла, предводитель гирканцев успел отдать приказ спешно отступать, ибо с запада, словно бесконечная сверкающая змея, тянулись аквилонские рыцари, охватывая конницу степняков со всех сторон, словно удав кролика. Отступление быстро переросло в паническое бегство — к вечеру Троцеро отдал приказ прекратить преследование, ибо тяжеловооруженное рыцарство едва ли не пострадало в ходе его больше, чем во время битвы: знайное солнце раскаляло доспехи, кони, не привыкшие к жарким в это время года степям, бесились и норовили скидывать седоков. Однако гирканцам досталось еще раз — немедийцы, желая показать всему миру, кто хозяин в восточной части хайборийских земель, выслали на перехват степнякам значительные силы, довершившие разгром.

Вести эти, без сомнения, были радостными, однако гонец не торопился подойти с ними к королю. Конан расхаживал по парапету пеллийской твердыни в полном вооружении, алый плащ и алый плюмаж его шлема трепетали, словно языки пламени, предвестники пожара, а из-под опущенного забрала можно было расслышать явственное рычание. Киммериец в бешенстве хлестал своей перчаткой по камням крепостной кладки с самого раннего утра, а подойти к нему рисковали только Ройл да трое его ближайших телохранителей.

Причина королевского гнева была такова — когда северяне и Черные Драконы, платя немалую цену за каждую ступеньку или площадку башни, очистили замок от живых мертвцов и оставшихся верными Блистательным наемников, оказалось, что сам Торкиль и Змееныш бесследно исчезли. Поиски продолжались ночью. Немногочисленные пленные на допросах в один голос утверждали, что в последний раз видели обоих по пути в мрачные подземелья. Туда и направил Конан своих воинов. Впопыхах им пришлось столкнуться с различными хитроумными ловушками и последними защитниками замка, живыми и мертвыми, которые дрались отчаянно — им совершенно нечего было терять. Когда затих на холодных камнях последний изрубленный труп, а Иллиах перерубил ноги последнему пикту, кинувшемуся на него с балок перекрытия с обсидиановым ножом в зубах, выяснилось, что

главари мятежа пропали. Конан приказал бросить поиски во тьме только тогда, когда троих Драконов, кинувшихся на подозрительный шорох в одно из боковых ответвлений туннеля, нашли в каменной яме насаженными на стальные колья. Оказалось, что под ними бесшумно провернулась мраморная плита.

В подземелье повсюду слышались стоны, скрежет, нечеловеческий смех, под сводами проносились неясные крылатые тени, в воздухе вдруг вспыхивали и гасли странные тревожные огоньки. Аквилонцы выбрались наверх бледные, перепуганные, хотя при свете звезд и луны трудно было сказать, что же их, собственно, так напугало. Конан до самой зари бродил по замку, сжимая в руках кинжал в тщетной надежде, что заговорщики притаились где-то среди мебели и колышущихся портьер. Однако никто не кинулся на киммерийца в гулких пустых коридорах или полумраке библиотеки Эйольва-Валлана.

А наутро с немедийской стороны пришла весть о том, что на пограничное укрепление совершено нападение, рассеявшее гарнизон, однако барон Оливей непонятным образом отвел угрозу, погибнув в жестоком бою.

— Троцеро будет безутешен, клянусь Кромом! — воскликнул Конан. — Барон был великолепным противником и славным человеком. Однако речь идет, без сомнения, о том, что проклятые Торкиль и Хват все еще живут, напуская на соседей каких-то чудищ. Этому надо положить конец.

— Его зовут Эолабар Бан, мой король, — сказал Ройл. — По крайней мере, так говорят пленные. Это действительно родственник вашего давнего врага, великий шпион... и сам Сет, или, по крайней мере, Нергал.

— Что, что ты мелешь, старый дурак! — Конан желал выместить на ком-нибудь накопленную злобу.

Ройл, как и положено старому служаке, привыкшему и не к такому обращению, и ухом не повел:

— Опять-таки, если верить пленным...

— И мне, мой король! — Это появился Армледер.

Одежды его были изорваны, лицо — в копоти от факелов, доспехи покрыты какой-то отвратительной слизью. Несмотря на приказ, он в одиночку продолжал поиск главарей заговора, но добился немногого.

— Да, я помню, ты что-то такое рассказывал... Мне все равно, во что он там превратился. Я знаю одно: он великий воин, и я, Конан-киммериец, перед тем, как Кром заберет меня с этого покрытого пылью и тленом мира, хочу скрестить с ним клинки.

— Я думаю, в Мировую Бездну не пошлешь герольдов с вызовом на турнир... — пробормотал Армледер, потирая красные глаза, однако король его услышал и рассвирепел еще больше:

— Ему не сбежать от меня, равно как и твоему сумасшедшему брату, пусть он даже усядется верхом на Сета или превратится в клубы дыма! Или ты просто не хочешь, чтобы мерзкое существование Торкиля было прервано честной сталью?

Глаза Армледера вспыхнули, а тело непроизвольно напряглось. Иллиах и Эгиль, бесшумно возникнувшие с обеих сторон от капитана, встали между ним и королем.

— Моего неразумного брата я буду преследовать даже в преисподней... только вряд ли его возьмет честная сталь. Я уже пробовал...

И Армледер бессильно опустил руки вдоль тела.

Конан, засопев, резко развернулся и отправился на крепостную стену. Там и пребывал

все утро, ни с кем не общаясь, бормоча бессвязные ругательства на всех известных ему языках. А внизу Хольгер с Ройлом объясняли встревоженному гонцу, насколько незначительным является факт победы Конна над какими-то гирканцами и в какое именно место рва швырнет его король, подвернись ему гонец под руки в таком настроении. Возле ворот так же метался Армледер, с ужасом вспоминая, во что превратился его брат, давая страшные клятвы всем темным и светлым богам достать его в любом месте, куда бы ни засинула Торкиля черная судьба.

... И тогда появилась тень. В саване, сотканном из тумана, Король-Призрак парил над пеллийской твердыней безмолвно, словно живая гора, готовая вот-вот рухнуть и погрести под собой все живое вокруг. От него изливалась чудовищная мощь. Кони разбили копытами стены конюшни и метались по двору с диким ржанием, бесновались собаки, люди растерянно жались по стенам, задрав кверху головы. Повсюду валялосьброшенное оружие.

Конан некоторое время смотрел на призрачную фигуру, чувствуя, как на затылке вздыбываются волосы. Вечный его спутник — звериный инстинктивный страх перед потусторонним — не дал киммерийцу возможности сразу распознать призрака. Но в памяти всплыли портреты, что видел киммериец на пластинах тусклого древнего золота и почерневшего от времени серебра Валузийской эпохи, хранившиеся в сокровищнице Тарантии.

— Будь я проклят... это Кулл, король Валузии!

За спиной киммерийца толпились северяне и Ройл, зачарованно следившие, как Король-Призрак, медленно ступая, идет прямо по воздуху к квадратной башенке.

Вместе с ним к замку полз густой туман, покрывавший все вокруг белесым колыхающимся морем, куда боялись нырнуть люди, кони и собаки.

— Мой король, не делайте этого! — взмолился Армледер, взбегая снизу по ступеням и устремляясь к Конану.

Но было поздно — словно зачарованный, киммериец шел к башенке. Ройл и Иллиах попытались следовать за ним, но невидимая рука остановила их, мягко уперевшись в грудь, равно как и Армледера, Хольгера и Эгиля. Им оставалось только смотреть.

Король-Призрак возвышался над киммерийцем, словно башня — Кулл и при жизни был богатырем громадного роста, широким в плечах и мощным, словно дикий тур. Однако в лицах обоих героев, бывших на престолах мощнейших государств своих эпох, двух варваров, без устали сражавшихся с врагами человеческого рода, было что-то сходное. Слов, конечно, разобрать не удалось — они тонули в наползающем тумане, в котором даже свет зажженных факелов расплывался и тускнел.

— Если он поднимет руку... — пробормотал бледными губами Иллиах, поднимая метательный нож дрожащей рукой, — на лице его долг боролся с суеверым страхом.

— А я бы не стал... — пробормотал Ройл, — да и что ему сделает твоя железяка.

— Прах тебя побери, Ройл! — вмешался Хольгер, отбросивший всякие сомнения и высвобождающий из ременной петли на поясе топор. — Он, в конце концов, не сам Кром!

— А ты бросился бы на самого Крома?

Пока они обменивались фразами, призрак вдруг надвинулся и оказался прямо возле них. За ним шел Конан, а Иллиах, позабывший свой страх, уставил на него во все глаза, столь разительны были перемены, произошедшие с королем. Пропала сутулость, поникшие плечи расправились, глаза сверкали из-под поднятого забрала, словно две голубые звезды, походка стала величавой и грозной, как десятилетия назад.

— У меня хорошие слуги, Кулл, — произнес киммериец, и Армледер вновь стал растерянно тереть красные глаза. Голос короля стал густым и звучным, как боевой рог.

— О, да! — сказала призрачная тень. — Они похожи... похожи на моих атлантов и валузийцев. Только они не могут пройти там, Конан...

— Да, я помню: взять с собой одного... Армледер, ты готов ринуться в погоню за своим братом? Вместе со своим королем?

— Куда? — вырвалось у капитана.

— Примерно туда, куда ты только сегодня утром обещал Митре ринуться за ним, если потребуется! — произнес Король-Призрак, — и хоть голос его, доносящийся отовсюду, словно рожденный колдовским туманом, не имел человеческих эмоций, но все разобрали усмешку, прятавшуюся в этих словах.

— Да, мой король! — решительно сказал капитан.

— Тогда вперед! — Призрак поднял руки, вокруг громыхнуло так, что у всех зарябило в глазах. — Помни, киммериец, Кром смотрит на тебя!

Когда стихли раскаты призрачного голоса, Ройл растерянно огляделся. Конана и Армледера не было. Исчез и Кулл, король Валузии, восставший из мертвых, чтобы настигнуть своих вечных врагов. Не стало и тумана. Только на повлажневших гранитных плитах крепостной стены четко отпечатались ступни, обутые в грубые сапоги.

Вначале киммериец и капитан почувствовали, весь мир стал таять вокруг: фигуры странно замерших северян и Ройла показались бесплотными тенями, величавый же владыка сгинувшей Валузии, напротив, стал весьма реальным. Затем исчезло все: слух, зрение, осязание, все чувства отказали им. Оба словно превратились в частички колдовского тумана, что повлек их куда-то вглубь земной тверди. Пронеслись, мелькая, пещеры и гроты, захватывающие подземные озера и реки, застывшие водопады и ручейки, ледники и сгустки непроглядной тьмы. Когда Армледер уже решил, что они умерли, и оказались на Серых Равнинах, головокружительный полет оборвался.

Они лежали на блестящих черных камнях. А кругом расстилалась Мировая Бездна или что-то до такой степени на нее похожее, что капитан решил пощупать себя.

— Ты не тень, Армледер. Мы все еще живы, насколько смертный может быть жив так далеко от света и свежего воздуха.

Это произнес Конан, задумчиво озирая бескрайнюю равнину, где среди унылых черных камней текли реки лавы и вздымались клубы разноцветного дыма. Дым этот лишил возможности осмотреться, видно было только, что впереди — какое-то громадное строение странных для человеческого глаза угловатых очертаний.

— На, возьми! — Король протянул Армледеру точно такой клинок, какой сам держал в руке.

Это были тонкие, длинные мечи, почти без перекрестий, обоюдоострые лезвия странно сужались в середине клинка. Рукоятки странной и не очень удобной формы, а присмотревшись, капитан разглядел какие-то незнакомые письмена.

— Бронзовый меч, ха! Кулл утверждает, что только это древнее оружие способно поразить те существа, в которых превратился твой брат и этот Эолабар. Видишь письмена? В них вбита рукой нечеловеческих кузнецов тончайшая проволока из серебра, которое в моей родной Киммерии именуют Громовым. На землю иногда падают с Небесной Тверди камни с прожилками подобного металла.

— Я слышал об этом, мой король. Подобное серебро хорошо для борьбы с оборотнями и

демонами, если верить сказкам.

— Ты не веришь сказкам, капитан? — насмешливо спросил Конан.

— Нет, мой король... хотя в нашем положении...

— Вот и я не верю. В них, как я понял после разговора с владыкой Валузии, и не надо верить. Нужно просто осознать, что мы сами — часть сказки. Это так же, как, если, ха-ха, седло не будет верить в лошадь.

Армледер вздрогнул от раскатистого, молодого и сильного смеха Конана. Он никогда не видел короля таким. Сейчас перед ним был Амра, Черный Лев, победитель колдунов и демонов, варвар, задушивший дряхлого короля Аквилонии на ступенях его собственного трона. Всю жизнь во дворце капитан привык видеть короля, а не неистового великаны, готового хохотать посреди Мировой Бездны и отпускать сомнительные шутки. И в эту сказку — о былом легендарном величии Конана Армледер мгновенно поверил.

— Итак, вперед. Где-то тут скрываются наши приятели. Если их вовремя не остановить — вот тогда-то и начнется самое страшное.

И король бросился вперед, перепрыгивая с камня на камень. Армледер еле за ним поспевал, сжимая неудобный меч.

Конан упивался вновь обретенной силой. Могучие ноги упруго несли его вперед, звериное чутье подсказывало, какой камень не выдержит веса его тела и черного доспеха, глаза великолепно видели даже в черном дыму, а руки гудели от скрытой мощи. Таким он был на палубе пиратской «Тигрицы», в подземельях Стигии, джунглях пиктов, в родных киммерийских скалах и пустошах. Он мчался, словно огромный и смертельно опасный зверь, а вместе с ним вперед мчалась вся его жизнь. Он одновременно был удачливым атаманом мунган, и аренджунским вором, черным корсаром и наемником.

Меж тем они уже неслись вверх по гигантским ступеням храма. Армледер краем сознания понял, что видел в подземельях замка лишь бледное отражение этого титанического строения. Это была усыпальница королей Темной Расы. Конан чувствовал тугую неизбывную злобу, клубящуюся где-то под каменными плитами. На миг варвару показалось, что он попал в жуткое сновидение первых существ, выползших на юную землю, чтобы опоганить ее, наполнить черными тенями и ужасом. Он закричал, вышибая ногой засов каменных ворот, и люди бросились дальше, а навстречу им выносились чудища, одно страшнее другого. Мечи в руках гудели, словно сами рвались в бой. Разрубая тварь, полностью состоящую из оскаленной пасти, когтей и шипов, Конан почуял в глубине усыпальницы радость пробуждения королей Темной Расы. Капитан и король одновременно поняли, и знание это пришло им откуда-то извне, что, открыв врата Храма Ночи, ускорили пробуждение исчадий Бездны.

Они ворвались в громадный зал, подпиравшийся целым лесом колонн, выполненных в форме омерзительных жаб, змееподобных людей и иных чудищ. Здесь под самым потолком плавала совершенно непроглядная тьма, внутри которой клубилось багровое пламя, а пол был изрыт канавками и нелепыми низкими ступенями в самых неожиданных местах.

Почти в самом центре зала возвышался хрустальный купол, внутри его бились и расплетались черные тучи, какие-то жирные кляксы и неясные угрожающие силуэты. К одной из стен прислонился плавник, затем — ряд присосок, мелькнули глаза, взгляд которых сулил погибель.

— Ага, я вижу, мой братец проник даже сюда. Ты счастливчик, Армледер. Я в последний раз предлагаю тебе Вечность.

В тени усыпальницы, где билась и пробуждалась первобытная злоба, стояли две фигуры. Армледер вздрогнул от омерзения, заметив, как странно искажены под плащами некогда человеческие фигуры Эолабара и Торкиля. Только лица еще оставались человеческими. Вернее, почти человеческими. Глаза уже напоминали глаза рептилий, слова Торкилю удавались с трудом, словно на месте его языка за зубами билось раздвоенное жало.

— И жалкий король из жалкого мира! — продолжил Торкиль, спускаясь по нелепой канавке. Человек давно бы споткнулся и свернул себе шею, но то, что скрывалось под плащом отпрыска пеллийского рода, вполне свободно двигалось по всем каменным извивам. — Глубоко символично, что первой жертвой разбуженных Спящих будет именно Конан.

— Ты говоришь так, словно меня здесь нет, червяк! — вскричал Конан, берясь за тяжелый меч и вращая им над головой.

— А тебя и нет уже. Ты тень мира, который через день сам станет тенью. Не будет Последнего Разрушения, не будет и восстановления! Хватит светлым и темным богам играть в Великое Равновесие. Проснутся Спящие и наполнят эту пустоту иным содержанием.

— Эй, Хват, Эолобар, или как там тебя! Если в тебе осталось что-то от человека, бери сабли, и сражайся. По крайней мере, я не раздавлю тебя, как червяка.

Эолобар двинулся вниз, к Конану. Лицо его было совершенно застывшим, только меж губ мелькал змеиный язык, а ноздри странно подрагивали. Однако его рука потянулась к эфесам двух сабель, висящих на боку.

— Вы узнаете этот меч? — вскричал король, взмахнув своим оружием и устремляясь на своего противника.

Слова его были обращены к тем силам, что бились внутри усыпальницы, и их услышали. Оттуда раздался то ли рев, то ли стон, затем раздался глухой удар, и поверхность купола треснула.

А Конан и Змееныш закружились в жутком танце, звеня клинками. У капитана от оглушающего рева из ушей и носа пошла кровь, и он упал на колени. К нему скользнуло то, что миг назад было Торкилем. Увидев желтые глаза, подернутые радужной пленкой, кривые желтоватые клинки, Армледер вскочил с проклятием и нанес удар. Голова получеловека-полузмеи отделилась от тела и полетела вбок. А в следующий миг купол окончательно раскололся. Оттуда не вышли, не выбежали, а вытекли и выползли короли змеиного народа.

Армледер приготовился умереть. Он отрешенно глядел, как накатывается на него вал голодных глаз, щупальец, лягушачьих лап, слышал, как что-то скрипит и трещит в тех местах, где камень окрашивала липкая чешуя и ядовитая слизь.

Конан теснил своего противника. В голове у киммерийца проносились совершенно не относящиеся к бою мысли. Он думал, что давно не чувствовал такого упоения, не чувствовал, как оживает в руке клинок. Однако получить удовольствия от этой схватки было невозможно. Эолабар на глазах превращался в такое же страшилище, что выползали из разрушенной усыпальницы. И Конан торопился.

Краем сознания он понял, что пока Змееныш был человеком, он был величайшим бойцом. Без сомнения, старый король Аквилонии пал бы от его порхающих сабель спустя мгновение. Та же участь ждала и Армледера. Однако щедро возвращенные киммерийцу силы и его несравненный опыт сделали свое.

Из немыслимой позиции, едва не вывернув себе запястье, он расположил змеечеловеку

живот, затем упал на колени, почувствовав, как сабли срывают у него с головы тяжелый шлем, и наискось ударил снизу вверх.

Змееныш, разрубленный пополам почти до самого горла, молча упал, и на мгновение королю показалось, что он видит в мутных глазах рептилии человеческий ужас.

Волна кошмарных тварей готова была поглотить капитана, который даже не поднял для защиты бронзовое оружие.

И Конан заговорил. Он говорил слова из древнего заклятия, те самые, которые устами Кулла замкнули ход Темной Раде в мир людей. С каждым словом демонические существа отшатывались, оставляя на камнях чешую и слизь, вереща, рыча и шипя, и с каждым словом Конан чувствовал, что подаренная ему королем Валузии молодость вытекает по капле. Вот последнее щупальце втянулось внутрь купола, который так и остался треснувшим, но был заперт неснимаемым заклятьем.

— И что теперь? — едва шевеля губами, спросил Армледер, когда все кончилось.

— А теперь — возвращайтесь! — раздался голос, услышав который Конан смертельно побледнел и посмотрел вверх, где на миг показалась величавая вершина горы, не виданной в обитаемых землях.

... Они очутились на том же самом месте, откуда их увлек к корням Бытия призрак владыки Валузии. Армледер упал без чувств, а Конан, седой, ссутуленный, подошел к зубцу крепостной стены и тяжело облокотился на холодный камень.

— Иллиах! — крикнул он, и все северяне, и Ройл вздрогнули, услышав слабый голос. — Иллиах, мы немедленно трогаемся в столицу. Гвардейцев оставьте здесь, ждать приказа Конна.

Никто не посмел расспрашивать ни его, ни Армледера. Вскоре король и его поредевшая свита тронулись в Тарантию. В столице Конан направился в усыпальницу королевы и сел там, надолго замолчав. Там его и застали Конн и Троцеро, с триумфом въехавшие в столицу во главе подобедоносного воинства.

— С этого все началось, — грустно сказал граф, указывая на понурую фигуру короля и неусыпных стражников.

— По крайней мере, теперь он не хочет отрекаться от престола и мчаться в Вендию, — сказал Конн, поворачиваясь, чтобы уйти.

— В Вендию? — переспросил Конан, поднимаясь и уставляя на них долгий пристальный взгляд. — Троцеро, готовы ли мои полки, а? Или я уже не король?

— Кром! — воскликнул сын киммерийца, воздевая руки в точно таком же жесте, как и его отец в гневе.

И тут же за низкими тучами громыхнул осенний гром, исчертив небо сетью бело-золотых молний.

ЭПИЛОГ

Над Тарантией и ее окрестностями разразилась небывалая гроза. Людям казалось, что грянули последние трубы мира. Под вой и свист ветра, с корнем выворачивавшего вековые деревья и срывавшего крыши, шли службы во всех храмах столицы, и причудливые тени клубились возле алтарей. Хорот вышел из берегов, заливая улицы. Пять дней в некоторых частях города можно было передвигаться лишь на лодках. Не было числа зловещим предсказаниям и мрачным пророчествам. Пока бушевала стихия, люди прислушивались сквозь затворенные ставни к вою ветра, к которым в небесах, сошедших с ума, примешивались жутковатые женские голоса. Сверкали молнии, смешав день и ночь, опустились на землю свинцовые тучи. Земля содрогалась от грома, словно от топота копыт дикой охоты. Зигзаги молний казались отблеском щитов спутников и спутниц Дикого Охотника.

Мелькнули воительницы на крылатых конях, и прекрасные их лица были искажены в леденящем душу смехе. В свете молний сверкнули чешуй брони серебряные шеренги эйнхериев. И в этот миг остановилось сердце полководца Аквилонии графа Троцero.

Наутро после похорон в королевских покоях на столе в Оружейной комнате обнаружили указ Золотого Льва об отречении от престола в пользу сына.

Сам Конан исчез.